СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА

ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

П. О. МОРОЗОВА

ТОМЪ II

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ 1826—1836. ПОЭМЫ 1820—1824.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1887

lib.pushkinskijdom.ru

1826.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. ВУЛЬФЪ.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте,
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ —
И впредь у насъ не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердецъ.

1 іюля 1826. Зуево.

ЭЛЕГІЯ.

(На смерть г-жи Ризничъ).

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!

lib.pushkinskijdom.ru

Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.

29 іюля 1826 года.

Усл. о см.... 25.

У. о с. Р. П. М. К. Б.: 24.

[Г-жа Ризничъ (см. т. I, стр. 295) умерла въ Италіи, и первую помѣту Пушкина слѣдуетъ читать: «Услышалъ о смерти 25.» На смерть ея В. И. Туманскій, подружившійся съ Пушкинымъ въ Одессѣ, написалъ сонетъ, и посвятилъ его Пушкину:

Ты на землѣ была любви подруга,
Твои уста дышали слаще розъ...

(Сѣверная Лира 1827, стр. 153 и стихотворенія В. И. Туманскаго, Спб. 1881, стр. 122). Вторую помѣту слѣдуетъ читать: «Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Коховскаго, Бестужева 24-го іюля» (они казнены 13-го). Въ другой замѣткѣ эти же заглавныя буквы сопровождаются припиской: «Видѣлъ во снѣ.» Около того же времени Пушкинъ два раза набросалъ среди своихъ черновыхъ стихотвореній рисунокъ, изображающій крѣпостной валъ, ворота и висѣлицу съ пятью повѣшенными, приписавъ въ первый разъ: «И я бы...» и во второй: «И я бы могъ, какъ тутъ на...»]

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьѣ мнѣ явился;
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,

lib.pushkinskijdom.ru

И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

[А. П. Пятковскій въ статьѣ: «Пушкинъ въ кремлевскомъ дворцѣ 8-го сентября 1826» (Рус. Стар. 1880, мартъ, стр. 673 — 675), со словъ Алексѣя Влад. Веневитинова (брата поэта), разсказываетъ, что это стихотвореніе было написано передъ самымъ отъѣздомъ Пушкина въ Москву и было у него въ карманѣ при представленіи его государю; оканчивалось оно такъ:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись
И съ вервьемъ вкругъ смиренной выи
Къ царю . . . . . явись!

Являясь въ кремлевскій дворецъ, Пушкинъ, будто бы, имѣлъ твердую рѣшимость, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода его объясненій съ государемъ, вручить ему на прощанье эти стихи. Пріѣхавъ изъ дворца къ Соболевскому, онъ обронилъ листокъ со стихами и очень безпокоился, не случилось ли это во дворцѣ; но листокъ отыскался въ квартирѣ Соболевскаго. Мотивъ стихотворенія заимствованъ изъ пророка Исаіи, гл. VI.]

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ТИМАШЕВОЙ.

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ,
Сіи прелестныя созданья,
Гдѣ ваши томныя мечтанья
Боготворятъ свой идеалъ.

Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ,
Въ душой исполненныхъ чертахъ,
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Соперницы Запретной Розы
Блаженъ безсмертный идеалъ...
Стократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ
И много риемъ, и много прозы!

Москва. 20 октября 1826 г.

[Ек. Ал. Тимашева писала стихи, изъ которыхъ особенно извѣстна была пѣсня, напечатанная въ «Лит. Газетѣ» 1831, № 12, съ припѣвомъ: «Ты не повѣришь, какъ ты мила.» Баратынскій посвятилъ ей свое стихотвореніе: «Вамъ все дано съ щедротою пристрастной» (Соч., изд. 1884, стр. 219). Что такое Запретная Роза — намъ неизвѣстно. Кн. П. А. Вяземскій напечаталъ стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ въ «Моск. Тел.» 1826, № 5 (Соч. Вяз., III, 393); въ статьѣ: «Взглядъ на рус. литературу 1825 и 1826 годовъ», помѣщенной въ «Моск. Тел. 1827, ч. XIII, кн. I, стр. 5—9, запретною розою называется литература: «соловьи свищутъ около нея, сказано тамъ, но, кажется, не хотятъ или не смѣютъ влюбиться постоянно, и только рои пчелъ и шмелей высасываютъ медъ изъ цвѣточка, который ни вянетъ, ни цвѣтетъ, а остается такъ, въ какомъ-то грустномъ, томительномъ состояніи...» Ср. еще т. VII, п. 178. О стихотвореніи Пушкина см. замѣтки С. Д. Полторацкаго и Г. Н. Геннади въ газ. «Наше Время» 1862, № 228 и 233.]

* * *

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ унынье робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

1 ноября 1826 г. Москва.

[Помѣта подъ этимъ стихотвореніемъ, которое прежде относили къ 1821 г., взята съ автографа, находящагося въ Чертковской б—кѣ. По словамъ г. Анненкова, оно относится къ Плещееву, но въ другомъ мѣстѣ г. Анненковъ относитъ его къ Кюхельбекеру. Въ подлинникѣ оно не имѣетъ заглавія, и, если выбирать между указанными двумя лицами, то, по соображенію съ помѣтою, конечно, должно быть отнесено къ первому изъ нихъ. Въ собственноручномъ спискѣ произведеній 1821 г., составленномъ Пушкинымъ, есть указаніе на стихотвореніе «Плещѣеву»; но мы не видимъ основанія отождествлять его именно съ стих.: «Зачѣмъ безвременную скуку.»]

lib.pushkinskijdom.ru

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля, смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ВЪ АЛЬБОМЪ КН. П. П. ВЯЗЕМСКОМУ.

Душа моя Павелъ,
Держись моихъ правилъ.
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

[Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ: «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива, 1826—1837» (Спб. 1880, стр. 9—10) сообщаетъ, что эти стихи написаны Пушкинымъ, по пріѣздѣ въ Москву, въ его дѣтскій альбомъ, откуда впослѣдствіи были вырѣзаны и переклеены въ другой альбомъ, теперь затерявшійся. При этомъ князь приводитъ стихи въ иной редакціи; мы печатаемъ ихъ по тексту Рус. Архива (1867, № 2), гдѣ они взяты съ автографа.]

ОТВѢТЪ Ѳ. А. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ, не черкешенка она:
Но въ долы Грузіи отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.

Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

[Въ черновомъ подлинникѣ озаглавлено: «Отвѣтъ х + у.» Ѳедоръ Антоновичъ Туманскій († 1853), былъ въ 20-хъ годахъ консуломъ въ Яссахъ, откуда часто пріѣзжалъ въ Кишиневъ, и тамъ познакомился съ Пушкинымъ. Ему принадлежитъ посвященное славѣ Пушкина стихотвореніе:

Еще въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсенъ дивный даръ...

См. Стихотворенія В. И. Туманскаго, Спб. 1881, стр. XXVIII—XXXVIII.]

lib.pushkinskijdom.ru

ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

13 декабря 1826. Псковъ.

[Это посланіе было передано Пущину въ Читѣ, мѣстѣ его ссылки, А. Г. Муравьевой, пріѣхавшей къ своему мужу, Никитѣ Михайловичу.]

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

22 декабря 1826. Москва, у Зуб.

[Т. е. въ домѣ Зубкова, одного изъ московскихъ знакомцевъ поэта.]

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* *
*

О ты, который сочеталъ
Съ глубокимъ чувствомъ разумъ вѣрный,
И точный умъ, и слогъ примѣрный,
О ты, который избѣжалъ
Сентиментальности манерной...

* *
*

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей.

lib.pushkinskijdom.ru

1827.

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

[По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, это стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ о гр. Е. К. Воронцовой. См. I, 344.]

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,

lib.pushkinskijdom.ru

Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ;
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ —
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ

«И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ,
И поклонниковъ пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой талисманъ...

«Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ!»

[Относится къ извѣстному перстню Пушкина, который былъ подаренъ ему гр. Е. К. Воронцовой и которому онъ приписывалъ силу талисмана. Перстень этотъ, снятый Жуковскимъ съ руки мертваго Пушкина, принадлежалъ впослѣдствіи И. С. Тургеневу. Ср. I, 344.]

lib.pushkinskijdom.ru

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поетъ надъ розою восточный соловей;
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь — она цвѣтетъ; взываешь — нѣтъ отвѣта!

ПОСЛАНІЕ ВЪ СИБИРЬ.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

[Написано въ Москвѣ и послано съ А. Г. Муравьевой. Отвѣтъ на это посланіе написанъ декабристомъ кн. А. И. Одоевскимъ:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли...

См. Стихотворенія Одоевскаго, изд. бар. Розеномъ, Спб. 1882, и сборникъ г. Бартенева «Пушкинъ», I, 112.]

lib.pushkinskijdom.ru

* *
*

Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Киѳерой
Цвѣтетъ, румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киѳеру и Паѳосъ
Мертвитъ дыханіе мороза —
Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза...

1 апрѣля 1827. (Москва).

Е. Н. УШАКОВОЙ.

Когда, бывало, встарину,
Являлся духъ, иль привидѣнье,
То оттоняло сатану
Пустое это изреченье:
«Аминь, аминь, разсыпься!» Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній
(Богъ вѣдаетъ, куда дѣвалися они...);
Но ты — мой злой иль добрый геній!
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль, иль глаза, и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя —
Я очарованъ, я горю,
Я содрогаюсь предъ тобою
И сердца пылкаго мечтою
«Аминь, аминь, разсыпься!» говорю.

3 апрѣля 1827. (Москва).

[Екатерина Николаевна Ушакова вышла впослѣдствіи за Серг. Дм. Киселева. Стихи къ ней кн. Вяземскаго, написанные также въ 1827 г., см. въ его Соч., III, 448.]

lib.pushkinskijdom.ru

КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(При посылкѣ ей поэмы: «Цыганы»).

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется, и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

[Княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожд. кн. Бѣлосельская-Бѣловерская, была очень образована, знала нѣсколько языковъ, въ томъ числѣ—греческій и латинскій, имѣла замѣчательный музыкальный талантъ и писала стихи. Живя въ 1824—29 гг. въ Москвѣ, она сдѣлала домъ свой средоточіемъ избраннаго артистическаго и литературнаго круга. Послѣ того она поселилась въ Италіи, приняла тамъ католичество и умерла въ Римѣ, въ 1862 г. Она была членомъ моск. общества любителей словесности и общ. исторіи и древностей. Ея сочиненія изданы кн. А. Н. Волконскимъ, на французскомъ и русскомъ языкахъ, въ Парижѣ и Карлсруэ, 1865. Въ 1826 г. въ Москвѣ вышла брошюра о ней: «Portrait de M-me la princesse Zénéïde Volkonsky», переведенная тогда же на рус. яз. подъ заглавіемъ «Узнанная.» См. Рус. Арх. 1867, ст. 311, 671 и Рус. Стар. 1875, № 4, стр. 822: «Вечеръ у кн. Волконской». Упоминаніе о Каталани объясняется тѣмъ, что эта пѣвица, въ бытность свою въ Москвѣ, поѣхала однажды слушать цыганъ, и такъ была довольна пѣніемъ «Стеши», что сняла съ себя и подарила ей дорогую шаль. «Стеша» — мать Ольги Андреевны, которая жила у П. В. Нащокина; см. письма къ нему Пушкина въ VII томѣ.]

КЪ ГРАФИНѢ Н. В. КОЧУБЕЙ.

(При посылкѣ ей оды: «Вольность»).

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Но васъ я вижу, вамъ внимаю...
И что же? слабый человѣкъ!
Свободу потерявъ навѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

[О графинѣ Н. В. Кочубей см. I, 4.]

КНЯЖНѢ С. А. УРУСОВОЙ.

Не вѣровалъ я [граціямъ] донынѣ:
Мнѣ [видъ] тройной казался все мудренъ;
Но вижу васъ — и, вѣрой озаренъ,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

[Это четверостишіе представляетъ подражаніе экспромпту Вольтера, сказанному имъ (1759) красавицѣ-женѣ пастора Верна:

Oui, j'en conviens, chez moi la trinité
Jusqu'à présent n'avait du tout fortune;
Mais j'aperçois les trois Grâces en une,—
Vous confondez mon incrédulité.]

ЭПИГРАММЫ.

На А. Н. Муравьева.

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто жъ вступился за Пиѳона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!

[Андрей Николаевичъ Муравьевъ (1806—1874), впослѣдствіи—извѣстный церковный писатель, авторъ «Путешествія къ св. мѣстамъ», «Писемъ о богослуженіи», «Исторіи росс. церкви», «Житій святыхъ» и т. д., въ своей брошюрѣ «Знакомство съ русскими поэтами» (Кіевъ, 1871) разсказываетъ, что однажды, на вечерѣ у кн. Волконской, онъ, по неловкости, сломалъ руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, украшавшей театральную залу. Это и вызвало эпиграмму Пушкина, который, по словамъ Муравьева, «не разобралъ сти-

lib.pushkinskijdom.ru

ховъ, сейчасъ же написанныхъ мною въ свое оправданіе на пьедесталѣ статуи, и думалъ прочесть въ нихъ, что я называю себя соперникомъ Аполлона». Біографическія свѣдѣнія о Муравьевѣ см. въ Дом. Бесѣдѣ 1874, № 41 и въ Душепол. Чтеніи 1874, ноябрь.]

Кн. А. А. Мещерской.

Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ!
Весь міръ твердитъ, и я съ нимъ тоже:
Другой — что годъ, то больше лѣтъ,
А ты — что годъ, то все моложе.

—

[Княжна Анна Акинѳіевна Мещерская любила уменьшать свои годы.]

* * *

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы! весталка,
Тебя мнѣ жалко.

АРІОНЪ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньѣ правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

$\frac{16 \text{ іюля}}{7}$ (т. е. 1827 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

[Аріонъ — греческій поэтъ, родомъ изъ Метимны, процвѣтавшій около 628—585 г. до Р. Х. Онъ долгое время жилъ у своего друга Періандра, тирана Коринѳскаго. Однажды, когда онъ возвращался изъ путешествія по Италіи, коринѳскіе корабельщики, завидуя сокровищамъ, которыя онъ везъ съ собою, хотѣли бросить его въ море. Онъ упросилъ ихъ позволить ему спѣть еще одну пѣсню и затѣмъ бросился въ волны. Дельфинъ, привлеченный звуками его пѣнія, вынесъ его на своей спинѣ на берегъ, откуда онъ и добрался до Коринѳа. Когда прибыли корабельщики и на вопросъ Періандра о поэтѣ отвѣчали, что благополучно доставили его въ Тарентъ, Аріонъ вдругъ явился передъ ними, и они должны были сознаться въ своемъ преступленіи. Это сказаніе извѣстно въ литературѣ по балладѣ А. В. Шлегеля; изъ древнихъ писателей его передаютъ Геродотъ, Цицеронъ и Овидій. Пушкинъ воспользовался однимъ только именемъ Аріона для того, чтобы въ поэтической формѣ представить свои отношенія къ декабристамъ. Въ черновой рукописи стихотворенія, явившагося въ печати только по смерти поэта, онъ началъ было замѣнять мѣстоименіе *я* мѣстоименіемъ *онъ;* но поправки остались недоконченными.]

ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

27 іюля 1827. С.-Петербургъ.

ЧЕРЕПЪ.

Посланіе къ Дельвигу.

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву,
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ

lib.pushkinskijdom.ru

Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Дельвига. Баронъ,
Конечно, былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бъ рыцарской душой,
Когда бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физіологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ,
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузъ, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу,
Лежали грудой на полу —
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ, роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
Увѣренность, вѣщалъ мудрецъ,—
Сердецъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ, однакожъ, наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ... скелетъ;
Предметъ философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ, онъ однажды, въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И тотчасъ взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говоритъ: нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ айдесскимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.
Смутился кистеръ изумленный!

lib.pushkinskijdom.ru

«Что за желанье? Что за страсть?
Идти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же?.. Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?»
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово,
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.

День угасъ.
Настала ночь. Плащемъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галлереи гробовой,
И съ нимъ преступный кистеръ мой,
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
Визжитъ предательская дверь —
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря
Глухіе своды озаря,
Идутъ — и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
Почіютъ непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны...

Я бы никакъ не осмѣлился оставить риемы въ эту поэтическую минуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію, похищенье совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего

lib.pushkinskijdom.ru

барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою будущаго, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель Вульфъ получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И скандинавовъ рай воинскій
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынскій,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный, иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

[Напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1828 г. съ пропускомъ именъ Дельвига и Вульфа и съ подписью: *Я.*, по поводу которой Пушкинъ говорилъ: «Никто не усомнится, что это *Я.* — я.» Стихотвореніе Баратынскаго «Черепъ», о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, напечатано въ «Сѣв. Цв.» на 1826 г. См. Соч. Бар., изд. 1885, стр. 87.]

lib.pushkinskijdom.ru

ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

15 авг. 1827.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она разымчива, пьяна,

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ сей напитокъ благородный,
Сліянье рома и вина
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

28 авг. 1827.

[Отвѣтъ на стихотвореніе Языкова: «Тригорское», посвященное П. А. Осиповой и напечатанное въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 11. См. Стихотв. Языкова, изд. 1858, I, 72.]

* * *

Près des bords où Venise est reine de la mer.

A. Chenier.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

17 сент. 1827.

[Это же стихотвореніе переведено въ 1826 г. В. И. Туманскимъ (см. его Стихотворенія, Спб. 1881, стр. 151), а въ 1827 — И. И. Козловымъ. Переводъ послѣдняго напечатанъ въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 г. тотчасъ вслѣдъ за пушкинскимъ.]

19 ОКТЯБРЯ 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

lib.pushkinskijdom.ru

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

ЗОЛОТО И БУЛАТЪ.

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛКОНСКОМУ.

(Сыну декабриста Сергѣя Григорьевича).

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.

МОНОЛОГЪ ИЗАБЕЛЛЫ ИЗЪ ТРАГЕДІИ АЛЬФІЕРИ: ФИЛИППЪ II.

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невѣрная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю!
Но какъ же зрѣть его и не любить?
Нравъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
Высокій умъ съ наружностью прекрасной...
Прекрасная душа!.. Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
Что говорю? Ахъ, такъ ли я успѣю
Изъ глубины сердечной милый образъ
Искоренить? О, если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! Передъ нимъ

lib.pushkinskijdom.ru

Всегда печальна я; но избѣгаю
Я встрѣчи съ нимъ. Онъ знаетъ, что веселье
Въ Испаніи запрещено. Кто можетъ
Въ душѣ моей читать? Ахъ, и самой
Не можно мнѣ!.. И онъ, какъ и другіе,
Обманется—и станетъ, какъ другіе,
Онъ убѣгать меня... Увы мнѣ, бѣдной!..
Другого нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
Окромѣ слезъ, и слезы—преступленье!
Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ...
Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. Мнѣ измѣнить
И рѣчь, и взоръ—все можетъ. Ахъ, уйдемъ.

[Этимъ монологомъ начинается первая сцена перваго акта трагедіи Альфіери. Переводъ очень близокъ къ подлиннику; впрочемъ, какъ полагаетъ г. Анненковъ (Мат., 341), Пушкинъ могъ и не видѣть подлинника, а переложить въ бѣлые стихи прозаическій переводъ А. С. Шишкова, изданный въ 1827 г.]

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* *
*

Kennst du das Land...
Wilh. Meist.

По клюкву, по клюкву,
По ягоду по клюкву.

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
Адріатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

lib.pushkinskijdom.ru

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привѣтствуютъ восторги?
Кто идеальною красой,
И томно-нѣжной, и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И поневолѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой?..
. . . . . *)
На рай полуденной природы,
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искусствъ,
Въ стѣсненьѣ вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой —
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находитъ.
Стоитъ ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Кипридой:
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
Въ молчаньѣ смотритъ ли она
На образъ нѣжной Форнарины,
Или Мадонны молодой:
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины.
Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ

*) Затѣмъ въ рукописи приписано:

Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!

(Ср. Онѣгина VII, 52).

lib.pushkinskijdom.ru

Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безымянный
Богини вѣчной красоты?
И ты, харитою вѣнчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
. . . . . .
. . . . . .

[См. Анненкова, Мат., 78.]

* *
*

(Къ нянѣ).

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.
То чудится тебѣ...

[Няня Пушкина, знаменитая Арина Родіоновна, умерла въ концѣ 1827 г., 70 лѣтъ, въ Москвѣ, въ домѣ своей питомицы О. С. Павлищевой, сестры поэта. Ей посвящено Языковымъ стихотвореніе: «Свѣтъ—Родіоновна! забуду ли тебя» (Сѣв. Цв. на 1828 г., стр. 23) и другое, на ея смерть («Я отыщу тотъ крестъ смиренный», Сѣв. Цв. на 1831 г., стр. 53; см. Стихотв. Языкова, изд. 1858, I, 89 и II, 2). См. о ней Мат., 3—4, гдѣ помѣщено и письмо ея къ Пушкину, и ст. Е. П. Карновича: «Няня», въ «Отголоскахъ», 1880, № 24.]

* *
*

Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный Провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ;
Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Тебѣ увядшій мой вѣнецъ...

31 іюня 1827.

lib.pushkinskijdom.ru

* *
*

Толпа холодная поэта окружаетъ
И равнодушныя хвалы ему жужжитъ,
Но равнодушно ей, задумчивъ, онъ внимаетъ
И звучной лирою разсѣянно брянчитъ...

* *
*

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ
Піитъ, внимаемый царями:
Владѣя смѣхомъ и слезами,
Приправя съ горькой правдой ложь,
Онъ вкусъ притупленный щекотитъ
И къ славѣ спѣсь бояръ охотитъ,
Онъ украшаетъ ихъ пиры
И сыплетъ Фебовы дары.
. . . . . .
Межъ тѣмъ . . . . . .
Тѣснясь у ступеней крыльца,
Народъ колеблется волнами,
Съ почтеньемъ слушаетъ пѣвца.

* *
*

. . . . . .
Кормомъ, стойлами, надзоромъ, —
Всѣмъ красны боярскія конюшни,
Сбруя блещетъ на столбахъ дубовыхъ,
Стойлы красны борзыми конями,
Кони сыты, лоснятся...
Лишь однимъ конюшни непригожи:
Домовой повадился въ конюшни,
По ночамъ онъ ходитъ по конюшнѣ,
Чиститъ, холитъ онъ коней боярскихъ,
Заплетаетъ гривы имъ въ косички,
Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ...
Какъ не взлюбитъ онъ коня вороного:
На вечерней зарѣ обойду я конюшню
И зайду въ стойло къ вороному, —
Конь стоитъ исправенъ и смиренъ;
А поутру отопрешь конюшню, —

lib.pushkinskijdom.ru

Конь не тихъ, весь въ мылѣ, грудью пышетъ,
Съ морды каплетъ кровавая пѣна:
Во всю ночь домовой на немъ ѣздитъ
По горамъ, по рѣкамъ, по болотамъ,
Съ полуночи до бѣлаго свѣта,
До заката мѣсяца...
— Ахъ ты, старый конюхъ неразумный!
Загадать ли тебѣ, старый, загадку?
Разгадаешь ли, старый, загадку?
Полюбилъ красну дѣвку младой конюхъ,
Молодой конюхъ, разгульный парень;
Онъ конюшню ночью отпираетъ,
Потихоньку вороного сѣдлаетъ,
Полегоньку выводитъ за ворота,
На коня на борзаго садится,
Къ красной дѣвкѣ въ гости скачетъ.

—

[Мысль этого стихотворенія, оставшагося въ бумагахъ Пушкина лишь въ черновомъ наброскѣ, была сообщена имъ крестьянину-стихотворцу Ѳ. Н. Слѣпушкину, который и воспользовался ею для своего стихотворенія: «Конь и домовой». См. И. С. Ремезова: Самоучки (Матеріалы для исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи). Спб. 1886, стр. 119.]

* *
*

Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится пещера.
Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями, и тѣнью
Входъ въ нее заслоненъ, сквозь вѣтви блестящимъ въ извивахъ
Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинъ. Звонкой дугою
Съ камня на камень сбѣгаетъ, пробивъ глубокое русло,
Рѣзвый ручей . . . . .
Тихо по рощѣ густой, веселя ее, онъ вiется
Сладкимъ журчаньемъ.

—

[Набросано, въ крайне исчерканномъ и неразборчивомъ видѣ, среди черновыхъ VI и VII строфъ 7-й главы Онѣгина. Тутъ же дважды повторены стихи:

Кругомъ его цвѣтетъ шиповникъ,
Минутный вѣстникъ теплыхъ дней,
И вьется плющъ, могилъ любовникъ,
И свищетъ ночью соловей.]

lib.pushkinskijdom.ru

1828.

ДРУЗЬЯМЪ.

Нѣтъ я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно править нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ — и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль, въ сердечномъ умиленьѣ,
Ему хвалы не воспою?

Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

[Это стихотвореніе, написанное въ началѣ 1828 г., было представлено Пушкинымъ гр. А. Х. Бенкендорфу, который и увѣдомилъ автора, что государь совершенно доволенъ этимъ произведеніемъ, но не желаетъ, чтобы оно было напечатано. Оно было вызвано, по всей вѣроятности, рѣзкими замѣчаніями друзей поэта на его стансы: «Въ надеждѣ славы и добра.»]

И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,

сочинителю «Сатиры на игроковъ.»

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дѣльно міру!
Ему полезенъ розги свистъ.
Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ:
Съ какимъ усердьемъ онъ молился
И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежь: погорячился,
Продулся весь, и такъ пропалъ!
Дамонъ твой — человѣкъ ужасный;
Забудь его опасный домъ,
Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты,
И ни рубля не проигралъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Люблю: вотъ каковы поэты!
А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой:
Нѣкто, мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды,
Хлебнувъ кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ, его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировалъ!
Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

[Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій, помѣщикъ Старицкаго уѣзда, близкій знакомый Пушкина, помѣщалъ элегическія стихотворенія въ журналахъ и альманахахъ 20-хъ годовъ, а впослѣдствіи писалъ драмы, подъ псевдонимомъ Ивельева. Книжка: «Къ Эрасту, сатира на игроковъ», вышла въ М. 1828. 4° (съ картинкою); въ «Сѣв. Пч.» № 26 была напечатана о ней небольшая рецензія, а въ № 30 явилось и стихотвореніе Пушкина, безъ подписи, но съ примѣчаніемъ редакціи: «Имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem.» Обидѣвшійся Великопольскій отвѣчалъ колкимъ посланіемъ, котораго цензура, однако, не хотѣла пропустить безъ согласія Пушкина, а Пушкинъ не позволилъ напечатать. См. статью «Пушкинъ и Великопольскій» въ сборникѣ Бартенева: Пушкинъ, II, 131 — 137 и письмо Пушкина въ VII т., п. 200. Великопольскій умеръ 7 февр. 1868 г., 72-хъ лѣтъ. См. Спб. Вѣд. № 54.]

* * *

(А. А. Олениной).

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ —

lib.pushkinskijdom.ru

Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

[Это стихотвореніе вызвано знакомствомъ Пушкина съ Анной Алексѣевной Олениной, которой посвящено еще нѣсколько другихъ стихотвореній. Ѳ. Г. Солнцевъ въ своихъ Воспоминаніяхъ (Рус. Стар. 1876, мартъ, 633) разсказываетъ, что Пушкинъ за нее сватался, но бракъ этотъ не состоялся, такъ какъ противъ него была ея мать. Впослѣдствіи А. А. вышла за г. Андро, занимавшаго при кн. Горчаковѣ должность президента города Варшавы.]

ЕЯ ГЛАЗА.

(Въ отвѣтъ на стихи кн. Вяземскаго).

Она мила, скажу межъ нами —
Придворныхъ витязей гроза —
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, то ли дѣло
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!..
Потупитъ ихъ съ улыбкой Леля —
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;
Подниметъ — ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество!

[Стихотвореніе кн. Вяземскаго: «Черныя очи, чудныя очи» (Соч. IV, 42 и 82), посвящено А. О. Россетти (1810—1882), которая въ обществѣ того времени носила прозваніе Donna Sol и впослѣдствіи была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ, Крыловымъ, Гоголемъ и другими писателями, называвшими ее Notre Dame de bon secours de la littérature russe en détresse. А. О. вышла за Ник. Мих. Смирнова, бывшаго въ 40-хъ годахъ губернаторомъ въ Калугѣ и оставившаго воспоминанія о Пушкинѣ (Рус. Арх. 1882,

lib.pushkinskijdom.ru

I, 229 — 239). Ея братья, Аркадій и Клементій Осиповичи, были пріятелями Пушкина; изъ нихъ первый также написалъ о немъ воспоминанія (тамъ же, 245 — 248). Объ А. О. Смирновой см. Соч. Вяз., VIII, 233, Ист. Вѣстн. 1882, № 10, стр. 225 и Nouvelle Revue 1885, t. XXXVII, 1-er novembre, p. 21.]

* * *

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.

A. Chenier.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

1828.

[Изъ Шенье взятъ только первый стихъ, приведенный въ видѣ эпиграфа.]

ПОРТРЕТЪ.

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О, жены сѣвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ —
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ.

[Относится къ дочери графа Ѳед. Андр. Толстого, графинѣ Аграфенѣ Ѳедоровнѣ, бывшей въ замужествѣ за гр. Арс. Андр. Закревскимъ, впослѣдствіи московскимъ генералъ-губернаторомъ. Ср. письмо кн. Вяземскаго въ сборникѣ «Пушкинъ», II, 40.]

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.

Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!..

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.

[Разсказываютъ, что Грибоѣдовъ сообщилъ Глинкѣ одинъ грузинскій мотивъ; Глинка записалъ его, а потомъ сыгралъ при Пушкинѣ, которому музыка такъ понравилась, что онъ тутъ же написалъ къ ней слова, составляющія это стихотвореніе.]

КЪ ***.

Счастливъ, кто избранъ своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При комъ любовью млѣешь явно,
Чьи взоры властвуютъ тобой;
Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
Сгорая пламенемъ любви,
Потупя голову, ревниво,
Признанья слушаетъ твои.

lib.pushkinskijdom.ru

НАПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои разсказы;
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

[По указанію г. Анненкова, это и предыдущее стихотворенія относятся къ одному лицу и первоначально составляли одно цѣлое, разбитое на двѣ пьесы самимъ поэтомъ.]

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханный,
Забытый въ книгѣ, вижу я;
И вотъ, уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынѣче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

lib.pushkinskijdom.ru

TO DAWE ESQr.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофель.
Рисуй Олениной черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

9 мая 1828 года. Море.

[Написано на пароходѣ, когда Пушкинъ провожалъ до Кронштадта одного знакомаго, ѣхавшаго за границу. Портретъ Пушкина, рисованный Доу, неизвѣстенъ.]

* * *

Увы, языкъ любви болтливой,
Языкъ и скромный, и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебѣ докученъ, ангелъ мой.
Ты любишь мѣрные напѣвы,
Ты любишь риѳмы гордый звонъ,
И сладокъ уху милой дѣвы
Честолюбивый Аполлонъ.
Тебя страшитъ любви признанье,
Письмо мое ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
Съ улыбкой нѣжною прочтешь.
Благословенъ же будь отнынѣ,
Судьбою ввѣренный мнѣ даръ!
Доселѣ въ жизненной пустынѣ,
Во мнѣ питая сердца жаръ,
Мнѣ навлекалъ одно гоненье
. . . . . .
Иль клевету, иль заточенье,
И рѣдко — хладную хвалу...

9 мая 1828, море, on day.

lib.pushkinskijdom.ru

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

*

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!..

19 мая 1828.

[Вторая половина этого стихотворенія не назначалась Пушкинымъ для печати, какъ имѣющая характеръ чисто-личной исповѣди. О томъ, кого подразумѣвалъ поэтъ подъ двумя тѣнями, см. Анненкова, Пушкинъ, 244.]

lib.pushkinskijdom.ru

ТЫ И ВЫ.

Пустое вы сердечнымъ ты
Она, обмолвясь, замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ вы милы!
И мыслю: какъ тебя люблю!

[Въ рукописи это стихотвореніе сопровождается тремя помѣтами: «18 мая у княгини Голицыной etc.», «20 мая 1828» и, въ концѣ стихотворенія, — «23 мая.» По указанію А. П. Кернъ (Рус. Стар. 1880, № 1), оно относится къ А. А. Олениной.]

26 МАЯ 1828.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

[Стихи эти вызвали стихотворное возраженіе митрополита Филарета: «Не напрасно, не случайно» и отвѣтъ на него Пушкина: «Въ часы забавъ иль праздной скуки» (1830). См. письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу въ сборникѣ «Пушкинъ», II, 43 и замѣтку Д. Языкова въ Рус. Кур. 1880, № 162.]

lib.pushkinskijdom.ru

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангелъ, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься; взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнитъ душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

[Вызвано безпокойствомъ Пушкина по поводу возникшаго тогда дѣла о стихотвореніи «Андрей Шенье». См. I, 343.]

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ, гдѣ бъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Въ чистомъ полѣ, подъ ракитой,
Богатырь лежитъ убитый.

Кѣмъ убитъ и отчего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова,
Не убитаго, живова.

[Въ «Галатеѣ» 1830, ч. XII, помѣщенъ точный переводъ этой пѣсни съ англійскаго. Малороссійскій переводъ ея же, А. Боровиковскаго, напечатанъ въ В. Евр. 1830, № 3, стр. 186.]

Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
Но сѣверъ забывать грѣшно.
Такъ слушай: поспѣшай карлсбадскія пить воды,
Чтобъ съ нами снова пить вино.

14 (26) іюня 1828. Стрѣльна.

[Написано подъ собственнымъ портретомъ, который былъ посланъ Пушкинымъ отъѣзжавшему за границу Киселеву.]

* * *

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорилъ: «тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!»

Прошли любовныя печали,
Смирились легкія мечты...
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!..

lib.pushkinskijdom.ru

Е. В. ВЕЛЬЯШЕВОЙ.

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса,
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи Тверской,
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ,
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.
Упиваясь непріятно
Хмѣлемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій станъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если жъ нѣтъ... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до ноября.

1828. Ижоры.

[Изъ письма Пушкина къ А. Н. Вульфу (т. VII, п. 213), видно, что второй и третій стихъ этой пьесы «исправлены» П. И. Эгельстромомъ, сосѣдомъ Вульфа по имѣнію; Пушкинъ, однако, принялъ «поправку», потому что въ такомъ видѣ явилось это стихотвореніе въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1830 г. Оно относится къ Екатеринѣ Васильевнѣ Вельяшевой, вышедшей впослѣдствіи за Жандра.]

ПОСЛАНІЕ П. И. ЭГЕЛЬСТРОМУ

О, Эгельстромъ! я восхищенный
Читалъ творенія твои:
Твой стихъ, лишь геніемъ внушенный,
Блеститъ какъ солнце въ ясны дни.

lib.pushkinskijdom.ru

Когда, соперникъ Ювенала,
Металъ ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злоба трепетала,
Дрожалъ завистникъ Копыловъ.

Когда Анакреона лиру
Красѣ прелестной посвящалъ,
Тогда разнѣженному міру
Восторги сладостны внушалъ.

Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь надъ гробовой доской,
Весь свѣтъ ты пѣснью огорчаешь —
Тогда стенаетъ все съ тобой.

Когда комедіей насъ хочешь
Плѣнить — что твой Мольеръ, Крыловъ:
Съ тобой невольно захохочешь...
Сердись, какъ хочешь, Копыловъ!

Поэтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ для насъ твой каждый стихъ!
Скажи, почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?

Пусти въ печать твои творенья,
Заслужишь множество вѣнцовъ —
Мы всѣ помремъ отъ восхищенья!
О, Эгельстромъ, ты царь пѣвцовъ!

[Павелъ Ивановичъ Эгельстромъ, о которомъ упомянуто выше, родомъ шведъ, имѣлъ страсть писать стихи, надъ которою потѣшались Пушкинъ и Вульфъ. Памятью объ этихъ шуткахъ и осталось посланіе Пушкина.]

А. И. ВУЛЬФЪ.

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ —
И R и O позабываю
Для N и W.

---

lib.pushkinskijdom.ru

[Анна Ивановна Вульфъ — племянница Алексѣя Николаевича, жившая въ тверскомъ имѣніи, Старицкаго уѣзда, с. Малинникахъ. Буквы означаютъ: Rossetti, Olenine и Netty Wulf.]

АНЧАРЪ.

Древо яда.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами —
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

lib.pushkinskijdom.ru

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

9 ноября 1828.
Деревня Малинники.

[Это стихотвореніе, явившееся въ печати только въ 1832 г., обратило на себя вниманіе А. Х. Бенкендорфа, который сдѣлалъ Пушкину запросъ: «почему оно было напечатано безъ предварительнаго разсмотрѣнія государя императора?» Пушкинъ отвѣчалъ письмомъ отъ 7-го января 1832 г.; см. т. VII. Въ черновой рукописи вторая строфа была первоначально написана такъ:

Природа Африки моей
Его въ день гнѣва породила,
И жилы мощныя корней
Губящимъ ядомъ напоила.

См. Анненкова, Воспоминанія и критич. очерки, III, 256. Мериме, помѣстившій въ своей книгѣ «Portraits historiques et littéraires», между прочимъ, переводъ этого стихотворенія, замѣчаетъ, что только одинъ латинскій языкъ можетъ дать понятіе о сжатости русскаго, и для примѣра приводитъ по-латыни 6-ю строфу: At vir virum—misit ad antchar superbo vultu—et ille obedienter viam ingressus est—et rediit mane cum veneno.]

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой:
Онъ заманитъ меня потомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербуя рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ

lib.pushkinskijdom.ru

Его на мѣстѣ не подкоситъ?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнасса
Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.

10 ноября 1828.
Малиники.

[Катенинъ написалъ и посвятилъ Пушкину свое стихотвореніе: «Русская быль», гдѣ, между прочимъ, кн. Владиміръ на состязаніи пѣвцовъ присуждаетъ греку-пѣвцу коня и латы, а русскому — завѣтный кубокъ, данный Святославу Цимисхіемъ. Пушкинъ передалъ это стихотвореніе въ «С. Цвѣты» при письмѣ: «П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ; я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши Сѣв. Цвѣты». Затѣмъ, Катенинымъ было написано стихотворное посланіе къ Пушкину, гдѣ говорится, что «этотъ завѣтный кубокъ не потерянъ и находится теперь въ рукахъ автора Онѣгина.» Стихи Пушкина составляютъ отвѣтъ на это посланіе.]

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца.»
— Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ жъ мертвецъ? — «Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ —

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу.
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?» — Эй, впусти, хозяинъ!
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

lib.pushkinskijdom.ru

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

ОПРИЧНИКЪ.

(Отрывокъ).

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ и крикъ торговый;
Лишь только лаетъ стражъ дворовый,
Да цѣпью звонкою гремитъ.

lib.pushkinskijdom.ru

И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ... *)

Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Опричникъ удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: «мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!..» Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровый
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. «Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой?
Не мы ли здѣсь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местію горя,

*) Послѣ этого стиха въ рукописи зачеркнуто:

Недавно кровь со всѣхъ сторонъ
Струею тощей снѣгъ багрила,
И подымался томный стонъ,
Но смерть коснулась къ нимъ, какъ сонъ,
Свою добычу осѣнила...

lib.pushkinskijdom.ru

Лихихъ измѣнниковъ царя?
Не ихъ ли кровію омыты
Твои булатныя копыты?
Теперь ужель ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..» и конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ...
. . . . . .

ЧЕРНЬ *).

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ — а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный
Ему безсмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

ПОЭТЪ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ:
Тебѣ бы пользы все — на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.

*) Въ рукописи озаглавлено: Ямбъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

ЧЕРНЬ.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

ПОЭТЪ.

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

lib.pushkinskijdom.ru

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ.

Сто лѣтъ минуло, какъ тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже пруссакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся — и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Боговъ пристанища святыя.
Символъ германца на другомъ —
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачить.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ;
Токъ Нѣмана гостепріимный,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.

lib.pushkinskijdom.ru

Лишь хмѣль литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся, дерзновенный,
Береговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

[Близкій переводъ начала «Валленрода».]

И. В. СЛЕНИНУ.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являться впрочемъ не хочу;
Но твой альбомъ—другое дѣло,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабытъ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларъ молитвеннымъ стихомъ.

[Ив. Вас. Слѣнинъ былъ однимъ изъ лучшихъ книгопродавцевъ того времени, и въ его лавкѣ постоянно собирались литераторы, какъ послѣ — у Смирдина.]

lib.pushkinskijdom.ru

В. С. ФИЛИМОНОВУ,

при полученіи поэмы его: «Дурацкій Колпакъ».

Вамъ музы, милыя старушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ,
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ томъ же мнѣ уборѣ
Предъ вами нынѣче щегольнуть
И въ откровенномъ разговорѣ,
Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;
Онъ поневолѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынѣче красный цвѣтъ.
Итакъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.

[Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ, авторъ «Дурацкаго Колпака» (5 частей, 1828 — 1838), «Басенъ», «Непостижимой» и др., ум. въ 1858 г. См. Спб. Вѣд. этого года, № 158.]

ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора!
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

[Анакреона ода LX. То же стихотвореніе переведено впослѣдствіи Л. Меемъ.]

lib.pushkinskijdom.ru

19 ОКТЯБРЯ 1828.

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ у р а,
Прощайте, братцы. Мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

[Пушкинъ тогда же уѣхалъ изъ Петербурга, и 27 октября былъ уже въ деревнѣ Малинникахъ, Тверской губ., какъ видно изъ написаннаго тамъ въ тотъ же день посвященія къ только-что оконченной «Полтавѣ». Приводимъ, кстати, протоколъ празднованія лицейской годовщины 1828 г., писанный рукою Пушкина.

Собрались на пепелищѣ скотобратца курпофеюса Тыркова, по прозвищу кирпичнаго бруса, 8 человѣкъ скотобратцевъ, а именно: Дельвигъ—Тося, Илличевскій—Олесенька, Яковлевъ—паясъ, Корфъ—дьячокъ-морданъ, Стевенъ—шведъ, Тырковъ (смотри выше), Комовскій—лиса, Пушкинъ—французъ (смѣсь обезіаны съ тигромъ).

a. Пѣли извѣстный лицейскій пэанъ Лѣто, знойна.

Пушкинъ-французъ открылъ, и согласенъ съ нимъ сочинитель Олесенька, что должно вмѣсто общеупотребляемаго припѣва Лѣто знойно пѣть какъ выше означено [1]).

b. Вели бесѣду.

c. Выпили вдоволь ихъ здоровій.

d. Пѣли рефутацію г-на Беранжера [2]).

e. Пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ [3]).

f. Пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ.

g. Олесенька, въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора, утѣшалъ собравшихся.

h. Тырковіусъ безмолвствовалъ.

i. Толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновенія скотобратцевъ.

k. Паясъ представлялъ восковую персону.

l. И завидѣвъ на дворѣ часъ первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику императорскаго лицея Пушкину-французу, иже написа сію грамоту. (Слѣдуютъ собственноручныя подписи присутствовавшихъ съ ихъ прозвищами).

Рефутація Беранжера.

Soldat, t'en souviens-tu, disait un capitaine.
Emile Debraux.

Ты помнишь-ли, ахъ, ваше благородье,
Мусье французъ, ... капитанъ,
Какъ помнятся у насъ въ простонародьѣ
Надъ нехристемъ побѣды россіянъ?

---

[1]) Неизданное стих. Илличевскаго, въ духѣ Тредьяковскаго:

Лѣто знойно, дщерь природы,
Идетъ къ намъ въ страну.

[2]) Часть ея приведена нами вслѣдъ за этимъ протоколомъ.

[3]) По словамъ Я. К. Грота, обыкновенно Дельвигъ затягивалъ торжественно:

О Соломонъ,
Въ библіи первый пѣвецъ и первый мудрецъ! и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

Хоть это намъ не составляетъ много,
Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать;
Но встарь мы васъ наказывали строго,—
Ты помнишь-ли? скажи, ...

Ты помнишь-ли, какъ за горы Суворовъ
Перемахнувъ, напалъ на васъ врасплохъ,
Какъ нашъ старикъ трепалъ васъ, живодеровъ,
И васъ давилъ на ноготкѣ, какъ блохъ?
Хоть это намъ, и пр.

Ты помнишь-ли, какъ всю пригналъ Европу
На насъ однихъ вашъ Бонапартъ-буянъ?
. . . . . .

Ты помнишь-ли, какъ были мы въ Парижѣ,
Гдѣ нашъ казакъ иль полковой нашъ попъ
Морочилъ васъ, подсѣвъ къ винцу поближе,
И вашихъ женъ похваливалъ . . . . .
Хоть это намъ, и пр.]

ОТВѢТЪ А. И. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво, и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ харитъ и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ ужели я навлекъ?
О, сколько бъ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтреный зоилъ,
Когда бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ, а ты
Была всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

(Между 10—26 ноября).

[Анна Ивановна Готовцова, родная тетка извѣстной писательницы Ю. В. Жадовской, помѣщала свои стихотворенія въ альманахахъ того времени. «Отвѣтъ» Пушкина вызванъ посланіемъ «А. С. П.», напечатаннымъ въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1829 годъ, въ которомъ Готовцова упрекала его въ непониманіи женскаго достоинства,— вѣроятно, по поводу отрывка изъ «Онѣгина», явившагося

lib.pushkinskijdom.ru

подъ заглавіемъ: «Женщины» въ Моск. Вѣстникѣ 1827, № 20, а можетъ быть, и по поводу «Мыслей и замѣтокъ» въ «Сѣв. Цв.» на 1828 г.:

Несправедливъ твой приговоръ,
Но порицать тебя не смѣемъ;
Мы генію простить умѣемъ,—
Молчанье выразитъ укоръ.

«Отвѣтъ» напечатанъ тотчасъ же вслѣдъ за посланіемъ, которымъ Пушкинъ былъ недоволенъ. См. письмо его къ Дельвигу, т. VII, п. 206, 207. Кн. Вяземскій также посвятилъ Готовцовой «Стансы» (Соч., IV, 53. См. еще Рус. Арх. 1879, II, 480.]

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

(Посвященіе 4 и 5 гл. Евгенія Онѣгина).

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть—рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

29 декабря 1828 г.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что жъ новаго? «Ей Богу ничего.»
— Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердитъ? Помилуй, братъ, за что?

lib.pushkinskijdom.ru

Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
«Охъ, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.»

[Передѣлка старой лицейской эпиграммы 1816 г. См. I, 158.]

СОБРАНІЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки
Есть, право, менѣе булавочной головки.

Крыловъ.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то какая сортировка!
Вотъ Глинка — Божія коровка,
Вотъ Каченовскій — злой паукъ,
Вотъ и Свиньинъ — россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ — черная мурашка,
Вотъ Раичъ — мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно, за стекломъ и въ рамахъ,
Они, пронзенные насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

1828.

[Напечатано въ «Подснѣжникѣ» 1830 г., стр. 18, съ замѣною собственныхъ именъ—звѣздочками, и вызвало пародію въ Моск. Телегр. 1830 («Новый Живописецъ», № 8, стр. 135) и возраженіе въ В. Евр., ч. II, стр. 301, гдѣ, между прочимъ, было замѣчено, что «энтомологи велятъ загадочные стихи читать слѣдующимъ образомъ:

«Полтава — Божія коровка,
Кавказскій Плѣнникъ — злой паукъ;
Вотъ Годуновъ — россійскій жукъ,
Онѣгинъ — тощая піявка,
Графъ Нулинъ — мелкая козявка».

Послѣ этого стихотвореніе было снова перепечатано въ Лит. Газетѣ, № 43 съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Сіе стихотвореніе, напечатанное въ альманахѣ «Подснѣжникъ» нынѣшняго года, обратило на себя всеобщее вниманіе. Всѣ журналы отозвались о немъ, и большею частію неблагосклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ Европы и въ Московскомъ Телеграфѣ. Пародія Вѣстника отличается легкимъ остроуміемъ; пародія Телеграфа—полнотою смысла и строгою грамматическою и логическою точностью. Здѣсь мы помѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

щаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное сочинителемъ.—Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особою книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.» Ср. еще V, 115.]

* * *

Невѣдомскій — поэтъ, невѣдомый никѣмъ,
Печатаетъ стихи, невѣдомо зачѣмъ.

[Лирическія поэмы Николая Невѣдомскаго: Русскій Орелъ.— Наполеонъ. Спб. 1828, 8°, 76 стр. См. Моск. Телегр. 1828, № 4.]

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* * *

Риѳма — звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда.
Ахъ, ужель ты улетѣла,
Измѣнила навсегда?

Твой привычный, звучный лепетъ
Усмирялъ сердечный трепетъ.
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила.
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!

Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала
Какъ послушное дитя;
То — свободна и ревнива,
Своенравна и лѣнива —
Съ нею спорила шутя.

lib.pushkinskijdom.ru

Но съ тобой не разставался,
Сколько разъ повиновался
Рѣзвымъ прихотямъ твоимъ,
Какъ любовникъ добродушный,
Снисходительно послушный,
Былъ я мучимъ и любимъ.

О, когда бы ты явилась
Въ дни, когда еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты бы съ ними обитала,
Какъ бы пышно заблистала
Родословная твоя!

Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали бы міру
Гезіодъ или Омиръ:
«Фебъ однажды у Адмета,
Близь тѣнистаго Тайгета
Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.

«Онъ бродилъ во мракѣ лѣса,
И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ
Навѣщать его не смѣли —
Бога лиры и свирѣли,
Бога свѣта и стиховъ!

«Помня первыя свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,
И подруга Аполлона
Въ тихой рощѣ Геликона
. . . . . родила...

—

[Этотъ набросокъ находится въ черновой рукописи «Полтавы». За послѣднимъ куплетомъ слѣдуютъ неразборчивыя строчки, гдѣ можно еще прочесть:

И младенца воспріяли
Боги... Діана...
И отъ гнѣвнаго Зевеса
... сокрыла ночь...

lib.pushkinskijdom.ru

Сюда же, вѣроятно, относятся и слѣдующіе стихи (изъ другой тетради):

Своенравная подруга
Гармонической мечты,
Риѳма, мнѣ часы досуга
Оживлять умѣла ты
И стиховъ моихъ вѣнчала
Своевольныя четы...]

* * *

Въ степяхъ зеленыхъ Буджака,
Гдѣ Прутъ, завѣтная рѣка,
Обходитъ русскія владѣнья,
При бѣдномъ устьѣ ручейка
Стоитъ безвѣстное селенье;
Семействами болгары тутъ
Въ убогой дикости живутъ,
Храня родительскіе нравы,
Питаясь . . . . . трудомъ,
И не заботятся о томъ,
Какъ ратоборствуютъ державы
И мирно правятъ ихъ судьбой...

* * *

Волненьемъ жизни утомленный,
Оставя заблужденій путь,
Къ тебѣ прибрелъ я отдохнуть
И близъ тебя, мой другъ безцѣнный...

25 іюня. Фанни. Няня. Elisa e Claudio.

* * *

Брадатый старичекъ Авдѣй
Съ поклономъ барынѣ своей
Поднесъ ученаго скворца
Замѣсто краснаго яичка.
Извѣстно вамъ, такая птичка
Умнѣй иного мудреца.
Скворецъ

lib.pushkinskijdom.ru

Вздыхалъ о царствіи небесъ
И приговаривалъ, картавя:
«Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!»

—

[Къ этому же году относятся нѣсколько стихотворныхъ шутокъ, написанныхъ Пушкинымъ въ альбомъ А. П. Кернъ (см. Рус. Стар. 1880, янв., 142—145). Пушкинъ сталъ переводить написанные въ этомъ альбомѣ французскіе стихи. Такъ, четверостишіе:

Oh, si dans l'immortelle vie
Il éxistait un être parfait,
Oh, mon aimable et douce amie,
Comme toi sans doute il est fait—

Пушкинъ перевелъ:

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестный,
То тебѣ подобенъ онъ.
Я скажу тебѣ резонъ:
«Невозможно!»

Далѣе, подъ какими-то очень плохими стихами было подписано: «écrit dans mon éxil»; Пушкинъ приписалъ:

Amour, éxil,—
Какая гиль!

Дм. Ник. Барковъ (извѣстный въ свое время театральный писатель и переводчикъ) написалъ французскіе стихи несовсѣмъ правильно, и Пушкинъ, вмѣсто перевода, написалъ:

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такова
Не смѣю громко произнесть.

Пушкину очень нравились стихи А. И. Подолинскаго:

Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю — гурія пророка
Съ небесъ на землю сведена, и пр.

Въ альбомѣ онъ пародировалъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Когда стройна, и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена!»

Однажды, заставъ А. П. за письмомъ къ ея младшей сестрѣ въ Малороссію, Пушкинъ приписалъ къ нему:

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ,
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.]

lib.pushkinskijdom.ru

1829.

ПРИМѢТЫ.

(А. А. Олениной.)

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

— —

[Пушкинъ вѣрилъ въ примѣты. Получивъ извѣстіе о томъ, что произошло 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ, онъ на другое же утро выѣхалъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ, но вернулся, не доѣхавъ и до первой станціи,— потому, какъ онъ самъ объяснялъ, что при выѣздѣ встрѣтилъ попа, а затѣмъ заяцъ перебѣжалъ ему дорогу. См. Анненкова. Пушк., 311.]

lib.pushkinskijdom.ru

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его, тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я!

* *
*

Я васъ любилъ; любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

[Какъ это, такъ и предыдущее стихотвореніе относятся, по всей вѣроятности, также къ А. А. Олениной.]

lib.pushkinskijdom.ru

КЪ А. П. КЕРНЪ.

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права,

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю,
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья —
Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

ЕКАТ. НИКОЛ. УШАКОВОЙ.

(Въ альбомъ).

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ гармоническая роза...
И наши риѳмы, наша проза
Предъ вами—шумъ и суета...
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ —
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневолѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
Еще заборъ не заграждалъ.

Москва.

— — —

[Приводимъ сохранившуюся въ рукописи первоначальную редакцію этого стихотворенія:

Вы избалованы природой,
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша страстная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ хвалить не мудрено,
Что ваши взоры — сердцу жалы,
Что ваши ножки очень малы,
Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры,
Что можно васъ любить сердечно;
Но вы не знаете, конечно,
Что и болтливая Москва
Порою правды не умалитъ,
Что иногда и сердце хвалитъ,
Хоть и кружится голова.]

ИЗЪ ЕЯ ЖЕ АЛЬБОМА.

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ;
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ.
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ;
Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?

(Передъ отъѣздомъ на Кавказъ).

lib.pushkinskijdom.ru

ОТРЫВОКЪ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — оттого,
Что не любить оно не можетъ.

15 мая.

[По мнѣнію П. И. Бартенева, это стихотвореніе относится къ Н. Н. Гончаровой, впослѣдствіи — женѣ поэта.]

КАЛМЫЧКѢ.

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-англійски, предъ самоваромъ,
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.

lib.pushkinskijdom.ru

Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

22 мая 1829. Капъ-Кой.

[О встрѣчѣ съ калмычкой, вызвавшей это стихотвореніе, Пушкинъ разсказываетъ въ своемъ Путешествіи въ Арзрумъ (см. т. IV, стр. 415). Въ черновой рукописи «Путешествія» этотъ разсказъ нѣсколько отличается отъ напечатаннаго, почему и приводимъ его здѣсь цѣликомъ: «Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. «Какъ тебя зовутъ?» — ***.— «Сколько тебѣ лѣтъ?» — Десять и восемь.— «Что ты шьешь?» — Портка.— «Кому?» — Себя.— «Поцѣлуй меня.» — Неможна, стыдно.— Голосъ ея былъ чрезвычайно пріятенъ. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать, и т. д. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины и я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по головѣ... Калмыцкая любезность мнѣ надоѣла, я выбрался изъ кибитки и поѣхалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое, вѣроятно, никогда до нея не дойдетъ.» Капъ-Кой — названіе Владикавказа.]

ИЗЪ ГАФИЗА.

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавой
Съ карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встрѣтитъ:
Азраилъ среди мечей
Красоту твою замѣтитъ—
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда!

5 іюля 1829.
Лагерь при Евфратѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

ДОНЪ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ;
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю *).

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

1829.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку

*) Арпачай — граница русской Арменіи.

lib.pushkinskijdom.ru

Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?..
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

7 сентября.

[Делибашъ — удалой наѣздникъ; лава — казачья сотня, выстроившаяся въ одинъ рядъ для атаки. См. IV, 437, Путешествіе въ Арзрумъ.]

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;

lib.pushkinskijdom.ru

Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельѣ,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельѣ.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

20 сентября.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ.

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра *) поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять!

То ли дѣло — рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!..
Ну, пошелъ же, погоняй!..

4 октября. На дорогѣ съ Кавказа.

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;

*) Извѣстный московскій ресторатеръ.

lib.pushkinskijdom.ru

Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

29 октября.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли;
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ, и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу — глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ риѳмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтреныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!..

2 ноября.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце — день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный,
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной Авроры,
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла —
А нынѣче... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ.
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

lib.pushkinskijdom.ru

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

3 ноября.

ВОСПОМИНАНІЕ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи — безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей,
И слышалъ снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ забывался я!

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:

lib.pushkinskijdom.ru

Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоятъ, населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ!..

Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ, и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ наваринскій Ганнибалъ!..

14 декабря 1829. С.-Петербургъ.

ЭЛЕГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Поѣдемъ, я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... Но, друзья,
Скажите, въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
. . . . . .

23 декабря 1829.

[Въ рукописи послѣ помѣты слѣдуетъ еще стихъ:

Но полно, — разорву оковы я любви...]

lib.pushkinskijdom.ru

СТАНСЫ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти*).

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,

---

*) Далѣе въ черновой рукописи слѣдовало:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Всегда близка, всегда со мной.

Затѣмъ идетъ еще одна исчерканная строфа, изъ которой можно разобрать только два стиха:

Но не вотще меня знакомитъ
Съ могилой ясная мечта...

lib.pushkinskijdom.ru

Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

26 декабря 1829 года.
С.-Петербургъ, 3 часа 5 минутъ.

ЗАГАДКА.

(При посылкѣ Дельвигу бронзоваго сфинкса).

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

[Загадка характеризуетъ Дельвига, какъ автора идиллій и пѣсенъ въ русскомъ народномъ стилѣ.]

ЭПИГРАММЫ.

На Каченовскаго.

1.

Литературное извѣстіе.

Въ элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій;
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ;
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, надняхъ они начнутъ.
Благословясь, сей преполезный трудъ,
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ Михайло Каченовскій.

lib.pushkinskijdom.ru

[Эпиграмма вызвана критическими статьями Надеждина въ Вѣстникѣ Европы, №№ 1 и 2 — «Сонмище нигилистовъ» и №№ 8 и 9 — «Полтава», въ которыхъ заключались рѣзкія нападки на Пушкина. Напечатано въ «Подснѣжникѣ» 1829 г. съ примѣчаніемъ издателя: «Чувствительно благодаримъ почтеннаго Александра Сергѣевича за сіе извѣстіе и нетерпѣливо ждемъ первой книжки элизейскаго журнала.» Изъ упоминаемыхъ здѣсь писателей XVIII вѣка Н. И. Поповскій — ученикъ Ломоносова и переводчикъ «Опыта о человѣкѣ» Попа; И. П. Елагинъ — авторъ «Опыта повѣствованія о Россіи» и переводчикъ «Мизантропа»; Н. Г. Курановъ — составитель чрезвычайно популярной въ свое время книги: «Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка», и пр.]

2.

Обиженный журналами жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко.
Вотъ подалъ онъ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ; намъ смѣхъ, Зоилу носъ.
Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя сказать: «такой-то-де старикъ,
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ, и подлъ» — все это будетъ личность;
Не можете печатать, напримѣръ,
Что «господинъ парнасскій старовѣръ
Въ своихъ статьяхъ нелѣпицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ»:
Тутъ не лицо, а только литераторъ.

—

[Ср. V, 63: «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей».]

3.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною
Подъ холодный «Вѣстникъ» свой,
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ѵжицу живой.

—

[Каченовскій ввелъ въ свой журналъ особенное правописаніе, по правиламъ котораго въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, слѣдовало писать і, ѳ, ѵ, напр. історія, фѵсіка, маѳематическій и пр.]

lib.pushkinskijdom.ru

4.

Какъ сатирой безымянной
Ликъ Зоила я пятналъ,
Признаюсь: на вызовъ бранный
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученьѣ оплеухи
Расписался мой дуракъ?

[Въ одной изъ статей «В. Европы» было упомянуто о предыдущихъ эпиграммахъ, какъ о камешкахъ, которыми Пушкинъ бросаетъ въ людей, говорящихъ ему правду. Отвѣтомъ на это замѣчаніе и служитъ настоящая эпиграмма. «В. Евр.», съ своей стороны, также отвѣчалъ двумя эпиграммами, помѣщенными въ 1-й книжкѣ 1830 г., стр. 73. Вотъ онѣ:

Къ портрету Хлопушкина.

I.

Младый пѣвецъ Фактыдурая!
Хвала тебѣ, Евгеній нашъ, хвала!
Ты, глупой скуки ядъ по каплѣ выпивая,
Неопытнымъ сердцамъ надѣлалъ много бъ зла...
Но, къ счастью, ты великъ — на малыя дѣла.
Орлино-Когтевъ.

II.

О, геній геніевъ! неслыханное чудо!
Стишки ты пишешь хоть куда,
Да только вотъ бѣда:
Ты чувствуешь и мыслишь очень худо!
Хвала тебѣ, Евгеній нашъ, хвала,
Великій человѣкъ на малыя дѣла.
Львино-Зубовъ.

См. отзывъ кн. Вяземскаго объ этихъ эпиграммахъ въ его Соч., II, 129.]

На Надеждина.

I.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?»
Пятнадцать.—«Только-то? Эй, розгу!»
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,

lib.pushkinskijdom.ru

И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

—

[Передѣлка эпиграммы В. Л. Пушкина: «Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ!)», напечатанной въ 3-й книгѣ «Аонидъ» 1799 г. Горацій упомянутъ потому, что Надеждинъ часто цитировалъ его въ своихъ статьяхъ.]

2.

Притча.

Но видно по всему, что онъ семинаристъ.
Дмитріевъ.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
«Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ:

«Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ ли нага?»
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
Суди, дружокъ, не свыше сапога.

Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онъ судить о сапогахъ.

—

[Ср. эпиграмму Баратынскаго: «Писачка въ Фебовъ дворъ явился», въ Лит. Газ. 1830, № 33.]

3.

Надѣясь на мое презрѣнье,
Сѣдой Зоилъ меня ругалъ,
Но, потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграммой отвѣчалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

И, возгоря желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,
Журнальный шутъ, холопъ лукавый,
Ругать бы также сталъ... О, нѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ;
Лакей сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ разсчетъ.

* *
*

(Передъ бюстомъ).

Напрасно видятъ тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку,
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ;
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ.

—

[Объ этомъ бюстѣ, работы Торвальдсена (1818), нынѣ украшающемъ одну изъ залъ И. П. Б—ки, см. въ сборникѣ г. Бартенева: Пушкинъ, I, 201.]

Къ N. N.

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ;
Ты St-Priest въ каррикатурахъ,
Ты Нелединскій въ стихахъ,
Ты прострѣленъ на дуэлѣ,
Ты разрубленъ на войнѣ —
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.

(На кавказскихъ водахъ).

—

[О графѣ Эммануилѣ Карловичѣ Сенъ-При нѣкоторыя свѣдѣнія сообщаетъ кн. Вяземскій въ Соч., VIII, 314—316.]

lib.pushkinskijdom.ru

* *
*

Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій,
Проигрывалъ ты кучи ассигнацій,
И серебро, наслѣдіе отцовъ,
И лошадей, и даже кучеровъ;
И съ радостью на карту — на злодѣйку
Поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ,
Когда бъ твой стихъ ходилъ хотя въ копѣйку.

(На кавказскихъ водахъ).

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* *
*

Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ
Ветхій Данте выпадаетъ;
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ...
Умъ далече улетаетъ...
Звукъ привычный, звукъ живой!
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
Я давнишнею порой!

* *
*

Былъ и я среди донцовъ,
Гналъ и я османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я домой привезъ нагайку.
На походѣ, на войнѣ
Сохранилъ я балалайку—
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку.
Что таиться отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней,
И берегъ свою нагайку.

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Критонъ, роскошный гражданинъ,
Очаровательныхъ Аѳинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія...
Однажды — слушайте, друзья!
Онъ по Керамику скитался
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась нимфа молодая...
Она съ улыбкою глядитъ,
Ужъ онъ влюбленъ, ужъ онъ горитъ,
Поспѣшно слѣдуетъ за нею...
Предъ ними домъ . . . . . .
Она на мигъ остановилась
И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
Глядитъ на дверь, куда какъ сонъ
Его красавица сокрылась...

14 іюля. Арзрумъ, баня. чума.

* * *

Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо
Ты всюду слѣдуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шагъ и взоръ? — я твой...

* * *

Во время оное, былое,
Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ,
Въ свое святилище глухое
Ты призывалъ меня не разъ.
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
Меня привѣтствовалъ ты шумно...

—

lib.pushkinskijdom.ru

[Можетъ быть, къ этому же стихотворенію относятся набросанныя на слѣдующей страницѣ, крайне исчерканныя и неразборчивыя строки, среди которыхъ можно разобрать только четыре стиха:

И вотъ, ущелье мрачныхъ скалъ
Предъ нами шире становится,
И тише Терекъ злой стремится,
Лучъ солнца ярче засіялъ...]

* *
*

Страшно и скучно
Здѣсь новоселье,
Путь и ночлегъ,
Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ,
Тучи, да снѣгъ...
Небо чуть свѣтитъ,
Какъ изъ тюрьмы...

* *
*

Еще одной высокой, важной пѣсни
Внемли, о Фебъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я — пускай, при шумѣ бурь,
Печальный звукъ . . . . . *)
. . . . . Еще единый гимнъ —
Внемлите мнѣ, пенаты — вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему,
По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой волоокой
И мудрая богиня, дѣва силы,
Аѳинская Паллада, — вамъ хвала.
Примите гимнъ, таинственныя силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліяній,
Но васъ любить не переставалъ, о боги,

---

*) Повѣшу я — да стонетъ . . . . .
Когда столбы его колеблетъ буря.

lib.pushkinskijdom.ru

И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близъ вашего святого пепелища
Моя душа, — тамъ миръ [и тишина]...
Такъ я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненьемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огнь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ —
Чтить самого себя. О нѣтъ, вовѣкъ
Не переставалъ молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія...

—

[Этотъ крайне исчерканный и неразборчивый отрывокъ написанъ въ концѣ 1829 года; непосредственно ему предшествуютъ и за нимъ слѣдуютъ черновыя строфы стансовъ: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ».]

lib.pushkinskijdom.ru

1830.

ОТВѢТЪ.

(Ек. Н. Ушаковой).

Я васъ узналъ, о мой оракулъ,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракулъ,
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ,
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ,
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылый,
Здѣсь рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтрености милой,
Ни музъ, ни Прѣсни, ни харитъ.

[Е. Н. Ушакова жила на Средней Прѣснѣ.]

lib.pushkinskijdom.ru

ЦИКЛОПЪ.

(Экспромтъ въ костюмѣ Циклопа, на маскарадѣ у вел. кн Елены Павловны).

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ.
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

1830 начало.

[Маскарадъ, на которомъ произнесено это стихотвореніе, подробно описанъ въ отдѣльной брошюркѣ: «Vers chantés et récités.Spb. 1830: въ ней помѣщено 28 стихотвореній, изъ которыхъ три — на русскомъ языкѣ: Пушкина, Крылова (изображавшаго музу Талію) и неизвѣстнаго («Водолей»): остальныя — на французскомъ. См. Рус. Арх. 1866, ст. 1335.]

СТАНСЫ.

(Митр. моск. Филарету)

Въ часы забавъ иль праздной скуки.
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

lib.pushkinskijdom.ru

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

19 января 1830. С.-Петербургъ.

[Отвѣтъ на написанную митр. Филаретомъ передѣлку стихотворенія «26 мая 1828», см. выше, стр. 38. По этому поводу кн. П. А. Вяземскій писалъ 25 апрѣля 1830 г. А. И. Тургеневу: «Ты удивишься стихамъ Пушкина къ Филарету: онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ или, лучше сказать, палинодировалъ стихи Пушкина о жизни, которые нашелъ онъ у общей ихъ пріятельницы, Елизы Хитровой.» (Бартеневъ, Пушкинъ, II, 43). Въ томъ же сборникѣ г. Бартенева (I, 118) Г. С. Чириковъ указываетъ слѣдующій варіантъ послѣдней строфы стансовъ:

Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Не имѣя подлинной рукописи стихотворенія, мы не можемъ рѣшить, дѣйствительно ли этотъ варіантъ принадлежитъ Пушкину.]

НА ПЕРЕВОДЪ ИЛИАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

НА БУЛГАРИНА.

1.

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко — ляхъ, Мицкевичъ — ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ, —
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ — и это не бѣда;
Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ.

(Февраль 1830).

[Эта эпиграмма напечатана самимъ Булгаринымъ въ «Сынѣ Отечества» (1830, т. XI, № 17, стр. 303) съ замѣною словъ «Видокъ Фигляринъ»—«Ѳаддей Булгаринъ» и съ такимъ объясненіемъ: «Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда, для раздачи любопытствующимъ, эпиграмма одного извѣстнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоцѣнное

lib.pushkinskijdom.ru

произведеніе отъ искаженія при перепискѣ, печатаемъ оное». Затѣмъ, къ послѣднему стиху эпиграммы сдѣлано примѣчаніе: «Правда, бѣда — но кому? Не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатинымъ и т. п.?»

Тогда же Булгаринъ разсказывалъ, что этотъ № «Сына Отечества» былъ поднесенъ Бенкендорфомъ государю и что послѣдній надъ замѣткою Булгарина собственноручно написалъ: «Благородное мщеніе!»

Что въ пушкинскомъ текстѣ эпиграммы стояло именно «Видокъ Фиглярinъ», это видно, во-первыхъ, изъ того, что только въ этой редакціи она получаетъ полный смыслъ (ср. статью о Видокѣ, V, 91); во-вторыхъ — изъ оффиціальнаго объясненія попечителя спб. учебнаго округа отъ 11 декабря 1830 г., напечатаннаго въ ст. М. И. Сухомлинова «Полемическія статьи Пушкина», въ Ист. Вѣстн. 1884, № 3, стр. 483, и, въ-третьихъ, изъ письма Дельвига къ Пушкину отъ 8 мая 1830 г. (Рус. Арх. 1880, II, 507), гдѣ говорится: «Булгаринъ поглупѣлъ дотого отъ Видока, что уѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ деревню; но подлъ по-прежнему. Онъ напечаталъ твою эпиграмму на Видока Фиглярина съ своимъ именемъ не по глупости, какъ читатели думаютъ, а дабы тебя замарать. Онъ представилъ ее правительству, какъ пасквиль, и просилъ въ удовлетвореніе свое позволенія ее напечатать. Ему позволили, какъ мнѣ объявилъ цензоръ, похваля его благородный поступокъ, разумѣется, не зная, что эпиграмма писана не съ его именемъ и что онъ поставилъ оное только изъ боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтомъ, я подалъ въ высшую цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотвореніе напечатать безъ ошибокъ, а тебя прошу оправдаться предъ Его Величествомъ. Государю, тебя ласкающему, пріятно будетъ найти тебя правымъ», и т. д. Просьба Дельвига не была уважена цензурою.

Прозвище Фиглярина придумано кн. Вяземскимъ и въ первый разъ явилось въ печати въ эпиграммѣ: «Журналистъ Фиглярinъ и истина», въ Моск. Тел. 1827, ч. XV, стр. 5; ср. Соч. Вяз., III, 431.]

2.

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты, безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

—

[Булгаринъ, по смерти Грибоѣдова, очень много говорилъ о своихъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ нему. Кромѣ этихъ двухъ эпиграммъ, въ рукописныхъ сборникахъ съ именемъ Пушкина встрѣчаются еще слѣдующія:

* * *

Фиглярinъ — вотъ полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь;
Вгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Хитра къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Бродилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ - -

lib.pushkinskijdom.ru

Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей
Уже не воинъ, ужъ писатель,
Ужъ русскій, къ сраму нашихъ дней!
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ.

Характеристика.

Не вѣрю чести игрока,
Не вѣрю я француза дружбѣ,
Любви къ Россіи поляка
И безкорыстью нѣмца къ службѣ.

Относительно первой изъ этихъ приписываемыхъ Пушкину эпиграммъ едва ли не вѣроятнѣе мнѣніе, что въ ней Пушкину принадлежатъ только послѣдніе четыре стиха, остальное же написано Баратынскимъ. Баратынскаго же, а не Пушкина, слѣдуетъ считать и авторомъ эпиграммъ: «Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ» и «Повѣрьте мнѣ, Фигляринъ-моралистъ».]

НОВОСЕЛЬЕ.

(П. В. Нащокину).

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малый,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

1830. Москва.

[О Павлѣ Воиновичѣ Нащокинѣ см. IV, 244 и письма къ нему Пушкина въ т. VII.]

КЪ ВЕЛЬМОЖѢ.

(Кн. Н. Б. Юсупову, въ Архангельское).

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,

lib.pushkinskijdom.ru

Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтренымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею иль деисту,
Какъ любопытный скиѳъ аѳинскому софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,

lib.pushkinskijdom.ru

Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій отрока, восторговъ полный, сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и, не страшась ревниваго испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
О, разскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ.

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,

lib.pushkinskijdom.ru

Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благоденствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободный
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой*).
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ,
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Москва 1830.

[Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ занималъ въ то время въ Москвѣ должность главноуправляющаго экспедиціею кремлевскихъ зданій и Оружейною Палатою. Посланіе было написано Пушкинымъ въ отвѣтъ на приглашеніе князя пріѣхать къ нему на дачу. При появленіи своемъ въ печати (Лит. Газ. 1830, № 30), это посланіе вызвало толки и нападки на Пушкина. Въ свѣтѣ считали его недостойнымъ лица, которому оно писано; въ журналахъ, наоборотъ, обвиняли Пушкина въ низкопоклонствѣ передъ знатными. А. Ѳ. Воейковъ перепечаталъ посланіе въ своемъ «Славянинѣ» (1830, ч. XIV), съ замѣчаніемъ, что оно «напоминаетъ посланіе нашего блестящаго Батюшкова къ И. М. Муравьеву-Апостолу», т. е. что Пушкинъ является здѣсь просто подражателемъ; Полевой помѣстилъ въ прибавленіи къ «Телеграфу» (Новый Живописецъ общества и литературы, 1830, № 10) сцену «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина», гдѣ, между прочимъ, есть слѣдующій разговоръ:

---

*) Алябьева, Александра Васильевна, въ замужествѣ Кирѣева, которую воспѣвалъ Языковъ (см. его Стихотворенія, изд. 1858, II, 255, 256, 275); Гончарова, Наталья Николаевна, впослѣдствіи жена Пушкина. Кн. Вяземскій, въ письмѣ къ Пушкину 26 апр. 1830, говоритъ, что онъ сравнивалъ Алябьеву avec une beauté classique, а Гончарову — avec une beauté romantique.

lib.pushkinskijdom.ru

ПОДЛЕЦОВЪ. Вотъ листокъ какой-то печатный; кажется, стихи вашему сіятельству.

КНЯЗЬ (взглянувъ). Какъ? стихи — мнѣ? А, это того стихотворца... Что онъ вретъ тамъ?

ПОДЛЕЦОВЪ. Да что-то много. Стихотворецъ хвалитъ васъ, говоритъ, что вы мудрецъ: умѣете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствамъ, ѣздили въ какую-то землю только затѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ; что вы пили кофе съ Вольтеромъ и играли въ шашки съ какимъ-то Бомарше...

КНЯЗЬ. Нѣтъ? Такъ онъ не даромъ у меня обѣдалъ. Какъ жаль, что по-русски! Недурно, но что-то много, скучно читать. Вели перевесть это по-французски и переписать экземпляровъ пять: я пошлю кое-кому; а стихотворцу скажи, что по четвергамъ я приглашаю его всегда обѣдать у себя. Только не слишкомъ вѣжливо обходись съ нимъ: вѣдь эти люди забывчивы, ихъ надобно держать въ черномъ тѣлѣ...»

Тотъ же журналъ, три года спустя (1833, ч. 49, № 1), при разборѣ «Бориса Годунова», замѣчалъ: «Мы увѣрены, что современемъ самъ Пушкинъ выброситъ изъ собранія своихъ сочиненій многое, какъ-то: Загадку, Собраніе насѣкомыхъ, Дорожныя жалобы, Посланіе къ вельможѣ,—все это недостойно его.»

По поводу статьи «Телеграфа» въ бумагахъ Пушкина сохранилась слѣдующая замѣтка:

«Возвратясь изъ-подъ Арзрума, написалъ я посланіе къ князю *** (Юсупову). Въ свѣтѣ оно тотчасъ было замѣчено и...*) были мною недовольны Свѣтскіе люди имѣютъ въ высокой степени этого рода чутье. Одинъ журналистъ принялъ мое посланіе за лесть итальянскаго аббата, и въ статейкѣ, заимствованной у М. (?), заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать, Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы.» Ср. еще замѣтку въ т. V, стр. 228.]

ПОЭТУ.

(Сонетъ).

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

*) Такъ въ рукописи.

lib.pushkinskijdom.ru

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

1 іюля 1830.

МАДОННА.

(Сонетъ).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

8 іюля.

[Относится къ Н. Н. Гончаровой, которая въ это время была уже невѣстой Пушкина. Наталья Николаевна (р. 26 августа 1812, † 26 ноября 1863, см. некрологъ въ Иллюстр. Газ., № 25, стр. 399) познакомилась съ Пушкинымъ еще въ 1828 г., на одномъ балѣ въ Москвѣ; въ 1830 г. она участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила Москва прибывшій туда дворъ, и молва о ея красотѣ и успѣхахъ скоро дошла до Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. Онъ стремительно уѣхалъ въ Москву, не объяснивъ никому своихъ намѣреній, и въ самый день Пасхи, 21 апрѣля, сдѣлалъ предложеніе, которое и было принято. См. Мат., 270—272, гдѣ приведено письмо С. Л. Пушкина къ сыну по этому поводу. Свадьба произошла 18 февраля 1831 г. Впослѣдствіи, въ 1846 г., Н. Н. вторично вышла замужъ за командира л.-гв. коннаго полка Петра Петровича Ланского. Біографическія свѣдѣнія о ней см. въ Рус. Стар. 1882, № 12, стр. 680—682 и 1883, № 1, стр. 47—76. Тамъ же помѣщено и два ея портрета.]

lib.pushkinskijdom.ru

КЪ ***.

(Сонетъ).

Scorn not the sonnet critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облекалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

1830. Москва.

ЦЫГАНЫ.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провожалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

[Напечатано въ «Денницѣ» 1831 съ указаніемъ: «Съ англійскаго», — вѣроятно, для устраненія толковъ о примѣненіи содержанія этихъ стиховъ къ жизни самого автора, дѣйствительно, иногда проводившаго, съ своими пріятелями, вечера у московскихъ цыганъ.]

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты, старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ, —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ —
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ». Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно...
. . . . . .

(Москва).

lib.pushkinskijdom.ru

[Написано въ отвѣтъ на посланіе извѣстнаго въ свое время египтолога Ивана Александровича Гульянова, анонимно присланное Пушкину. Оно напечатано въ Москвитянинѣ 1842, ч. II, № 3, стр. 150—152 и выражаетъ увѣренность, что поэтъ отъ женитьбою не утратитъ вдохновенія и что, напротивъ, бракъ съ любимой женщиной сдѣлается для него «источникомъ новыхъ откровеній.» О Гульяновѣ (1789—1841) см. замѣтку кн. П. А. Вяземскаго въ Собр. Соч. I, 216; Телескопъ 1832, ч. IX, стр. 267—270; Анненкова, Мат., 239—240.]

БѢСЫ.

(Шалость).

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!.. «Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;

lib.pushkinskijdom.ru

Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?
«Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

1830. 7 сентября (октября?).
Болдино.

— — —

[Помѣта двояко указана г. Анненковымъ, который пользовался рукописью, не вошедшею въ собраніе Рум. Музея.]

lib.pushkinskijdom.ru

ЭЛЕГІЯ.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами оболью́сь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

8 сентября (Болдино).

ШАЛОСТЬ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить,
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ!

1 октября 1830. Болдино.

ОСЕНЬ.

(Отрывокъ).

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ.
Державинъ. (Евгенію, Жизнь Звапская).

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я боленъ:
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ;
Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны,
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
Когда, подъ соболемъ согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это, наконецъ, и жителю берлоги,
Медвѣдю надоѣстъ. Нельзя же цѣлый вѣкъ

lib.pushkinskijdom.ru

Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы-старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ; на лицѣ еще багровый цвѣтъ;
Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

lib.pushkinskijdom.ru

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ —
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ лietъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей *).

---

*) Въ рукописи послѣ этихъ стиховъ зачеркнута поэтомъ слѣдующая строфа:

XI.

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапскіе цари,
Гречанки съ четками, корсары, богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, жиды, богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари —
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,
Съ висками гладкими и томными очами.

lib.pushkinskijdom.ru

XII.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рифмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!.. матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XIII.

Плыветъ... Куда жъ намъ плыть? — Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный,
Скалы Шотландіи, иль [вѣчные] снѣга...

РАЗСТАВАНІЕ.

Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ;
Ужъ ты для страстнаго поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего.
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

5 (8?) октября 1830. Болдино.

lib.pushkinskijdom.ru

[Двойная помѣта указана г. Анненковымъ и не могла быть провѣрена, за неимѣніемъ рукописи. Едва ли не вѣрнѣе предположить, что стихотвореніе написано въ ноябрѣ, по полученіи письма Кюхельбекера отъ 20 октября, гдѣ онъ вспоминаетъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Пушкинымъ: «Помнишь ли наше свиданіе въ родѣ чрезвычайно романтическомъ? мою бороду, фризовую шинель, медвѣжью шапку? Какъ ты, черезъ семь съ половиною лѣтъ, могъ узнать меня въ такомъ костюмѣ, вотъ чего не постигаю!» (Сборникъ Бартенева «Пушкинъ», I, 50). Этимъ воспоминаніемъ объясняются два послѣдніе стиха пьесы. См. V, 51.]

ПАЖЪ, ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

C'est l'âge de Chérubin...

Пятнадцать лѣтъ ужъ скоро минетъ;
Дождусь ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ; ужъ надъ губой
Могу свой усъ я защипнуть;
Я важенъ, какъ старикъ беззубый;
Вы слышите мой голосъ грубый:
Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скроменъ,
И между ними есть одна...
И гордый взоръ ея такъ теменъ,
И цвѣтъ ланитъ ея такъ томенъ,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Вечоръ она мнѣ величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядѣть налѣво и направо,
То дастъ она мнѣ яду — право,
Вотъ какова ея любовь!

Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ея уму;
И ужасъ какъ она ревнива,
За то со всѣми горделива
И мнѣ доступна одному.

lib.pushkinskijdom.ru

Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нѣтъ, ни за что не назову!

7 октября (сентября?) 1830.

ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Куда же ты? «Въ Москву, чтобъ графскихъ именинъ
Не прогулять мнѣ здѣсь.» Постой, а карантинъ?
Вѣдь въ нашей сторонѣ индѣйская зараза:
Сиди, какъ у воротъ угрюмаго Кавказа,
Бывало, сиживалъ покорный твой слуга.
Что, братъ? Ужъ не трунишь, тоска беретъ — ага!

10 октября 1830.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ, ИЛИ РУССКІЙ МѢЩАНИНЪ.

Вольное подражаніе лорду Байрону.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри пожалуй... вздоръ какой!
Я не лейбъ-кучеръ, не ассессоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто — русскій мѣщанинъ.

Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У насъ нова рожденьемъ знатность —
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

lib.pushkinskijdom.ru

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ;
Куда жъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ.

Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчанный —
Иванъ Четвертый — пощадилъ.
Водились Пушкины съ царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ —
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало, нами дорожили;
Но я... я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой:
Не любитъ споровъ властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой,
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ.

lib.pushkinskijdom.ru

И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился — мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
И не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто — не Мусинъ,
Я самъ большой, не царедворецъ:
Я грамотѣй, и мѣщанинъ.

P. S.

Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля;
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ — мѣщанинъ.
Что жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?.. Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

16 октября 1830 г. Болдино.

[Поводомъ къ этому стихотворенію послужила направленная противъ Пушкина замѣтка Булгарина въ фельетонѣ № 94 «Сѣв. Пчелы» 1830 («Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ»), гдѣ было сказано слѣдующее:

«Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ, и всѣ они заговорили о 600-лѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобы это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ

lib.pushkinskijdom.ru

предковъ (если у кого они есть); однакожъ это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ. Разсказываютъ открыто, что какой-то поэтъ въ испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ мулата или, не помню, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его былъ негритянскій принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рому! Думали ли тогда, что къ этому негру признается стихотворецъ?—Vanitas vanitatum».

«Моя родословная», представляя по формѣ подражаніе стихотворенію Беранже: Le Vilain, по содержанію воспроизводитъ замѣтки Пушкина, напечатанныя въ т. V, стр. 116—119 и 148—152. Приводимъ, въ дополненіе къ нимъ, еще одну замѣтку, сохранившуюся въ черновыхъ бумагахъ поэта.

«Въ одной газетѣ (почти оффиціальной) сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ гр. Ѳ. Г. Орлову) и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій произноситъ съ уваженіемъ и не всуе [1]). — Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволять всякому выходцу клеветать, но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ.»

О чтеніи Пушкинымъ «Родословной» см. разсказъ кн. П. П. Вяземскаго въ его брошюрѣ «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива 1826—1837» (Спб. 1880), стр. 40—41. «Распространеніе этихъ стиховъ, говоритъ кн. Вяземскій, несомнѣнно вооружило противъ Пушкина много озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ него при его кончинѣ цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ...» Упомянутое Пушкинымъ письмо Екатерины II къ Ганнибалу находится у Анненкова, Мат. 292.]

* * *

Стамбулъ гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ — и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.

Стамбулъ отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ;
Стамбулъ, для сладостей порока,

[1]) Голиковъ говоритъ, что онъ былъ камердинеромъ у государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему деньщики, между прочими Орловъ и Румянцевъ, родоначальники историческихъ фамилій. — *А. П.*

lib.pushkinskijdom.ru

Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ;
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы,
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой лучъ потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ,
И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Ни черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы; струею трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ;
Толпой неистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Мы къ женамъ какъ орлы ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоятъ*).

Алла великъ!
Къ намъ отъ Стамбула
Пришелъ гонимый янычаръ.
Тогда насъ буря долу гнула
И палъ неслыханный ударъ.
Отъ Рущука до старой Смирны,
Отъ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовъ на праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились домы янычаровъ;
Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли;

*) Въ рукописи послѣ этого стиха зачеркнуто:

Въ насъ умъ владѣетъ плотью дикой,
А покоренъ Корану умъ,
И потому Пророкъ великій
Хранитъ какъ око свой Арзрумъ.

lib.pushkinskijdom.ru

На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Окоченѣлые чернѣли.
Алла великъ! Тогда султанъ
Былъ духомъ гнѣва обуянъ...

17 октября 1830 г., передъ разб. ст.

[Ср. IV, 447, Путешествіе въ Арзрумъ, гдѣ Пушкинъ приписалъ эти стихи вымышленному поэту-янычару Аминъ-Оглу.]

ЗАКЛИНАНІЕ.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы —
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ, иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье, —
Мнѣ все равно: сюда, сюда!

Зову тебя не для того,
Чтобъ укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

17 октября 1830 г. Болдино.

[Вторая строфа этого стихотворенія въ рукописи была зачеркнута. См. Мат., 189.]

lib.pushkinskijdom.ru

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
Всюду мракъ и сонъ докучный;
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопотъ?
Укоризну, или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу...

Октябрь 1830. Болдино.

НАЧАЛО СКАЗКИ.

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу изъ дремучаго —
Выходила медвѣдиха,
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами,
Погулять, посмотрѣть, себя показать.
Сѣла медвѣдиха подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собой играти,
Обниматися, боротися,
Боротися, да кувыркатися.
Отколь ни возьмись—мужикъ идетъ:
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдиха,
Стала кликать дѣтушекъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
«Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!
Перестаньте валятися,
Обниматися, кувыркатися!
Становитесь, хоронитесь за меня:
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
Я сама мужику [брюхо] выѣмъ!»
Медвѣжатушки испугалися,
За медвѣдиху бросалися,
А медвѣдиха осержалася —
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшокъ поклалъ,
А поклавши-то домой пошелъ:
«Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ,
Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублевъ;
А что вотъ тебѣ подарочекъ
Трои медвѣжатъ по пяти рублевъ.»

Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ поклалъ.
Въ ту пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
По свою ли сударушку
Чернобурую медвѣдиху;
Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!
На кого меня покинула,
Вдовца несчастнаго,
Вдовца горемычнаго?
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,
Милыхъ дѣтушекъ не родити,

lib.pushkinskijdom.ru

Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати, не баюкати!»
Въ ту пору звѣри собиралися
Ко тому ли медвѣдю, ко боярину;
Прибѣгали звѣри бо́льшіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки мѐньшіе.
Прибѣгалъ тутъ волкъ-дворянинъ;
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
У него-то бобра жирный хвостъ.
Приходила ласочка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгинечка,
Приходила лисица-подъячиха —
Подъячиха, казначеиха.
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка-смердъ,
Зайка бѣдненькій, зайка сѣренькій!
Приходилъ байбакъ тутъ глумянъ,
Живетъ онъ, байбакъ, позади гумянъ;
Приходилъ цѣловальникъ-ёжъ:
Все-то онъ ёжъ ёжится,
Все-то онъ щетинится...
. . . . . .

[П. В. Анненковъ отнесъ этотъ отрывокъ къ 1825 г., но онъ написанъ на бумагѣ 1830 (что видно по водянымъ знакамъ), среди наброскова «Родословной» и «Скупого Рыцаря.» Въ это время Пушкинъ уже высоко цѣнилъ произведенія народной словесности и говорилъ своимъ друзьямъ о прелести и значеніи богатырскихъ сказокъ и о звучности народнаго русскаго стиха. См. брошюру кн. П. П. Вяземскаго «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива 1826—1837», стр. 42.]

* * *

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много—
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

lib.pushkinskijdom.ru

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало,
И очи, свѣтлыя какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искуственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

lib.pushkinskijdom.ru

Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный.

. . . . . .

* * *

Here's a health to thee, Mary.
Barry Cornwall.

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

* * *

Inesilla! I am here.
Barry Cornwall.

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь, подъ окномъ!

Ты спишь ли?—Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый —
Мечемъ уложу.

Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь...
Что жъ медлишь?.. Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!

[Barry Cornwall (псевдонимъ Уаллера), англійскій поэтъ начала нынѣшняго столѣтія, пользовался особеннымъ расположеніемъ Пушкина, который рекомендовалъ его вниманію А. О. Ишимовой (см. письма къ ней въ т. VII). Какъ это, такъ и предыдущее стихотвореніе вызваны чтеніемъ Корнуолля; но первое до конца сохраняетъ тонъ подлинника, хотя и разнится въ содержаніи, между тѣмъ какъ во второмъ сохраненъ только начальный стихъ, все же остальное принадлежитъ самому Пушкину. См. Анненкова, Мат., 301—302.]

* * *

Предъ испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
И, какъ слава, имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?

lib.pushkinskijdom.ru

«Кто, рѣши, любимъ тобою?»
Оба дѣвѣ говорятъ,
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

[Весьма вѣроятно, что это и предыдущее стихотвореніе были предназначены Пушкинымъ для вставки во 2-ю сцену «Каменнаго Гостя».]

* * *

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!..

27 ноября 1830. Болдино.

[Въ рукописи стихотвореніе первоначально начиналось такъ:

Для береговъ чужбины дальной
Ты покидала край родной,

lib.pushkinskijdom.ru

и затѣмъ было исправлено. «Трудно рѣшить, говоритъ г. Анненковъ (Мат., 189), которая изъ двухъ редакцій ближе къ исторической истинѣ.» Намъ кажется, что обѣ онѣ выражаютъ одно и то же: стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ объ отъѣздѣ г-жи Ризничъ изъ Одессы въ Италію,—изъ родной поэту, но чужой для нея Россіи въ дальнюю для него чужбину, ея отчизну. Къ ней же, вѣроятно, относится и «Заклинаніе».]

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
Дѣва надъ вѣчной струей вѣчно печальна сидитъ.

ОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

РИѲМА.

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Риѳмой зовется она.

[Ср. выше, стр. 58.]

lib.pushkinskijdom.ru

ТРУДЪ.

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденьщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

ГЕРОЙ.

Что есть истина?

ДРУГЪ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ,
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

ПОЭТЪ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари.

ДРУГЪ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ

lib.pushkinskijdom.ru

На дно Италіи святой,
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ, и вдаль
Войны стремительное пламя —
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ, одна другой вослѣдъ?
Тогда ль, какъ рать героя плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

ПОЭТЪ.

Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь, ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

ДРУГЪ.

Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ!

lib.pushkinskijdom.ru

Увы — его раздался гласъ *),
И гдѣ жъ очарованье свѣта?..

ПОЭТЪ.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

ДРУГЪ.

Утѣшься...

Москва, 29 сентября 1830 года.

[Впервые съ именемъ Пушкина напечатано послѣ его смерти, въ «Современникѣ» 1837, № 5, куда было доставлено М. П. Погодинымъ при слѣдующемъ письмѣ: «Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина: Герой. Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры, въ 1830 г., изъ нижегородской своей деревни, и вотъ что написалъ объ немъ: — «Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ, но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ его, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанное.»—Я напечаталъ стихи тогда въ «Телескопѣ» (1831, № 1, безъ подписи), и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго: утѣшься! — 29 сентября 1830, есть день прибытія государя императора въ Москву, во время холеры.» Примѣчаніе изъ записокъ Бурьена — принадлежитъ редакціи «Современника».]

---

*) Mémoires de Bourienne. Бурьенъ въ «Запискахъ» своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. J'affirme, говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.

lib.pushkinskijdom.ru

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* *
*

Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ!
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ,
Ланиты, ярче вешнихъ розъ,
Играютъ холодомъ и кровью.
Печальный лѣсъ и долъ завялый,
Проглянетъ день — и ужъ темно,
И будто путникъ запоздалый,
Стучится буря къ намъ въ окно.

[Рум. Муз.]

* *
*

О муза пламенной сатиры,
Прійди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
И не поэтамъ милыхъ дамъ
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если я кого забуду —
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!.

lib.pushkinskijdom.ru

[Напечатано П. В. Анненковымъ, который отнесъ это стихотвореніе къ 1830 году. Въ рукописяхъ Рум. Музея его—какъ и многихъ другихъ, бывшихъ въ распоряженіи г. Анненкова,—не имѣется. Мы позволили себѣ исправить явную опечатку въ 14-мъ стихѣ, который во всѣхъ изданіяхъ читается: «А если же кого забуду»: очевидно, Пушкинъ не могъ сдѣлать такой ошибки противъ русскаго языка.]

Мéдокъ.

(Медокъ въ Уаллахъ).

Попутный вѣетъ вѣтръ. Идетъ корабль,—
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Вѣтрила всѣ,— идетъ, и предъ кормой
Морская пѣна раздается.—Многимъ
Наполнилася грудь у всѣхъ пловцовъ.
Теперь, когда свершенъ опасный путь,
Родимый край они узрѣли снова;
Одинъ стоитъ, вдаль устремивши взоры,—
И въ тишинѣ рисуется ему
Мечта, давно знакомые предметы,
Заливъ и мысъ,— пока недвижны очи
Не заболятъ. Товарищу другой
Жметъ руку и привѣтствуетъ съ отчизной,
И Господа благодаритъ, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и Дѣвѣ Пресвятой,
И милостынь, и дальнихъ поклоненій
Старинные обѣты обновляетъ,
Когда найдетъ онъ все благополучно.
Задумчивъ, нѣмъ и ото всѣхъ далекъ,
Самъ Мéдокъ погруженъ въ моленьяхъ
О славномъ подвигѣ, то въ снахъ надежды,
То въ горестныхъ предчувствьяхъ и мечтахъ.
Прекрасенъ вечеръ, и попутный вѣтръ
Межъ вервей [бьетъ], корабль надежный быстро
Бѣжитъ, шумя, межъ волнъ. Садится солнце...

[Madoc—поэма Соути, воспѣвающая легендарнаго уэльскаго моряка, будто бы открывшаго и завоевавшаго Мексику. Уаллы поставлено, вѣроятно, по ошибкѣ, вмѣсто Уэльса: Wales могло быть прочитано Walls.]

lib.pushkinskijdom.ru

* *
*

(Дельвигу).

Мы рождены, мой братъ названый,
Подъ одинаковой звѣздой;
Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
Играли нашею судьбой.
Явилися мы рано оба
На ипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ...
. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

1831.

КРАСАВИЦА.

(Въ альбомъ Н. Н. Гончаровой).

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

[Пушкину приписываются еще два экспромпта, относящіеся къ его невѣстѣ:

1.

Я влюбленъ, я очарованъ,
Словомъ, я огончарованъ.

2.

Съ утра до вечера за нею я стремлюсь
И встрѣчъ нечаянныхъ и жажду, и боюсь.]

lib.pushkinskijdom.ru

Э Х О.

(Изъ Томаса Мура).

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

*

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

КЪ ТѢНИ ПОЛКОВОДЦА.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой —
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись — и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

Vox et praeterea nihil.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — Вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...

lib.pushkinskijdom.ru

За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля? —
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

2 августа 1831 года. Село Царское.

[Вмѣстѣ съ слѣдующимъ стихотвореніемъ напечатано въ отдѣльной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «На взятіе Варшавы. Три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина», и тогда же было переведено на французскій яз. княземъ Н. Б. Голицынымъ (Aux détracteurs de la Russie, напеч. въ Москвѣ 1839). Переводъ этотъ понравился Пушкину, который по поводу его написалъ князю благодарственное письмо, см. т. VII. Нѣкоторыя мысли и даже отдѣльные стихи этой пьесы представляютъ повтореніе чернового посланія «Графу О**», написаннаго еще въ 1824 г., что и было уже указано въ примѣчаніи къ этому отрывку, I, 334. Кн. П. А. Вяземскій очень рѣзко отозвался о «Клеветникахъ» и «Годовщинѣ», называя ихъ шинельными стихами, которыхъ Пушкину слѣдовало бы стыдиться. См. его Соч., IX, 155—159.]

lib.pushkinskijdom.ru

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!..
Но стали жъ мы пятою твердой,
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.

«И что жъ? Свой бѣдственный побѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь —
Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
Но тяжко будетъ имъ похмѣлье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошеные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!..»
Сбылось — и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый —
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи;
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?.. Еще ли россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ,
Смутили ль русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? — Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!..
Но тише, тише раздавайся

lib.pushkinskijdom.ru

Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младого внука своего.

5 сентября 1831 года.

[Вызвано взятіемъ Варшавы, 26 августа 1831 г. См. замѣтки Пушкина въ его записной книжкѣ, V, 185, и письмо его къ А. О. Россетти въ т. VII. Графъ Е. Е. Комаровскій разсказывалъ, что въ это время встрѣтилъ онъ Пушкина на прогулкѣ, задумчиваго и тревожнаго.—«Отчего не веселы, А. С.?»—Да все газеты читаю. — «Что жъ такое?» — Развѣ вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году? (См. Рус. Арх. 1879, I, 385). Стихотвореніе написано подъ вліяніемъ аналогичной оды Державина «На взятіе Варшавы» (1794); Пушкинъ, конечно, хорошо зналъ эту оду, которая за два года до выпуска его изъ Лицея была перепечатана въ «Амфіонѣ», съ разборомъ Мерзлякова (1815, іюль). Вліяніе Державина сказывается и въ общемъ тонѣ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ: «россъ», «славяновъ» (форма, идущая отъ Ломоносова и принятая Державинымъ въ его «Памятникѣ»); послѣдняя строфа напоминаетъ стихи Державина:

Герои росски всколебались,
Сѣдымъ челомъ приподнимались,
Чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ, и т. д.

Въ предпослѣдней строфѣ говорится о гр. И. Ѳ. Паскевичѣ, а въ послѣдней — о гр. А. А. Суворовѣ, который привезъ въ Петербургъ извѣстіе о взятіи Варшавы.]

19 ОКТЯБРЯ 1831.

Чѣмъ чаще празднуетъ лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;

lib.pushkinskijdom.ru

Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья?.. Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой —
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

---

lib.pushkinskijdom.ru

[Въ рукописи стихотвореніе имѣло еще заключительную строфу:

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!
Почившимъ пѣснь окончивъ я,
Живыхъ надеждою поздравимъ —
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять —
И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.]

ОТРЫВОКЪ.

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю —
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участья и вниманья —
Уныло слушаешь меня.

Кляну коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчъ условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Кляну рѣчей любовный шопотъ,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...

[Относится къ женѣ поэта, Натальѣ Николаевнѣ.]

lib.pushkinskijdom.ru

1832.

* * *

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вiясь въ моихъ объятiяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О, какъ милѣе ты, смиренница моя!
О, какъ мучительнѣй тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ —
И дѣлишь наконецъ мой пламень поневолѣ.

19 января.

[Относится къ женѣ поэта.]

ВЪ АЛЬБОМЪ А. О. РОССЕТТИ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный

lib.pushkinskijdom.ru

И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра.
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набѣло.

16 марта.

НАЧАЛО ПОВѢСТИ.

Въ еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ библію. Сѣдые
На книгу падаютъ власы.
Надъ колыбелію пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, главой
Поникнувъ, молодой еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.
Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ, и всю семью зоветъ:
Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣнью ночи;
Еврейской хижины одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ.
На колокольнѣ городской
Бьетъ полночь.— Вдругъ рукой тяжелой
Стучатся къ нимъ — семья вздрогнула.
Младой еврей встаетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ —
И входитъ незнакомый странникъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Ю Д И Ѳ Ь.

(Отрывокъ).

Когда владыка ассирійскій
Народы казнію казнилъ,
И Олофернъ весь край азійскій
Его десницѣ покорилъ —
Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепетъ... Іереи
Одѣли вретищемъ алтарь;
Главу покрывъ золой и прахомъ,
Народъ завылъ, объятый страхомъ,
И внялъ ему всевышній царь.
Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И зритъ: ихъ узкія врата
Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
Грозой грозится высота *).
И надъ тѣсниной торжествуя,
Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ.
Сатрапъ смутился; гнѣвъ жестокій
Его объялъ. Сзываетъ онъ
Совѣтъ...

АЛЬФОНСЪ.

(Начало поэмы).

Альфонсъ садится на коня;
Ему хозяинъ держитъ стремя.
«Синьоръ, послушайтесь меня:
Пускаться въ путь теперь не время,

*) Далѣе въ рукописи зачеркнуто:

Поля преградами изрыты,
Раскаты, башни и зубцы
Какъ лѣсомъ, копьями покрыты,
И боя молча ждутъ бойцы.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ горахъ опасно, ночь близка,
Другая вента далека;
Останьтесь здѣсь, готовъ вамъ ужинъ;
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Постеля есть, покой вамъ нуженъ,
И къ стойлу тянется вашъ конь.»
— Мнѣ путешествіе привычно
И днемъ, и ночью: былъ бы путь;
Тотъ отвѣчаетъ. Неприлично
Бояться мнѣ чего-нибудь.
Я дворянинъ: ни чортъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда спѣшу на службу я. —
И Донъ Альфонсъ коню далъ шпоры,
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Идетъ дорога круто въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ;
Вотъ выѣзжаетъ онъ въ долину:
Какую жъ видитъ онъ картину?
Кругомъ пустыня, дичь и голь;
А въ сторонѣ торчитъ глаголь,
И на глаголѣ томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подъѣхалъ онъ.
То были трупы двухъ гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ, и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворамъ.
Дождями небо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ
Гуляли, мстя своимъ врагамъ...

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

(Подражаніе Данту).

I.

И далѣ мы пошли — и страхъ объялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ;
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ

И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.
Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
«О, если бъ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ!

«О, если бъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!»
Тутъ звучно лопнулъ онъ — я взоры потупилъ.

Тогда услышалъ я (о, диво) запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.

Я, носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ —
И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ — и я узрѣлъ себя въ подвалѣ...

II.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали ватагѣ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

lib.pushkinskijdom.ru

До свода адскаго касалася вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра —
И развлегалася надъ темною равниной.

И бѣсы, раскаливъ, какъ жаръ, чугунъ ядра,
Пустили внизъ его смердящими когтями:
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ-руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ —
И обѣ, сидючи, пустились внизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ —
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ — смущеніемъ томимъ.
. . . . . .

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ столѣ моемъ
Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ именины очень кстати,
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодати,
Много сладостныхъ отрадъ,
На Парнасѣ много грома,
Въ жизни много тихихъ дней,
И на совѣсти твоей
Ни единаго альбома
Отъ красавицъ, отъ друзей.

1832.

lib.pushkinskijdom.ru

КНЯЖНѢ А. Д. АБАМЕЛЕКЪ.

Когда-то, помню, съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы разцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

[Княжна Анна Давыдовна Абамелекъ вышла впослѣдствіи за Баратынскаго, брата поэта. Около этого же времени написалъ ей стихи и кн. Вяземскій, напеч. въ Альціонѣ 1833 г. См. его Соч., III, 176.]

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Гонимый рока самовластьемъ
Отъ пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать съ участьемъ
То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
Столичный шумъ меня тревожитъ;
Всегда въ немъ грустно я живу —
И ваша память только можетъ
Одна напомнить мнѣ Москву.

27 октября 1832 г.

* * *

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной

lib.pushkinskijdom.ru

Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!.. Ужель не можно мнѣ
. . . . . .
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселья, миръ души, безпечные досуги,
Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

27 октября 1832 года.

lib.pushkinskijdom.ru

1833.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.

(Изъ Аѳенея).

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
Старецъ, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпалъ родилъ,
И, вдохновенный, нарекъ онъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и музъ славилъ пріятный Ѳеонъ.
Славилъ и Вѐтала онъ, молодого красавца. Прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Ѳеонъ!

1 января 1833 г.

II.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго).

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студёной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой,—все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти; вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.

12 января 1833 г.

III.

Вино.

(Іонъ Хіосскій).

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

[Атеней (Ἀθήναιος), александрійскій грамматикъ и софистъ III вѣка, оставилъ сочиненіе Δειπνοσοφισταί, въ 15-ти книгахъ, въ формѣ застольныхъ бесѣдъ, въ которыхъ приводится множество отрывковъ изъ разныхъ греческихъ поэтовъ. Въ числѣ этихъ отрывковъ находятся и переведенные Пушкинымъ—совсѣмъ не близко къ подлиннику и, по всей вѣроятности, съ французскаго перевода.]

* * *

(Олениной).

Когда бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бъ, наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши,
Забылъ бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою бъ цѣлый міръ назвалъ —
И все бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все бъ эти ножки цѣловалъ...

1833. Дорога. Сентябрь.

ГУСАРЪ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!

«Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;

lib.pushkinskijdom.ru

Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

«Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

«То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

«Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобривой.
Однимъ, однимъ не хороши...»
— А чѣмъ же? разскажи, служивый.

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

«Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

«Вотъ, съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ, что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвитъ грубо;

«Напьюсь — уложитъ, и сама
Опохмѣлиться приготовитъ;
Мигну бывало: эй, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.

«Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно.

lib.pushkinskijdom.ru

«Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто проситъ?
Шалитъ Марусенька моя;
Куда ее лукавый носитъ?

«Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря)

«И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

«И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
Тамъ съ полки стекляночку взяла,
И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

«Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ стклянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

«Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печки слѣзъ — и вижу: стклянка.

«Понюхалъ: кисло! что за дрянь?
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

«Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ стклянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!.. И вотъ —
И онъ туда же за лоханкой.

«Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало,

lib.pushkinskijdom.ru

И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

«Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю стклянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

«Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда — не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!.. и на земь упадаю.

«Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

«Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! — Но я, не струся:

«Домой? Да! чорта съ два! почемъ
Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный.

«Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

«Коня! — На, дурень, вотъ и конь. —
И точно: конь передо мною
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

«Садись. — Вотъ, сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

lib.pushkinskijdom.ru

«Гляжу: все такъ же; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!»

И сталъ крутить свой длинный усъ
Прибавя: «молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.»

1833.

* * *

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужъ какъ хочешь, будь что будь —
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать, такъ поминать,
Начинать, такъ начинать,
Лить, такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же, сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку, Петра
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами да виномъ,
Да еще ее помянемъ —
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
Стариковъ когда нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть:
Помянуть и этихъ нужно...
Слушай сватъ: начну первой,
Сказка будетъ за тобой...

[Въ рукописи къ этому стихотворенію приложенъ рисунокъ, изображающій пьянаго мужика, сидящаго за столомъ съ полуштофомъ и стаканомъ. Около этого же времени, именно 26 марта 1833 г., Пушкинъ, вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ, написалъ шуточное посланіе къ Жуковскому со стихами, начинающимися такъ:

Надо помянуть, непремѣнно помянуть надо:
Трехъ Матренъ,
Да Луку съ Петромъ.

Въ этомъ посланіи Пушкинымъ написаны стихи, предлагающіе помянуть:

«Г. Шафонскаго,
Карманный грошъ князя Григорія Волконскаго,
И ужъ Александра Македонскаго,

Этого не обойдешь, не объѣдешь, надо
Помянуть... Покойника Винцингероде,
Саксонскаго министра Люцероде,
Графиню вицеканцлершу Нессельроде,
Покойнаго скрипача Роде,
Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ.

Ужъ какъ ты хочешь, надо помянуть
Графа, нашего пріятеля, Велегорскаго
(Что не любитъ вина горскаго),
А по нашему Велеурскаго;
Покойнаго пресвитера Самбурскаго,
Дершау, полицмейстера С.-Петербургскаго,
Почтмейстера города Василя-Сурскаго.
Надо помянуть парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,
Ланского, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера, умершаго въ чумѣ,
И полковника Бартоломе,
Повара или исторіографа Миллера,
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пинетти, славнаго ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арндта,
Да англичанина Warnt'a.

См. брошюру кн. П. П. Вяземскаго: Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива 1826—37, стр. 59.]

lib.pushkinskijdom.ru

ВОЕВОДА.

(Изъ Мицкевича).

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку,
Ну, за мною!.. я жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ, у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,
Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.

lib.pushkinskijdom.ru

Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

«Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
Вѣтеръ, что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ, видно, промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

28 октября 1833. Болдино.

[Переводъ баллады Мицкевича: Czaty, очень близкій къ подлиннику, но безъ сохраненія его стихотворнаго размѣра:

lib.pushkinskijdom.ru

Z ogrodowéj altany wojewoda zdyszany
Bieżi w zamek z wściekłością i trwogą;
Odchyliwszy zasłony, spojrzał w łoże swéj żony
Pojrzał, zadrzał: nie znalazł nikogo, и т. д.]

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

(Изъ Мицкевича).

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами:
«Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

«Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода.
Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ на пруссаковъ,
А на русскихъ Кестутъ-воевода.

«Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранятъ васъ литовскіе боги!),
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду,
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

«Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ русскихъ добычей:
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

«А другой отъ пруссаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогого:
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта,
Янтаря — что песку тамъ морского.

«Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударитъ безъ страха.
Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

«Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла что сметана;
Очи свѣтятся, будто двѣ свѣчки!

lib.pushkinskijdom.ru

«Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже,
И оттуда привезъ себѣ жонку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку!»

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ-пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ; ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили? Что тамъ? Ге! не рубли ли?»
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

28 октября 1833. Болдино.

[Переводъ баллады Мицкевича «Budrys», напечатанной въ подлинникѣ и прозаическомъ русскомъ переводѣ еще въ 1829 году, въ «Сынѣ Отечества», № 27, стр. 113:

Stary Budrys trzech synów, tegich jak sam litwinów,
Na dziedziniec przyzywa i rzeczie:
«Wyprowadźcie rumaki i narzadźcie kułbaki
A wy ostrzcie i droty i miecze», и т. д.]

* * *

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Нѣтъ, легче посохъ и сума,
Нѣтъ, легче трудъ и гладъ.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Когда бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

И я бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.

И силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса.

Да вотъ бѣда: сойди съ ума,
И страшенъ будешь, какъ чума;
Какъ разъ тебя запрутъ:

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя придутъ.

А ночью слышать буду я,
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,

А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

РОДРИГЪ.

На Испанію родную
Призвалъ мавра Юліанъ:
Графъ за личную обиду
Мстить рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На испанскіе брега —
Царство готѳовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готѳы пали не безславно:
Храбро бились они;
Долго мавры сомнѣвались,
Одолѣетъ кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ, наконецъ:
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дротики летали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напослѣдокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ на земь шлемъ пернатый
И блестящую броню —
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутьяхъ видитъ онъ;
Всѣ толпой бѣгутъ отъ мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньѣ христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаютъ —
И проклятья слышитъ онъ,

И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконецъ, на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ —
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ — а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣнье трупа не коснулось;
Онъ лежитъ, окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,

lib.pushkinskijdom.ru

И себѣ могилу вырылъ,
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеньѣ
Сталъ лукавый искушать,
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда;
Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу—
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстныя слова.

Онъ въ унынiи проводитъ
Дни и ночи, недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣньѣ благодатномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.

И король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему угодникъ:
Встань — и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
Но Господь рукѣ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой.

lib.pushkinskijdom.ru

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король...

[Въ черновыхъ тетрадяхъ поэта сохранились еще слѣдующіе наброски, относящіеся къ этому же стихотворенію:

Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ:
Въ ризѣ бѣлой предо мной
Старецъ нѣкій предстоялъ
Съ длинной бѣлой бородой
И меня благословлялъ.

Онъ сказалъ мнѣ: «будь покоенъ,
Скоро, скоро удостоенъ
Будешь царствія небесъ,
Скоро странствію земному
Твоему придетъ конецъ.

Ужъ готовитъ ангелъ смерти
Для тебя святой вѣнецъ...
Путникъ — ляжешь на ночлегѣ,
Въ пристань плаватель войдешь,
Отрѣшишь воловъ отъ плуга
На послѣдней бороздѣ.»

Послѣ грѣшникъ тотъ великій,
О которомъ предвѣщанье
Слышалъ ты уже давно,
Грѣшникъ жданный...
. . . . . къ тебѣ придетъ
Исповѣдывать себя
И получить разрѣшенье...
. . . . . .

Сердце жадное не смѣетъ
И повѣрить, и не вѣрить.
Ахъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Близокъ я къ моей кончинѣ?

Казни вѣчныя страшуся,
Милосердія надѣюсь.
Успокой меня, Творецъ!
Но твоя да будетъ воля,
Не моя... Кто тамъ идетъ?
. . . . . .

Тутъ же находится и программа: «Родригъ спасается въ пещерѣ одинъ. Его сны, искушенія.»

Стихотвореніе это представляетъ отголосокъ чтенія поэмъ Соути: «Roderick, the last of the Goths» и Вальтеръ-Скотта: «The Vision of Rodrigue».]

lib.pushkinskijdom.ru

ЭКСПРОМПТЪ.

Полюбуйтесь же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ
Длинный Фирсъ играетъ въ эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣнила эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

О какія же здѣсь сѣти
Рокъ намъ стелетъ въ темнотѣ:
Ріемы, деньги, дамы эти,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

[Экспромптъ этотъ напечатанъ въ «Библ. Записках», 1858, I, 493, съ поясненіемъ, что онъ написанъ лѣтомъ 1833 г. на Черной рѣчкѣ, по поводу отвѣта кн. Серг. Григ. Голицына, что играетъ и на прежде выигранныя, и на вновь поставленныя деньги: «и на эти, и на тѣ, и на тѣ, тѣ, тѣ.»

Князь С. Г. Голицынъ (1806—1868)—довольно извѣстный въ свое время меломанъ, написавшій много романсовъ для Глинки, и блиставшій въ обществѣ своими бойкими разсказами и эпиграммами. О немъ см. замѣтку Лонгинова въ Рус. Арх. 1869, ст. 362. Прозвище «Фирсъ» имѣетъ связь съ днемъ 14 декабря, въ который празднуется память св. Фирса: когда князь хотѣлъ поступить въ 1829 г. въ дѣйствующую армію, его сочли неблагонадежнымъ именно за это прозвище. Юмористическій разсказъ объ этомъ см. въ «Воспоминаніяхъ» Фонтона (Лейпц. 1862), II, 16—18.]

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

* *
*

Французскихъ ріемачей суровый судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ взываю я!
Хотя постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ пересталъ ты быть пророкомъ,
Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густого парика,
Хотя растрепанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвѣ обратилъ ты свой затылокъ голый;

lib.pushkinskijdom.ru

Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
Будь мнѣ вожатаемъ! Дерзаю за тобой
Занять каѳедру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!
Новѣйшіе врали вралей старинныхъ стоятъ,
И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни безпокоятъ!
Ужели все молчать, да слушать?.. О бѣда!
Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда.
О вы, которые, восчувствовавъ отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спѣша,
Постойте! напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена — прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ.
И чешется у васъ рука по пустякамъ,
Иль вамъ не вѣрятъ въ долгъ, а деньги нужны вамъ?

* *
*

Не лучше ль вамъ съ надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завесть,
Снискать себѣ въ трудѣ и барыши, и честь,
Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,
Кропая сильному вельможѣ мадригалы,
Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь,
Иль, высшимъ мнѣніемъ отважно вознесясь,
Съ оплошной публики... чѣмъ писаки,
Подписку собирать на будущія враки.

—

[Вѣроятно, относится къ предыдущему наброску.]

* *
*

Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ,
Другъ бардовъ Англіи, любовникъ музъ латинскихъ,
Ты къ мощной древности опять меня манишь
. . . . . велишь.
Я приготовился бороться съ Ювеналомъ,
И въ русскіе стихи, неопытный поэтъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ;
Но, развернувъ его суровыя творенья,
Не могъ преодолѣть пугливаго смущенья...

* *
*

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая [лапой] пыль, и гриву потрясая,
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

* *
*

Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ,
И того-то берутъ, разудаленькаго, въ службу царскую,
По указу его берутъ государеву.
Онъ со вечера-то сталъ, разудалый, коня сѣдлать,
Ко полуночи сталъ со двора съѣзжать.
Отецъ-то и мать его, разудаленькаго, провожать пошли,
Провожали его, разудаленькаго, весь родъ-племя.
Позади-то его идетъ горюшенька молода жена;
Молоду жену, бѣлую лебедушку, уговариваетъ:
Воротись ты, жена, воротись, душа-лебедь бѣлая,
Впереди-то у насъ все огни горятъ, огни неугасимые.
— Разудалый добрый молодецъ, меня не обманывай,
Горитъ у тебя, у молодца, ретиво сердце.

* *
*

Другъ мой милый, красно солнышко мое,
Соколъ ясный, сизокрылый мой орелъ,
Ужъ недѣлю не видалась я съ тобой,
Ровно семь дней, какъ спозналась съ горемъ я,
Мнѣ не взмилились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и...
Не по нраву, не по мысли мнѣ пришли.
Я скиталася по темнымъ лѣсамъ,
Въ темномъ лѣсѣ кинареечки поютъ,
Мнѣ, дѣвчонкѣ, грусть-разлуку придаютъ.
Ты не пой, кинареечка, въ саду,
Не давай тоски сердечку моему.

lib.pushkinskijdom.ru

* *
*

Царь увидѣлъ предъ собою
Столикъ съ шахматной доскою...
. . . . . .

Вотъ на шахматную доску
Рать солдатиковъ изъ воску
Въ стройный рядъ разставилъ онъ,
Подбоченясь на лошадкахъ,
Въ коленкоровыхъ перчаткахъ,
Въ опереннымъ шишачкахъ,
Съ палашами на плечахъ...
Передъ шахматной доскою
На столѣ лохань съ водою...
Плавать онъ пустилъ по ней
Кучу дивныхъ кораблей,
Барокъ, каторогъ и шлюпокъ
Изъ орѣховыхъ скорлупокъ.
А прозрачныя вѣтрильца—
Будто бабочкины крыльца.

* *
*

Въ полѣ чистомъ серебрится
Снѣгъ волнистый и рябой,
Свѣтитъ мѣсяцъ, тройка мчится
По дорогѣ столбовой.

Пой: въ часы дорожной скуки,
На дорогѣ столбовой,
Сладки мнѣ родные звуки
Звонкой пѣсни удалой.

Пой, ямщикъ! Я молча, жадно
Буду слушать голосъ твой.
Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно,
Грустенъ вѣтра дальній вой...

Знаешь пѣсню ты — лучина
. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

1834.

СТРАННИКЪ.

(Изъ Буньяна).

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? Что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ —
И сердце наконецъ открылъ я поневолѣ.

«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчитъ меня. Идетъ, ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ —
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище — а гдѣ?.. О горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде, говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью, и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, унынiемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились,
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились,
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить — унынiемъ изнывая,
И взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и вопросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный —
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ,
Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?»
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?

lib.pushkinskijdom.ru

Тогда: «не видитъ ли твой взоръ чего нибудь?»
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
Какъ отъ бѣльма врачемъ избавленный слѣпецъ:
Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
«Иди жъ — онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;
Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
Пока спасенья тѣсныхъ вратъ ты не достигъ;
Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ,
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ;
Иные ужъ за мной гнались — но я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
Спасенья узкій путь и тѣсныя врата...

[До сихъ поръ это стихотвореніе относили къ 1833 году, между тѣмъ какъ оно написано на бумагѣ съ клеймомъ: 1834. Оно представляетъ довольно близкое переложеніе первой главы знаменитаго сочиненія англійскаго теософа Джона Бѣньяна: «The Pilgrim's progress from this world to that which is to come» (1678—84). Первоначально пьеса начиналась стихами:

Въ великой гордости жилъ нѣкій человѣкъ,
Въ безпечной суетѣ проведшій цѣлый вѣкъ.

Потомъ Пушкинъ зачеркнулъ эти стихи и нарисовалъ на нихъ вѣтки, окружающія заглавіе.]

МИЦКЕВИЧЪ.

. . . . . Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на̀ Западъ — и благословенъемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!.. О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

10 августа 1834. Спб.

[Такъ какъ это стихотвореніе явилось въ печати лишь послѣ смерти Пушкина, то считаемъ нужнымъ привести варіанты по черновой рукописи:

. . . . . Онъ между нами жилъ,
Средь племени враждебнаго; но злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ, и мы...

—

Дѣлились мы и чашей, и мечтами,
И пѣснями (онъ былъ изъ вдохновенныхъ
И глубоко взиралъ на жизнь).

—

Онъ говорилъ о времени грядущемъ
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Онъ не любилъ крикливой клеветы,
Чуждался онъ [пустого] вольнодумства.
Мы жадно, и пр.

—

Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Проклятья шлетъ и ядомъ напояетъ
Свои стихи въ угоду черни буйной.
Печально! Слышимъ издали его
И молимъ Бога, да прольетъ онъ кротость
Въ озлобленную душу...

Въ тетрадяхъ Пушкина сохранилось, переписанное имъ, стихотвореніе Мицкевича: «Do przyjaciol Moskali». О пребываніи польскаго поэта въ Россіи и объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. статью Ф. К. Неслуховскаго: Мицкевичъ въ Россіи, въ Историч. Вѣстн. 1880, №№ 4 и 5, и примѣчанія къ «Мѣдному Всаднику.»]

~ ~ ~ ~

lib.pushkinskijdom.ru

КЪ Н**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ ~~свои~~ скрижали.
И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ ~~пустынѣ подъ патрономъ~~,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ ~~насъ созданнаго~~ кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ ~~насъ~~, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали...
~~Нѣтъ~~, ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

[Въ рукописи это стихотвореніе еще продолжается:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На пышныхъ играхъ Мельпомены
И улыбается забавѣ площадной
И вольности лубочной сцены.
То Римъ его зоветъ, то гордый Альбіонъ,
То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
Во слѣдъ Бовы иль Еруслана.

Гоголь, въ письмѣ къ Жуковскому «О лиризмѣ нашихъ поэтовъ» (Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, п. X), объясняетъ происхожденіе этого стихотворенія такимъ образомъ: «Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣмъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралося; но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ Иліаду и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ его была эта величественная ода.»

Въ томъ же письмѣ Гоголь передаетъ слѣдующія сужденія Пушкина о значеніи монарха: «Зачѣмъ нужно, — говорилъ онъ — чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жестокое и небратское. Съ однимъ

lib.pushkinskijdom.ru

буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ: много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стоитъ. Государство безъ полномощнаго монарха — то же, что оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ, — никуда не пойдетъ концертъ. А кажется — онъ самъ ничего не дѣлаетъ, не играетъ ни на какомъ инструментѣ, только слегка помахиваетъ палочкой, да поглядываетъ на всѣхъ, и уже одинъ взглядъ его достаточенъ на то, чтобы умягчить, въ томъ и другомъ мѣстѣ, какой нибудь шершавый звукъ, который испустилъ бы иной дуракъ-барабанъ или неуклюжій тулумбасъ. При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться насчетъ другихъ: блюдетъ онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!»]

lib.pushkinskijdom.ru

1835.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

ОДА LV.

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ парѳянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный —
Наслажденій знакъ нескромный.

6 января 1835.

ОДА LVI.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри — честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

6 января.

lib.pushkinskijdom.ru

ОДА LVII.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ! за чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.

—

[Эти оды Анакреона переведены Пушкинымъ для подготовительныхъ отрывковъ къ «Египетскимъ ночамъ», см. IV, 385. Впослѣдствіи другой переводъ ихъ сдѣланъ Л. А. Меемъ.]

* * *

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая—
Краснощекому здоровью;
Третья—дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

6 января 1835.

* * *

Отъ меня вечоръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: постой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова твоя сѣда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Отвѣчалъ: всему пора!

lib.pushkinskijdom.ru

То, что было мускусъ темный,
Стало нынѣче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,
Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ.

МАЛЬЧИКУ.

(Изъ Катулла).

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

[Близкій переводъ XXVII оды Катулла: Ad Pocillatorem.]

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

(Книга JJ, ода YJJ: ad Pompejum).

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мурромъ умащалъ?

lib.pushkinskijdom.ru

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно бросая щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!
Теперь не кстати воздержанье:
Какъ дикій скиѳъ хочу я пить,
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

* * *

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

Не розу паѳосскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою;
Не розу ѳеосскую,
Виномъ окропленную,
Стихами хвалю:
Но розу счастливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей...

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
Не стыдись: навѣкъ ты мой;
Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

(Барклай де Толли).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ

lib.pushkinskijdom.ru

Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчною памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики *)
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньѣ шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;

---

*) Въ рукописи:

Полунощныхъ орловъ могущая станица!
Ужъ многихъ нѣтъ изъ нихъ. Другіе, коихъ лица...

lib.pushkinskijdom.ru

И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще! —

. . . . . .
. . . . . .*)

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

7 апрѣля 1835. Свѣтлое Воскресеніе.

[Это стихотвореніе, при появленіи своемъ въ печати, вызвало нападки на Пушкина за униженіе будто бы, памяти Кутузова, которому одному приписывали въ то время всю славу изгнанія Наполеона изъ Россіи. Эти нападки заставили Пушкина напечатать въ IV томѣ своего «Современника» слѣдующее

ОБЪЯСНЕНІЕ.

(о стихотвореніи «Полководецъ»).

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова; однакожъ меня въ томъ обвинили.

---

*) Пропускъ сдѣланъ самимъ Пушкинымъ; строфа осталась недописанною, и въ рукописи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Вотще!..
Преемникъ твой стяжалъ успѣхъ, сокрытый
Во тьмѣ судьбы; а ты — оставленный, забытый,
Почилъ... И можетъ быть въ...
воспомнилъ ты...

lib.pushkinskijdom.ru

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русскіе, что оно звучитъ русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія). Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели, послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ; но кѣмъ и когда?... Конечно, не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души: «Передъ гробницею святой» и пр. (до словъ: ты всталъ и спасъ. См. выше, стр. 128).

По поводу этого стихотворенія Н. И. Гречъ писалъ Пушкину 12 октября: «Вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтлымъ ликомъ и чистою душою надъ туманами предразсудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающаяся долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи» и проч. (См. сборникъ Бартенева «Пушкинъ», I, 20). Отвѣтъ Пушкина, отъ 13 октября, см. въ VII томѣ.]

lib.pushkinskijdom.ru

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

13 апрѣля 1835.

ПИРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
Въ Питербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

lib.pushkinskijdom.ru

Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь —
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

lib.pushkinskijdom.ru

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

(Подражаніе латинскому).

Ты угасалъ, богачъ младой!
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ;
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей,
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ, къ мертвечинѣ падкій,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы,
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: «теперь ужъ у вельможъ
Не стану няньчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
Теперь мнѣ честность — трынъ-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенныя дрова!»

Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она, —
Умѣй же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ;
Пора! введи въ свои чертоги
Жену-красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

Сентябрь.

[Подобно знаменитому посланію Рылѣева «Къ временщику» (Аракчееву), названному въ печати «подражаніемъ Персію», Пушкинъ назвалъ это стихотвореніе подражаніемъ латинскому, чтобы такою надписью укрыть его отъ подозрительности цензуры. Оно написано на выздоровленіе извѣстнаго богача, графа Шереметева, послѣ тяжкой и опасной болѣзни. Графъ былъ тогда бездѣтенъ, и все его огромное состояніе должно было перейти къ С. С. Уварову, какъ ближайшему родственнику. Увѣренный въ близкой кончинѣ Шереметева, Уваровъ уже опечаталъ его имущество, но тотъ выздоровѣлъ и, конечно, остался очень недоволенъ такою поспѣшностью своего наслѣдника. Эта скандальная исторія, огласившаяся на весь Петербургъ, дала Пушкину случай отомстить Уварову за полученный отъ него выговоръ по поводу эпиграммы на кн. Дондукова-Корсакова («Въ академіи наукъ» и пр.). См. замѣтку Ф. М. Деларю въ Рус. Стар. 1880, № 9, и разсказъ П. В. Нащокина въ статьѣ Н. И. Куликова: «Пушкинъ и Нащокинъ», Рус. Стар. 1881, № 8, стр. 616 — 618. Обиженный Уваровымъ бывшій казанскій профессоръ Жобаръ перевелъ это стихотвореніе на французскій языкъ и послалъ Уварову, прося сообщить примѣчанія и позволить напечатать «оду» съ посвященіемъ ему. Это еще болѣе озлобило Уварова, такъ что онъ обратился въ заклятаго врага Пушкина и сталъ его преслѣдовать и явно, и тайно. (См. статью В. В. Никольскаго: «Жобаръ и Пушкинъ» въ Рус. Стар. 1880, № 7, и замѣтки А. А. Краевскаго: «Къ характеристикѣ отношеній Л. В. Дубельта къ сочиненіямъ Пушкина», тамъ же, 1881, № 6). Извѣстная исторія съ анонимными письмами, послужившая ближайшимъ поводомъ къ дуэли Пушкина, не безъ основанія ставилась на счетъ гр. Уварову, какъ это видно, между прочимъ, и изъ указанныхъ выше статей.

Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (1786—1855, съ 1846 г.—графъ) былъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія и президентомъ академіи наукъ. Его «Литературныя воспоминанія» напечатаны, за подписью А. В., въ Современникѣ 1851, № 6 и въ Москвитянинѣ того же года, № 12. Біографическія о немъ свѣдѣнія — въ статьѣ Плетнева: «Памяти графа С. С. Уварова», Соч. Плетнева, III, 149.]

lib.pushkinskijdom.ru

* * *

. . . . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ...
А вечеромъ, при завываньѣ бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...
Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ

lib.pushkinskijdom.ru

Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять: онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчалися — и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ унынѣ часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ.
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, запятнавшей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства...

26 сентября 1835 года.

---

lib.pushkinskijdom.ru

[Въ черновой рукописи этого стихотворенія находимъ нѣсколько дополнительныхъ стиховъ, имѣющихъ біографическое значеніе. Послѣ стиха: «Ни утреннихъ ея доворовъ...» слѣдуетъ:

И вечеромъ, при завываньѣ бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но все пріятныхъ сердцу,
Какъ шумъ привычный и однообразный
Любимаго ручья... Вотъ уголокъ,
Гдѣ для меня безмолвно пролетали
Часы трудовъ, свободно вдохновенныхъ;
Здѣсь, погруженный въ думы,
Я размышлялъ о грустныхъ заблужденьяхъ,
Объ испытаньяхъ юности моей,
О строгомъ, заслуженномъ осужденьѣ...

Въ концѣ стихотворенія прибавлено еще нѣсколько строкъ:

Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ,
Измѣнника — въ товарищѣ минутномъ,
И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства, —
И ненависть, и грезы мести блѣдной...
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ
Прощеніе святое осѣнило;
Поэзія, какъ ангелъ-утѣшитель,
Спасла меня, и наконецъ душой
Здѣсь...

Повидимому, именно это стихотвореніе Пушкинъ обозначилъ въ спискѣ своихъ сочиненій заглавіемъ: «Сосны». Тема его находится въ письмѣ къ женѣ отъ 25 сентября (см. т. VII): «Въ Михайловскомъ нашелъ я все по-старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть...»

Къ этому же году относится черновой набросокъ стихотворенія по поводу картины К. П. Брюлова: «Послѣдній день Помпеи»:

Везувій зѣвъ открылъ — дымъ хлынулъ клубомъ; пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя;
Земля волнуется . . . . съ колоннъ
Кумиры падаютъ! . . . . . стонъ
. . . . . народъ, гонимый страхомъ,
Подъ каменнымъ дождемъ, подъ воспаленнымъ прахомъ
Бѣжитъ изъ града вонъ . . . пожаръ, блеща,
Весь городъ освѣтилъ . . . народъ . . .

Въ другомъ наброскѣ еще можно разобрать:

Столпы шатаются; съ ихъ узкой вышины
Кумиры падаютъ — Везувій зѣвъ отверзъ...
Содрогнулась земля, шатнулся градъ, и пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя.]

lib.pushkinskijdom.ru

1836.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(При посылкѣ Исторіи Пугачевскаго бунта).

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудный,
Ты—мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ; при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

1836. 18 января. Спб.

ХУДОЖНИКУ.

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!.. Вотъ Зевсъ-громовержецъ;
Вотъ изподлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Тутъ Аполлонъ — идеалъ, тамъ Ніобея — печаль...
Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

25 марта 1836 года.

[Написано скульптору С. И. Гальбергу, который лѣпилъ бюстъ Пушкина. Объявленіе о подпискѣ на этотъ бюстъ напечатано въ Худож. Газетѣ 1837, № 11—12.]

* * *

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены.

Но у подножія теперь креста честного,
Какъ будто у крыльца правителя градского,
Мы зримъ — поставлено на мѣсто женъ святыхъ —
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе — казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила,
И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ?

1 іюня.

[Поводомъ къ этому стихотворенію послужила выставка картины Брюлова «Распятіе», гдѣ были поставлены часовые для наблюденія за порядкомъ.]

lib.pushkinskijdom.ru

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной,
И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной...
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

22 іюня 1836. Кам. Остр.

[Подражаніе сонету итальянскаго лирика Fransesco Gianni (1760—1822): «Sopra Giuda». См. Анненкова, Мат., 304.]

ИЗЪ VI ПИНДЕМОНТЕ.

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспоривать налоги,
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ — свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова! [1])
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа —
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,

---

[1]) Hamlet. — *A. II.*

lib.pushkinskijdom.ru

Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права!..

5 іюля.

[Заглавіе этому стихотворенію дано произвольно, съ цѣлью скрыть его истинный смыслъ. Сначала Пушкинъ надписалъ: «Изъ Alfred Musset», потомъ замѣнилъ это имя именемъ совершенно неизвѣстнаго въ Россіи итальянскаго поэта Ипполито Пиндемонте (1753—1828), автора сатиръ и посланій въ стилѣ Горація.]

МОЛИТВА.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

22 іюля 1836.

* * *

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу —
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи
(Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи!),
Надъ ними надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ,
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами отъ столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ —
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня унынie находитъ,
Хоть плюнуть, да бѣжать.
Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близь камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
Намѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

14 августа 1836. Каменный Островъ.

* * *

Exegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пінтъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:

lib.pushkinskijdom.ru

И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ *).

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

1836. Авг. 21. Кам. Остр.

[Это стихотвореніе до 1880 г. печаталось подъ заглавіемъ «Памятникъ» и съ передѣлками Жуковскаго въ 1-й строфѣ: «Наполеонова столпа» и въ 4-й: «И долго буду тѣмъ народу я любезенъ... что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ.» Жуковскому же принадлежатъ и многія другія поправки и передѣлки въ произведеніяхъ Пушкина, напечатанныхъ впервые въ посмертномъ изданіи. Эпиграфъ, поставленный Пушкинымъ вмѣсто заглавія, взятъ изъ извѣстной оды Горація: Ad Melpomenen, которой подражалъ Державинъ въ своемъ стихотвореніи: «Памятникъ». Гоголь, въ письмѣ къ Жуковскому «О лиризмѣ нашихъ поэтовъ» (Выбр. мѣста, п. X), комментируетъ 4-ю строфу слѣдующими словами: «Стоитъ только вспомнить Пушкина, чтобы видѣть, какъ вѣренъ этотъ портретъ. Какъ онъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ несчастномъ, упадшемъ!.. Пушкинъ высоко слишкомъ цѣнилъ всякое стремленіе воздвигнуть падшаго», и т. д.]

НА СТАТУИ:

I. Мальчика, играющаго въ бабки.

(Работы Н. Пименова).

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздавайся, народъ любопытный;
Врозь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

---

*) Первоначально эта строфа была написана такъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу,
И милосердіе воспѣлъ.

lib.pushkinskijdom.ru

II. Мальчика, играющаго въ свайку.

(Работы Н. Логановскаго).

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболъ! онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать...

Октябрь 1836.

[Обѣ эти статуи находились на выставкѣ въ Академіи Художествъ.]

19 ОКТЯБРЯ 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Не даромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,

lib.pushkinskijdom.ru

Чему, чему свидѣтели мы были!..
Игралища таинственной игры,
Метался смущенные народы,
И высились, и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа —
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался;
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его — и Русь оставилъ онъ,
Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь, суровый и могучій
На рубежѣ Европы бодро сталъ,
И надъ землей сошлися новы тучи,
И ураганъ ихъ...

---

lib.pushkinskijdom.ru

[Придя на лицейскій праздникъ, Пушкинъ извинился, что не докончилъ своего стихотворенія на этотъ день, и сталъ читать его; но при первыхъ же строчкахъ изъ глазъ его брызнули слезы, и стихотвореніе было дочитано другимъ товарищемъ. Оно печаталось до сихъ поръ также съ передѣлками Жуковскаго, только теперь устраненными по рукописи. Приводимъ, кстати, протоколъ собранія лицеистовъ 19 октября 1836 года:

Праздновали двадцатипятилѣтіе Лицея (затѣмъ собственноручно каждымъ: «И. Юдинъ, П. Мясоѣдовъ, П. Гревениць, М. Яковлевъ, Мартыновъ, М. Корфъ, А. Пушкинъ, А. Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ»).

Собрались вышеупомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева, и пировали слѣдующимъ образомъ:

1. Обѣдали вкусно и шумно.
2. Выпили три здравія (по заморскому toasts):
   a. За двадцатипятилѣтіе Лицея,
   b. За благоденствіе Лицея,
   c. За здоровье отсутствующихъ.
3. Читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.
4. Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ, у старосты Яковлева.
5. Поминали лицейскую старину.

(Конецъ протокола дописанъ Яковлевымъ):

6. Пѣли національныя пѣсни.
7. Пушкинъ началъ читать стихи на 25-ти-лѣтіе Лицея; но всѣхъ стиховъ не припомнилъ, и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ; но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу.

Собрались всѣ въ половинѣ 5-го часа, разошлись въ половинѣ 10-го.

См. статью В. П. Гаевскаго: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ пушкинское время», въ Отеч. Зап. 1861, № 11.]

* * *

(Къ женѣ)

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

— — —

[Написано въ то время, когда Пушкина занимала мысль совсѣмъ покинуть Петербургъ и въ сельскомъ уединеніи искать убѣжища отъ удручавшихъ душу обстоятельствъ, встрѣчъ и отношеній. Сообщено П. И. Бартеневымъ въ Рус. Арх. 1886, № 9, стр. 126.]

— — —

lib.pushkinskijdom.ru

Въ этомъ же году Пушкинымъ написанъ одинъ куплетъ въ шуточномъ «канонѣ» въ честь М. И. Глинки, по случаю перваго представленія его оперы «Жизнь за Царя». Музыка этого канона сочинена Глинкой и кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, а куплеты — 1-й гр. М. Ю. Віельгорскимъ, 2-й кн. П. А. Вяземскимъ, 3-й Жуковскимъ и 4-й Пушкинымъ. Впрочемъ, Пушкину приписывается и 1-й куплетъ, а гр. Віельгорскому — 4-й. Вотъ эта пьеса:

Пой въ восторгѣ, русскій хоръ:
Вышла новая новинка!
Веселися Русь, нашъ Глинка—
Ужъ не глинка, а фарфоръ!

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея Глинку
Отъ Неглинной до Невы!

Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвеину стаканъ!

Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь.
13 декабря 1836.

См. записки Глинки въ Рус. Стар. 1870.

lib.pushkinskijdom.ru

ОТДѢЛЪ II

ПОЭМЫ, СКАЗКИ И ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ВЪ СТИХАХЪ

1820—1833

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

(1817—1820).

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ ПОЭМЫ.

Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго Лицея, и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недостатки.

При ея появленіи, въ 1820 году, тогдашніе журналы наполнились критиками болѣе или менѣе снисходительными [1]). Самая пространная писана г. Воейковымъ и помѣщена въ «Сынѣ Отечества». Вслѣдъ за нею появились вопросы неизвѣстнаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторые.

«Начнемъ съ первой пѣсни. Commençons par le commencement:

«Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана?..

«Зачѣмъ онъ разсказываетъ свою исторію, и какъ можетъ Руслань въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію внимать разсказъ (или по-русски разсказамъ) старца?

«Зачѣмъ Руслань присвистываетъ, отправляясь въ путь? Показываетъ ли это огорченнаго человѣка? Зачѣмъ Фарлафъ съ своею трусостью поѣхалъ искать Людмилы? Иные скажутъ: за-

---

[1]) Одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой Крылову:

Напрасно говорятъ, что критика легка;
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка. *А. П.*

[Эпиграмма напечатана въ «Сынѣ Отеч.» 1820, № 38.]

lib.pushkinskijdom.ru

тѣмъ, чтобы упасть въ грязный ровъ: et puis on en rit, et cela fait toujours plaisir.

«Справедливо ли сравненіе, стр. 45, которое вы такъ хвалите? Случалось ли вамъ это видѣть? *).

«Зачѣмъ маленькій карла съ большою бородою (что, между прочимъ, совсѣмъ не забавно) приходитъ къ Людмилѣ? Какъ Людмилѣ пришла въ голову странная мысль схватить съ колдуна шапку (впрочемъ, въ испугѣ чего не надѣлаешь?), и какъ колдунъ позволилъ ей это сдѣлать?

«Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая, какъ ребенка, въ воду, когда

Они схватились на коняхъ;
. . . . . .
Ихъ члены злобой сведены;
Объяты, молча, костенѣютъ, и проч.?

Не знаю, какъ Орловскій нарисовалъ бы это.

«Зачѣмъ Русланъ говоритъ, увидѣвши поле битвы (которое совершенный hors d'oeuvre), зачѣмъ говоритъ онъ:

О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?..
. . . . . .
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! и проч.?

«Такъ ли говорили русскіе богатыри? И похожъ ли Русланъ, говорящій о травѣ забвенья и вѣчной темнотѣ временъ, на Руслана, который чрезъ минуту послѣ восклицаетъ съ важностью сердитой:

Молчи, пустая голова!
. . . . . .
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!
. . . . Знай нашихъ! и проч.?

«Зачѣмъ Черноморъ, доставши чудесный мечъ, положилъ его на полѣ, подъ головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

*) Указаніе страницы относится къ 1-му изданію; замѣчаніе относится къ стихамъ: «Вы знаете, что наша дѣва» и пр., которые при новомъ изданіи поэмы были выпущены.

lib.pushkinskijdom.ru

«Зачѣмъ будить двѣнадцать спящихъ дѣвъ и поселять ихъ въ какую-то степь, куда, не знаю какъ, заѣхалъ Ратмиръ? Долго ли онъ пробылъ тамъ? Куда поѣхалъ? Зачѣмъ сдѣлался рыбакомъ? Кто такая его новая подруга? Вѣроятно ли, что Руслань, побѣдивъ Черномора и пришедъ въ отчаяніе, не находя Людмилы, махалъ до тѣхъ поръ мечемъ, что сшибъ шапку съ лежащей на землѣ супруги?

«Зачѣмъ карла не вылѣзъ изъ котомки убитаго Руслана? Что предвѣщаетъ сонъ Руслана? Зачѣмъ это множество точекъ послѣ стиховъ:

Шатры бѣлѣютъ на холмахъ?

Зачѣмъ, разбирая Руслана и Людмилу, говорить объ Иліадѣ и Энеидѣ? Что есть общаго между ними? Какъ писать (и кажется серьезно), что рѣчи Владиміра, Руслана, Финна и проч. нейдутъ въ сравненіе съ Омеровыми? Вотъ вещи, которыхъ я не понимаю, и которыхъ многіе другіе также не понимаютъ. Если вы намъ объясните ихъ, то мы скажемъ: cujusvis hominis est errare; nullius, nisi insipientis, in errore perseverare (Philippis. XII, 2).»

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais.

Конечно, многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній. Нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на оныя. Его антикритика остроумна и забавна *).

Впрочемъ, нашлись рецензенты совсѣмъ иного разбора. Напр. въ Вѣстникѣ Европы, № 11, 1820, мы находимъ слѣдующую благонамѣренную статью:

«Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, который, какъ у Камоэнса Мысъ Бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди океана россійской словесности. Пожалуйте, напечатайте мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмѣются и оставятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода русскихъ сочиненій.

---

*) Послѣ статей А. Ѳ. Воейкова (С. От. № 32, 34—37) было напечатано: «Письмо къ сочинителю критики на поэму Р. и Л.», за подписью: N. N., въ которомъ авторъ, молодой гвардейскій офицеръ Дм. Петр. Зыковъ, предлагалъ вопросы о недостаткахъ поэмы (С. От. № 38). Антикритика напечатана въ №№ 41 и 42, съ подписью: «К. Григорій Б—въ» и «П. К—въ» (самъ же Воейковъ). См. V, 120 и VII, 12, 22; Анненковъ, Мат., 58—63. «Отвѣты» А. А. Перовскаго были сообщены Пушкину Плетневымъ въ письмѣ отъ 26 сентября 1825. (Соч. Плетн., III, 331).

lib.pushkinskijdom.ru

«Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы, т. е. сказки и пѣсни народныя. Что о нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя, то не должно ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Мы любимъ воспоминать все, относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство познаній? Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказокъ и пѣсенъ; но когда узналъ я, что наши словесники приняли странныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ, и наконецъ такъ влюбились въ сказки и пѣсни, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали Еруслаиы и Бовы на новый манеръ, то я вамъ слуга покорный.

«Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?.. Чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова?

«Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, написанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть въ 15 и 16 №№ Сына Отечества. Тамъ неизвѣстный піитъ на образчикъ выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей Людмила и Русланъ (не Еруслапъ ли?). Не знаю, что будетъ содержать цѣлая поэма; но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Піитъ оживляетъ мужичка самъ съ ноготъ, и борода съ локоть, придаетъ ему еще безконечные усы (С. От. стр. 121), показываетъ намъ вѣдьму, шапочку-невидимку и проч. Но вотъ что всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаетъ въ полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которою лежитъ мечъ-кладенецъ; голова съ нимъ разглагольствуетъ, сражается... Живо помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей; теперь, на старости, сподобился вновь то же самое услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени!.. Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть стариннаго нашего пѣснословія, поэтъ и въ выраженіяхъ уподобился Еруслапову разскащику, напримѣръ:

...Шутите вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ бородою!..

Каково?

lib.pushkinskijdom.ru

... Объѣхалъ голову кругомъ,
И сталъ предъ носомъ молчаливо.
Щекотитъ ноздри копіемъ...

Картина достойная Кирши Данилова!

«Далѣе: чихнула голова, за нею и эхо чихаетъ...

Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу...

«Потомъ витязь ударяетъ въ щеку тяжкой рукавицей... Но увольте меня отъ подробнаго описанія, и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялися между нами? Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а нимало не смѣшна и не забавна. Dixi.» *).

Долгъ искренности требуетъ также упомянуть и о мнѣніи одного изъ увѣнчанныхъ, первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность **). Другой (а можетъ быть и тотъ же) увѣнчанный, первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.

12 февраля 1828.

---

*) Статья, изъ которой Пушкинъ приводитъ эти выписки, напечатана съ подписью: «Житель Бутырской Слободы». Она вызвала возраженія въ «Сынѣ Отеч.» 1820, № 31 и 43; «Житель» отвѣчалъ въ В. Евр. № 16; кромѣ того, въ В. Евр. 1821, № 4 явились еще «Письма къ редактору», по тому же поводу, за подписью С. Осетрова.

**) Такъ отозвался о Русланѣ И. И. Дмитріевъ. По этому поводу Карамзинъ писалъ ему: «Ты не отдаешь справедливости таланту или поэмѣ молодого Пушкина, сравнивая ее съ Энеидою Осипова; въ ней есть живость, легкость, остроуміе, вкусъ; только нѣтъ искуснаго расположенія частей, нѣтъ или мало интереса; все сметано на живую нитку». (Письма Кар. къ Дм., Спб. 1866, стр. 290). Изъ другихъ современныхъ отзывовъ о поэмѣ намъ извѣстно сужденіе А. И. Тургенева, въ письмѣ къ В. Л. Пушкину отъ 25 февраля 1820 г.: «Племянникъ почти кончилъ свою поэму, и на сихъ дняхъ я два раза читалъ ее. Пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, личной для него: увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя, и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривый!
Ничьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

ПРОЛОГЪ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;

lib.pushkinskijdom.ru

Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню — сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту... *)

1828.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,

*) Тема этого пролога взята Пушкинымъ изъ сказки няни Арины Родіоновны о царѣ Салтанѣ: «У моря, у лукоморья, стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ.» См. примѣчанія къ сказкѣ о Салтанѣ, въ т. III.

lib.pushkinskijdom.ru

Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Всѣ смолкли, слушаютъ баяна:
И славитъ сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣстъ, не пьетъ Русланъ влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И, щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.
Въ унынье, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя младые;
Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашна непріятны имъ;
Не слышатъ вѣщаго баяна,
Потупили смущенный взглядъ:
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ — Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ кіевскихъ полей;
Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой хазарскій ханъ Ратмиръ.
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами,

lib.pushkinskijdom.ru

И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ пріуныла,
И свѣтелъ радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньѣ:
Ласкаетъ онъ въ воображеньѣ
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ, невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды;
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры...
Вы слышите ль влюбленный шопотъ,
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропотъ
Послѣдней робости?.. Супругъ
Восторги чувствуетъ заранѣ;
И вотъ, они настали... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклось, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ...
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странный,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣе мглы туманной...
И снова теремъ пустъ и тихъ.
Встаетъ испуганный женихъ;
Съ лица катится потъ остылый;
Трепеща, хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...

lib.pushkinskijdom.ru

О горе, нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
Людмилы нѣтъ во тьмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить... О, друзья,
Конечно, лучше бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастный.
Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ.— «Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги:
О, сжальтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моей?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей! —
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
Кто жъ вызовется, дѣти, други?..»
— Я! молвилъ горестный женихъ.
«Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
«Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
Мы рады весь изъѣздить міръ;
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
Не бойся, ѣдемъ за княжной!»
И съ благодарностью нѣмой

lib.pushkinskijdom.ru

Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
Русланъ унынъемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
Но долго все еще глядитъ
Великій князь въ пустое поле,
И думой имъ вослѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
И мысль, и память потерявъ.
Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись, ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: «насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
Ужъ то-то крови будетъ течь,
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!..
Повеселись, мой вѣрный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнитъ бѣгуна лихого,
Кружитъ, подъемлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ — ни слова...
Страшась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,

lib.pushkinskijdom.ru

Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасный
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ теменъ брегъ отлогій;
Съ востока льется ночи тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкій пересѣкся путь.
«Разъѣдемся, пора!» сказали,
«Безвѣстной ввѣримся судьбѣ.»
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра...

Но вдругъ предъ витяземъ пещера;
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремлющіе своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ унынъемъ; что же зритъ?
Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сынъ!»
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
«Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну;
Но наконецъ дождался дня,

lib.pushkinskijdom.ru

Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ: твой оскорбитель —
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ донынѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей!
Тебѣ сказать не долженъ болѣ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ міръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
«Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать»,
Сказалъ старикъ: «тебѣ ужасна
Любовь сѣдого колдуна;
Спокойся, знай — она напрасна
И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онъ свистнетъ — задрожитъ луна;
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель

lib.pushkinskijdom.ru

Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только нѣмощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей:
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянетъ жестокій жребій свой...
Но, добрый витязь, день проходитъ,
А нуженъ для тебя покой.»

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконецъ:
«Не спится что-то, мой отецъ!
Что дѣлать! боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ непонятный?
Въ пустыню кто тебя занесъ?»

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: «любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальной
Угрюмый край. Природный Финнъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо селъ окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

«Тогда близь нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды, утренней порою,
Свои стада на темный лугъ

lib.pushkinskijdom.ru

Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узналъ душой,
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

«Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: люблю тебя, Наина!
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!

«И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куща, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ —
Ничто тоски не утѣшало.
Въ унынье сердце сохло, вяло;
И наконецъ задумалъ я
Оставить финскія поля,
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдаль уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины

lib.pushkinskijdom.ru

Страшились дерзости моей,
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ — и весла зашумѣли;
И, страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

«Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленный,
Кораллы, злато и жемчугъ;
Предъ нею, страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвя съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя! *)

«Къ чему разсказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?

*) Послѣ этихъ стиховъ въ изданіи 1820 г. было еще:

Русланъ, не знаешь ты мученья
Любви, отверженной навѣкъ.
Увы! ты не сносилъ презрѣнья...
И что же, странный человѣкъ!
И ты жъ тоскою сердце губишь.
Счастливецъ! ты любимъ, какъ любишь!

lib.pushkinskijdom.ru

Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горесть, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.

«Но слушай: въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбарей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

«И я, любви искатель жадный,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьѣ колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслію постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ;
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, ты моя!
Побѣда наша, думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

«Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,

lib.pushkinskijdom.ru

Зову духовъ — и въ тьмѣ лѣсной *)
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной
Старушка дряхлая, сѣдая,
Глазами впалыми сверкая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣньѣ все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно ли?.. «Ровно сорокъ лѣтъ!»
Былъ дѣвы роковой отвѣтъ;
«Сегодня семьдесятъ мнѣ било.
Что дѣлать!» мнѣ пищитъ она,
«Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата,
Не то, что встарину была,
Не такъ жива, не такъ мила;

---

*) Вмѣсто этихъ четырехъ стиховъ въ изд. 1820 г. было:

Въ надеждѣ сладостныхъ отрадъ,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и, виноватъ!
Безумный, дерзостный губитель,
Достойный Черномора братъ,
Я сталъ Наины похититель:
Лишь загадалъ, во тьмѣ лѣсной...

lib.pushkinskijdom.ru

За то (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

«И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

«Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось, по несчастью:
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ.
Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди въ объятія мои...
О милый, милый, умираю!..»

«И между тѣмъ она, Русланъ,
Мигала томными глазами,
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ — я обмиралъ,
Отъ ужаса зажмуря очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи;
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
Она во слѣдъ: «о недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь — вотъ мужчины!
Измѣной дышутъ всѣ они!
Увы, сама себя вини;

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ обольстилъ меня, несчастный!
Я отдалась любови страстной...
Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!»

«Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой,
И въ мірѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила;
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидитъ и тебя;
Но горе на землѣ не вѣчно.»

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Разсказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
Но день блистаетъ лучезарный...
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Руслановъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ:
«Отецъ мой, не оставь меня!»
И скачетъ по пустому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричитъ вослѣдъ: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

lib.pushkinskijdom.ru

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани
И упивайтеся враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣетъ,
Дивяся грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣетъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранитесь, только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно.
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно *).

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный,
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный,—
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
«Убью!.. преграды всѣ разрушу...
Русланъ!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то дѣвица поплачетъ...»
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

---

*) Въ изд. 1820 г. было прибавлено:

Ужели Богъ намъ далъ одно
Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
Намъ остаются въ утѣшенье
Война, и музы, и вино.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ;
И, времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
Летитъ — а тотъ за нимъ вослѣдъ.
«Остановись, бѣглецъ безчестный!»
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный:
«Презрѣнный, дай себя догнать!
Дай голову съ тебя сорвать!»
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ,
И вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальныя закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжко въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
Жестокій мечъ ужъ занесенъ;
«Погибни, трусъ! умри!» вѣщаетъ...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;

lib.pushkinskijdom.ru

Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку, чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала:
«Ты тамъ найдешь его», сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
«Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня;
Вставай, послушайся меня.»

Смущенный витязь поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ, оживая:
«Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повѣрь!» старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забѣжала;
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно разъѣзжать по свѣту;
Ты, право, будешь самъ не радъ.
Послѣдуй моему совѣту,
Ступай тихохонько назадъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ
Останься лучше безъ заботъ:
Отъ насъ Людмила не уйдетъ.»

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣньѣ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о кнѣжнѣ младой;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говоритъ: «найду ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой свѣтлый взоръ?
Услышу ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была
И, скорбной дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
Или соперникъ дерзновенный
Придетъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ.»

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ, и крикъ, и ржанье,
И топотъ по полю глухой...
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ — и грозой

lib.pushkinskijdom.ru

Помчался князь ему навстрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
А тамъ ищи своихъ невѣстъ.»
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва;
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ...

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о младой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромный,
Я разсказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастная! когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихорь къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачный,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —
Ты чувствъ и памяти лишилась,
И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника спѣсивый,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селенья старый воръ,

lib.pushkinskijdom.ru

Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
Во тьму разсѣлинъ безопасныхъ
Уноситъ бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветъ любовницу пѣтухъ...
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
Объята — наконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
«Гдѣ жъ милый», шепчетъ, «гдѣ супругъ?»
Зоветъ — и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнію вокругъ...
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица? *)
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемлютъ ароматный паръ;
Довольно... благо, мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада,
Меня предупредила въ томъ.

---

*) Въ изданіи 1820 г. прибавлено:

Гдѣ ложе радости младой?
Одна, съ ужасной тишиной
Лежитъ... и т. д.

lib.pushkinskijdom.ru

Но свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ *).

Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая —
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя,
И грудь, и плечи молодыя
Фатой, прозрачной какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,

*) Далѣе въ изданіи 1820 г. читалось:

Вы знаете, что наша дѣва
Была одѣта въ эту ночь,
По обстоятельствамъ, точь-въ-точь
Какъ наша прабабушка Ева.
Нарядъ невинный и простой,
Нарядъ Амура и природы!
Какъ жаль, что вышелъ онъ изъ моды!

Предъ изумленною княжной
Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Явились, молча подошли...

lib.pushkinskijdom.ru

Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ;
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчитъ, она тоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно, знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,
На зло привычкѣ и разсудку,
Забудетъ въ зеркало взглянуть —
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ, Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоятъ угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ,
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихорь въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы;
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотые апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вьется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышутъ по тропамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ *);

*) Въ изданіи 1820 г. это мѣсто читалось такъ:

Цвѣтутъ и дышутъ по тропамъ,
Усѣяннымъ пескомъ алмазнымъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Куда — сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ кругомъ обходитъ,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачные возводитъ
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасной;
Къ устамъ она прижала перстъ;
Казалось, умыселъ ужасный
Рождался... Страшный путь отверстъ:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ унынье тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ — и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть —
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь *).

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку сѣла, оглянулась —
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
Шумя, съ прохладой развернулась;
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей

Игривымъ и разнообразнымъ
Волшебствомъ дивный садъ блеститъ,
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Ей роскошь свѣтлая постыла,
Ей грустенъ нѣги пышный видъ...

*) Въ изд. 1820 г. послѣ этихъ стиховъ было еще:

О люди, странныя созданья!
Межъ тѣмъ какъ тяжкія страданья
Тревожатъ, убиваютъ васъ,
Обѣда лишь наступитъ часъ —
И вмигъ вамъ, жалобно доноситъ
Пустой желудокъ о себѣ,
И имъ заняться тайно проситъ.
Что скажемъ о такой судьбѣ?
И ты прекрасная Людмила и т. д.

lib.pushkinskijdom.ru

Незрима арфа заиграла.
Дивится плѣнная княжна;
Но втайнѣ думаетъ она:
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ!
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсенъ, ни пировъ —
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!»
Подумала — и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатеръ,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы — все пропало;
По-прежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица нощи;
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила;
Княжну невольно клонитъ сонъ;
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ,
И осторожно опускаетъ
Сквозь ѳиміамъ вечернихъ розъ,
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вкругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ;
Но ихъ унылый, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;

lib.pushkinskijdom.ru

Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что жъ наша плѣнница теперь?
Дрожитъ какъ листъ, дохнуть не смѣетъ;
Хладѣютъ перси, взоръ темнѣетъ;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ;
Не спитъ, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ...
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышитъ трепетанье...
И мнится... шепчетъ тишина;
Идутъ — идутъ къ ея постелѣ;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ... о страхъ!.. и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Сѣдую бороду несетъ;
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей:
Его-то головѣ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода.
Ужъ онъ приближился; тогда
Княжна съ постели соскочила,
Сѣдого карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ,
И въ страхѣ завизжала такъ,
Что всѣхъ араповъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе;

lib.pushkinskijdom.ru

Зажавши уши, поскорѣе
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется;
Шумятъ, толкаются, бѣгутъ,
Хватаютъ колдуна въ охапку,
И вонъ распутывать несутъ,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
Вы помните ль нежданну встрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Ужъ копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещатъ, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены, злобой сведены,
Переплелись и костенѣютъ;
По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь дрожитъ —
И вотъ колеблются, слабѣютъ —
Кому-то пасть... Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой —
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни!» грозно восклицаетъ;
«Умри, завистникъ злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Руславъ:

lib.pushkinskijdom.ru

То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашелъ, настигъ — но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пустынѣ свой нашелъ конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла
И жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла.
И долго послѣ, ночью темной,
Бродя близь тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромный
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Стихи мои! вы не сокрылись
Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
Ужъ бѣдный критикъ, ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой, и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тутъ злобы черную печать!
Скажи, зоилъ, скажи, предатель,
Ну, какъ и что мнѣ отвѣчать?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучнаго Гимена...

lib.pushkinskijdom.ru

Я вижу: тайная слеза
Падетъ на стихъ мой, сердцу внятный;
Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
Вздохнула молча... вздохъ понятный!
Ревнивецъ, бойся — близокъ часъ!
Амуръ съ досадой своенравной
Вступили въ смѣлый заговоръ,
И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой, Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати;
Вокругъ брады его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Какъ вдругъ, откуда ни возьмись,
Въ окно влетаетъ змій крылатый:
Гремя желѣзной чешуей,
Онъ въ кольца быстрыя согнулся
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
«Привѣтствую тебя», сказала,
«Собратъ, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общею враждой;
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ.»

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Вѣщая: «дивная Наина!
Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Финна;
Но мрачныхъ козней не боюсь:
Противникъ слабый мнѣ не страшенъ;
Узнай чудесный жребій мой:
Сей благодатной бородой
Не даромъ Черноморъ украшенъ.
Доколь власовъ ея сѣдыхъ
Враждебный мечъ не перерубитъ,
Никто изъ витязей лихихъ,
Никто изъ смертныхъ не погубитъ
Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
Моею будетъ вѣкъ Людмила,
Русланъ же гробу обреченъ!»
И мрачно вѣдьма повторила:
«Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой,
И чернымъ зміемъ улетѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренный,
Развеселясь, рѣшился вновь
Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ, карликъ бородатый,
Опять идетъ въ ея палаты;
Проходитъ длинный комнатъ рядъ:
Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ, въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вкругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
Кто выразитъ его смущенье,
И ревъ, и трепетъ изступленья?
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
«Сюда, невольники, бѣгите!
Сюда! надѣюсь я на васъ!
Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите ль? сейчасъ!

lib.pushkinskijdom.ru

Не то — шутите вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ бородою!»

Читатель, разскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
Ее пугала борода;
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ не совмѣстенъ.
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотыя
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла.
Вздыхая, не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ.
Въ волненьѣ своенравныхъ думъ,
Примѣрить шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь!
Людмила шапкой завертѣла;
На брови, прямо, на бекрень.
И задомъ напередъ надѣла.
И что жъ? О чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула — передъ ней
Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла — снова нѣтъ;
Сняла — и въ зеркалѣ! «Прекрасно!

lib.pushkinskijdom.ru

Добро, колдунъ! добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно,
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
И шапку стараго злодѣя
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ *).

Но возвратимся же къ герою.
Не стыдно ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокій,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкій
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь поневолѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости, по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы:
Гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ остовъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.

---

*) Здѣсь въ рукописи набросана и на половину зачеркнута дальнѣйшая программа поэмы:

«Людмила, обманутая призракомъ, попадается въ сѣти и усыпляется Черноморомъ. Поле битвы. Русланъ и Голова. Фарлафъ въ загородной дачѣ. Ратмиръ у двѣнадцати спящихъ дѣвъ. (Русланъ, русалки, Соловей-Разбойникъ). Русланъ и Черноморъ. Убійство. Конецъ.»

lib.pushkinskijdom.ru

«О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходитъ поле онъ вокругъ,
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гулъ и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднялъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ-нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный,
Надъ усыпленною землей
Дымятся синіе туманы

lib.pushkinskijdom.ru

И всходитъ мѣсяцъ золотой.
Померкла степь. Тропою темной,
Задумчивъ, ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный,
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый;
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянный,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньѣ хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ,
И ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри копіёмъ.
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы,

lib.pushkinskijdom.ru

Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь, голова вскричала;
«Вотъ, гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину, бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!»

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;
Изъ устъ, ушей поднялся паръ;
И вдругъ она что было мочи
Навстрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня.»
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіёмъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла. —
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушенъ;
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И, заикаясь, умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.—
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжкой рукавицей
Съ размаха голову разитъ.
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ

lib.pushkinskijdom.ru

Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ —
Ей носъ и уши обрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ -
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной;
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженный.

«Ты вразумилъ меня, герой!»
Со вздохомъ голова сказала;
«Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой.
Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
Но, витязь, будь великодушенъ!
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшого брата!
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей
Меня, жестокій, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ; а сей несчастный,
Имѣя самый глупый ростъ,
Уменъ какъ бѣсъ — и золъ ужасно.
Притомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,

lib.pushkinskijdom.ru

Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И, все на свѣтѣ презирая,—
Доколѣ борода цѣла —
Измѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ, однажды, съ видомъ дружбы,
— Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами,
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ — и что же? страхъ!
Я разобралъ во тьмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
Что насъ обоихъ онъ погубитъ:
Мнѣ бороду мою отрубитъ,
Тебѣ — главу; суди же самъ,
Сколь важно намъ пріобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ!
— Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье?
Сказалъ я карлѣ: я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта. —
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое, для совѣта,
Злодѣя-брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу,
Шагалъ, шагалъ и, слава Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметалъ его руками
И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
Межъ нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
Бранились долго; наконецъ
Уловку выдумалъ хитрецъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Притихъ и будто бы смягчился.
— Оставимъ безполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жить велитъ;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежитъ.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаетъ злоба!),
И кто услышитъ первый звонъ,
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба.—
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся,
Какъ вихорь свистнулъ острый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слетѣла съ плечъ —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой остовъ терніемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной,
Истлѣлъ мой прахъ непогребенный;
Но злобный карла перенесъ
Меня въ сей край уединенный,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
О витязь, ты хранимъ судьбою!
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь —
Ахъ, если ты его замѣтишь,
Коварству, злобѣ отомсти!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей,
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.»

lib.pushkinskijdom.ru

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому же — честь и слава имъ! —
Женитьбы наши безопасны...
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ *).
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый — о друзья!
Не вѣрьте имъ, они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель,
И музы вѣтреной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь вослѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу **).

---

*) Въ изд. 1820 г. было прибавлено:

Не правъ Фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему: теперь колдунъ
Иль магнетизмомъ лѣчитъ бѣдныхъ
И дѣвушекъ худыхъ и блѣдныхъ,
Пророчитъ, издаетъ журналъ —
Дѣла, достойныя похвалъ.

**) Эти стихи относятся къ Жуковскому, такъ какъ въ этой пѣсни Пушкинъ пародируетъ его поэму: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ». Г. Анненковъ (Мат., 50) разсказываетъ, что Пушкинъ читалъ свою поэму на вечерахъ у Жуковскаго, въ присутствіи Батюшкова, и что послѣ чтенія послѣдней пѣсни Жуковскій подарилъ ему свой портретъ, съ надписью: «Ученику отъ побѣжденнаго учителя.»

lib.pushkinskijdom.ru

Друзья мои, вы всѣ слыхали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
Молитвой, вѣрой и постомъ
И непритворнымъ покаяньемъ
Снискалъ заступника въ святомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей —
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сіи чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрѣли ихъ,
И часто инокинь святыхъ
На гробъ отцовскій провожали...
И что жъ, возможно ль?.. намъ солгали!
Но правду возвѣщу ли я?..*)

Младой Ратмиръ, направя къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.

*) Вмѣсто этого стиха, въ изд. 1820 г. было:

Дерзну ли истину вѣщать?
Дерзну ли ясно описать
Не монастырь уединенный,
Не робкихъ инокинь соборъ,
Но... трепещу! въ душѣ смущенной
Дивлюсь — и потупляю взоръ.

lib.pushkinskijdom.ru

Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ
И видитъ: за́мокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ;
Чернѣютъ башни на углахъ;
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокій,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

«Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ, и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«Тебѣ мы съ утренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»

lib.pushkinskijdom.ru

Она манитъ, она поетъ —
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ младой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая—кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной русской банѣ.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряные чаны,
И брызжутъ хладные фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ—
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится.
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенный
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Но вотъ, выходитъ онъ изъ бани.
Одѣтый въ бархатныя ткани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды греческихъ дружинъ,
И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣе по слѣдамъ Парни
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любови нѣжной!
Луною замокъ озаренъ;
Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манятъ;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ — и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ, въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревнивый
Скрипитъ подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твоя настала ночь!
Проснися — дорогъ мигъ утраты!..
Она подходитъ; онъ лежитъ
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ;
Покровъ его съ одра скользитъ
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньѣ дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижна, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
И вотъ, она на ложе хана
Колѣномъ опершись однимъ,
Вздохнувъ, лицо къ нему склоняетъ

lib.pushkinskijdom.ru

Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой,
Слабѣетъ робкій голосъ мой —
Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю пѣсней продолжать:
Русланъ насъ долженъ занимать,
Русланъ, сей витязь безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.

Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ, ужъ раннею зарею
Сіяетъ тихій небосклонъ;
Все ясно; утра лучъ игривый
Главы косматой лобъ златитъ.
Русланъ встаетъ, и конь ретивый
Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
Тяжелый, пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приближилась — Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальный сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младого
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манятъ, не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ храним,

lib.pushkinskijdom.ru

Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ —
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ не зрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другѣ мыслитъ и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ кіевскимъ полямъ
Въ забвеньѣ сердца улетаетъ;
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ —
Забыты плѣнъ и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону — незрима вдругъ —
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды,

lib.pushkinskijdom.ru

На лугъ измятый упадали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
Что пьетъ иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой.
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слыхали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился, наконецъ,
Поймать Людмилу непремѣнно.
Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитереи,
Раскинувъ сѣть ея красамъ,
Открылъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи...

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки

lib.pushkinskijdom.ru

Сидѣла тихо близь окна
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ — кличутъ: «милый другъ!»
И видитъ вѣрнаго Руслана:
Его черты, походка, станъ;
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ,
И на бедрѣ живая рана —
Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
Русланъ!.. онъ, точно!» И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
«Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?»
Уже достигла, обняла...
О ужасъ... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
На землю шапка упадаетъ.
Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
«Она моя!» и въ тотъ же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Падетъ безъ чувствъ — и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
О, страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ дерзостной рукой
Младыя прелести Людмилы!
Ужели счастливъ будетъ онъ? *)

*) Въ изд. 1820 г. это мѣсто читалось такъ:

О, страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой
Младыя прелести Людмилы.
Къ ея плѣнительнымъ устамъ
Прильнувъ увядшими устами,
Онъ, вопреки своимъ годамъ,
Ужъ мыслитъ хладными трудами
Сорвать сей нѣжный тайный цвѣтъ,
Хранимый Лелемъ для другого;
Уже... но бремя позднихъ лѣтъ
Тягчитъ безстыдника сѣдого —
Стоная, дряхлый чародѣй,
Въ безсильной дерзости своей,
Предъ сонной дѣвой упадаетъ;
Въ немъ сердце ноетъ, плачетъ онъ,
Но вдругъ раздался рога звонъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеньѣ, блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣтрена... такъ что же?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите, можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождаютъ жаръ.
А та — подъ юпкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ *).
Да впрочемъ, дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?

*) По словамъ П. И. Бартенева (Р. А. 1866, ст. 1094), подъ именемъ Дельфиры Пушкинъ изобразилъ одну дальнюю свою родственницу, графиню Ек. Арт. Воронцову (1780 — 1836), которая передавала его матери дурные слухи, ходившіе про него въ городѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Русланъ. Онъ, местью пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подъемлетъ смутный взоръ
И видитъ — прямо надъ главою —
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ — и свысока,
Шумя, летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха рокового
Колдунъ упалъ — да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кряхтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь вослѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухѣ слабѣя
И силѣ русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвитъ: «слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану;
Младое мужество любя,

lib.pushkinskijdom.ru

Забуду все, прощу тебя,
Спущусь — но только съ уговоромъ...»
«Молчи, коварный чародѣй!»
Прервалъ нашъ витязь: «съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора,
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!»
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носитъ,
На третій онъ пощады проситъ:
«О рыцарь, сжалься надо мной;
Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
Скажи — спущусь, куда велишь...»
«Теперь ты нашъ; ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ.»

Смиренно внемлетъ Черноморъ;
Домой онъ съ витяземъ пустился;
Летитъ — и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
«Знай нашихъ!» молвилъ онъ жестоко;
«Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?» и на шлемъ высокій
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя, зоветъ коня лихого;
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живого
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,

lib.pushkinskijdom.ru

Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ — и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ —
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьѣ чувствъ нетерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ —
Идетъ, идетъ — и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ —
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
«Быть можетъ, горесть... плѣнъ угрюмый...
Минута... волны...» Въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою;
Его томитъ невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
Мрачится разумъ; дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ...
И вдругъ, неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушитъ, все крушитъ мечемъ —
Бесѣдки, рощи упадаютъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ.
Прелестный край опустошенъ —
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ — нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ...
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданнымъ счастьемъ упоенный,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви, восторга слезы льетъ.
Зоветъ ее — но дѣва дремлетъ,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подъемлетъ.
Руслановъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина...
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Финна:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина —
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна.»

Руслановъ, симъ гласомъ оживленный,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоцѣнной

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ оставляетъ вышину,
И сходитъ въ долъ уединенный.

Въ молчаньѣ, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ;
Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приносятъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ...
Въ забвеньѣ сладкомъ ловитъ онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ персей волнованье...

Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанный,
А дѣва спитъ. Но юный князь,
Безплоднымъ пламенемъ томясь,
Ужель, страдалецъ постоянный,
Супругу только сторожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечтаньѣ,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Потомству вѣрное преданье
О славномъ витязѣ моемъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ.
И вѣрю я! безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоемъ.
Пастушки, сонъ княжны прелестной

lib.pushkinskijdom.ru

Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравѣ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькій лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды соцъ лукавый...
Ахъ! первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, торопливый
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой...
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ — и догадался,
Что подъѣзжаетъ къ головѣ.
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланиты жизни лишены,
Свинцовой блѣдностью покрыты;
Уста огромныя открыты,
Огромны зубы стѣснены...
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова!
Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ — плѣнникъ!»
И князя гордыя слова

lib.pushkinskijdom.ru

Ее внезапно оживили,
На мигъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась, будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огнь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеньѣ, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала...
Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье *):
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье...
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньѣ витязь удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанный.
Въ теченьѣ медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника

*) Въ изд. 1820 г. было:

Въ рукахъ Руслана чародѣй
Томился въ мукахъ ожиданья;
И князь не могъ отвесть очей
Отъ непонятнаго созданья...
Но головы въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье.

lib.pushkinskijdom.ru

Волною сонной омывала,
И вкругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна;
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близь нея, вздыхаетъ
Съ унынъемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиренный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненный,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко брегу приплываетъ;
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумленьѣ молчаливомъ
Кого же въ рыбакѣ счастливомъ
Нашъ юный витязь узнаетъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ въ пустынѣ безмятежной

lib.pushkinskijdom.ru

Людмилу, славу позабылъ,
И имъ навѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приближился, и вмигъ
Отшельникъ узнаетъ Руслана,
Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ...
И обнялъ князь младого хана.
«Что вижу я?» спросилъ герой,
«Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, который ты прославилъ?»
«Мой другъ», отвѣтствовалъ рыбакъ,
«Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь, невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣе сердцу во сто кратъ.
Теперь, утративъ жажду брани,
Пересталъ платить безумству дани,
И, вѣрнымъ счастіемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелести Людмилы.»
«Любезный ханъ, я очень радъ!»
Сказалъ Русланъ: «она со мною.»
«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу, и враговъ.
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!»

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ,
И устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на брегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ.
Часы невидимо летѣли.
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
Встаетъ луна — все тихо стало;
Герою въ путь давно пора.
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Руланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душой вослѣдъ ему стремится,
Руслану счастія, побѣдъ,
И славы, и любви желаетъ,
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемыя въ мирѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины повѣть,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать,
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту къ славѣ потерявъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ
Въ пустынѣ дальней и спокойной
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталъ.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: «знаешь ли меня?
Ступай за мной, сѣдлай коня!»
И вѣдьма кошкой обратилась.
Осѣданъ конь; она пустилась
Тропами мрачными дубравъ;
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ;
Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленною княжною;
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами.
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою:
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездны глубиною
Стоитъ, недвижна и блѣдна...
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездной онъ...
Знакомый гласъ, призывный стонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Русланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тьмѣ глубокой...
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владиміръ въ гридницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,

lib.pushkinskijdom.ru

Между двѣнадцатью сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за браными столами.
И такъ же гнѣвенъ старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья;
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая...
И видитъ онъ среди гостей
Въ бою сраженнаго Рогдая;
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣненнаго стакана
Онъ, веселъ, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младого хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу;
Князья, бояре — всѣ молчатъ,
Душевныя движенья кроя.
И все исчезло — смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжко погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьѣ мыслитъ: «это сонъ!»
Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты рощи темнотою;
Долина въ мертвой тишинѣ...
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спитъ Руславъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ;
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ;
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на-двое разсѣчь...
Къ нему подъѣхалъ. Конь героя,
Врага почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Руслановъ не внемлетъ — сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!..
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаетъ трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Руслановъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру, взоръ открывъ туманный,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усильемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной —
И палъ недвижный, бездыханный.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжный,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать,
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.

lib.pushkinskijdom.ru

Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ...
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разсказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала,
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Бренчу про витязя младого.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый.

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь;
Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щитъ его не грянетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,

lib.pushkinskijdom.ru

Еще не знаетъ ни о чемъ.
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ — о диво!
Онъ видитъ: богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ не правъ.

Межъ тѣмъ, Наиной осѣненный
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ;
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьѣ радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
Бѣгутъ обрадовать отца —
И вотъ, измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли:
«Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?»
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,

lib.pushkinskijdom.ru

Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходитъ, отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьѣ;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньѣ.
Но хитро перстъ къ устамъ прижавъ,
«Людмила спитъ!» сказалъ Фарлафъ;
«Я такъ нашелъ ее недавно
Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
У злого лѣшаго въ рукахъ;
Тамъ совершилось дѣло славно:
Три дня мы бились; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прервetъ сей дивный сонъ?
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю — скрытъ судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Однѣ остались въ утѣшенье.»

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валитъ
Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоятъ унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;

lib.pushkinskijdom.ru

И блѣдный близь него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяньѣ, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякій толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской...
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой,
Щиты какъ зарево блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали, подъемля черный прахъ,
Идутъ походныя телѣги,
Костры пылаютъ на холмахъ.
Бѣда, возстали печенѣги! *)

Но въ это время вѣщій Финнъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа:

*) Слѣдующимъ затѣмъ стихамъ въ рукописи предшествуетъ программа: «Источники воды живой и мертвой. Воскресеніе. Битва. Заключеніе.»

lib.pushkinskijdom.ru

Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется мертвою водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтни сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ...
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивный сонъ
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухѣ пропалъ,
И очутился въ два мгновенья
Въ долинѣ, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою —
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою
Встаетъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираетъ;
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце, вспыхнувъ, замираетъ.
Вдругъ витязь вспрянулъ. Вѣщій Финнъ
Его зоветъ и обнимаетъ:
«Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ,
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,

lib.pushkinskijdom.ru

И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
Блистая въ латахъ какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубитъ,
Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ...
То былъ Русланъ. Какъ божій громъ
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ, съ карлой за сѣдломъ,
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрытъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ...
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней;
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнитъ;
Ликуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдный;
Копье сіяетъ какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемѣ вьется борода;
Летитъ, надеждой окрыленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпится съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Руланъ летитъ къ Людмилѣ спящей,
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей..
И чудо — юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной;
И вдругъ узнала — это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной.
Воскреснувъ пламенной душой,
Руланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой разсказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милый!
Неправый старца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князь ему простилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ;
И, бѣдствій празднуя конецъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ, міра житель равнодушный,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ — и забывалъ обиды
Слѣпого счастья и враговъ,
Измѣны вѣтреной Дориды *),
И сплетни шумныя глупцовъ **).
На крыльяхъ вымысла носимый,
Ужъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!
Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ

---

*) Къ этому времени относятся стихотворенія: «Дорида» и «Доридѣ», см. I, 216.

**) Разносился слухъ, приводившій Пушкина въ крайнее негодованіе, будто онъ былъ высѣченъ въ тайной канцеляріи. См. VII, 131.

lib.pushkinskijdom.ru

Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ —
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній...

26 іюня 1820. Кавказъ.

[Поэма была начата въ послѣдній годъ пребыванія Пушкина въ Лицеѣ и окончена вчернѣ осенью 1818 г. Въ слѣдующемъ году Пушкинъ окончательно исправилъ ее и приступилъ было къ печатанію, но въ маѣ 1820 былъ высланъ изъ Петербурга, и хлопоты по изданію взялъ на себя Гнѣдичъ. Л. С. Пушкинъ и С. А. Соболевскій наблюдали за печатаніемъ; А. Н. Оленинъ сочинилъ виньетку. Поэма вышла въ концѣ мая 1820 (цензурное одобреніе Тимковскаго, 15 мая); добавленія къ ней и эпилогъ явились въ Сынѣ Отеч. № 38. См. т. VII, п. 8. Второе изданіе вышло въ 1828 году. Въ этомъ изданіи внесены добавленія, опоздавшія къ отпечатанію 1-го изд., и помѣщенъ вновь написанный «прологъ». При изданіи былъ приложенъ портретъ автора, гравированный Уткинымъ съ оригинала Кипренскаго и явившійся первоначально при альманахѣ «Сѣверные Цвѣты», и предисловіе. Рецензіи и критическія статьи, кромѣ указанныхъ выше (см. примѣчанія къ предисловію), явились въ «Благонамѣренномъ» 1820, № 11; «Невск. Зрителѣ», № 7, и газетѣ «Рецензентъ» (В. Олина), 1821, № 5. Объ изданіи 1828 г. см. замѣтки въ «Сѣв. Пчелѣ», № 45, и «Моск. Телегр.» № 5. Въ бумагахъ Пушкина сохранился похвальный отзывъ о поэмѣ, собственноручно имъ выписанный изъ Revue Encyclopédique, 1821, février.

Кн. А. А. Шаховской обработалъ одинъ эпизодъ поэмы въ видѣ волшебной трилогіи «Финнъ», въ стихахъ (представлена въ Спб. 7 ноября 1824, въ Москвѣ 26 іюня 1831, см. «Молву» 1831, № 26); г. Глушковскій сдѣлалъ изъ «Руслана»—«героико-трагическую пантомиму» (предст. въ Москвѣ 15 мая 1831, см. «Молву», № 20), а Диддо — большой балетъ, предст. 8 декабря 1824.]

lib.pushkinskijdom.ru

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

(1821).

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-МУ ИЗДАНІЮ.

Сія повѣсть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя слегка означенному, изображенію Кавказа и горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осудившимъ характеръ плѣнника, нѣкоторыя отдѣльныя черты и пр.

1828.

Oh felice chi mai non pose il piede
Fuori della nativa sua dolce terra:
Egli il cuor non lascia fitto in oggetti
Che di più riveder non a speranza
E ciò, che vive, morto non piange.

Pindemonte.

Gieb meine Jugend mir zurück!

Goethe.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Николаю Николаевичу Раевскому.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили —
Я близь тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили —
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту [1]), пустынникъ величавый,
Ауловъ [2]) и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья,
Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой?
Ты здѣсь найдешь воспоминанья.
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души моей.
Мы въ жизни розно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.
Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастіе моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

---

[1]) Бешту, или правильнѣе Бештау, кавказская гора, въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи.

[2]) Аулъ. Такъ называются деревни кавказскихъ народовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей [3]),
Удары шашекъ [4]) ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ
Младого плѣнника влачилъ.
«Вотъ русскій!» хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышетъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,

---

[3]) Уздень, начальникъ или князь.
[4]) Шашка, черкесская сабля.

lib.pushkinskijdom.ru

Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ, загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ!
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.

За саклями [5]) лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Въ дали теряется угрюмой...
И плѣнника младого грудь
Тяжелой волновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ *).

---

[5]) Сакля, хижина.

*) Въ рукописи было еще добавлено:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Свершилось... Цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него!
Онъ рабъ. Склонясь главой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ;
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройный
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни

И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ
И мыслитъ: это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая...
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной,
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ*) прохладный
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ...
Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорный,
Привсталъ и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ черкешенкѣ младой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла,
Какъ бы участіемъ нѣмымъ

---

*) Кумысъ дѣлается изъ кобыльяго молока; напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ и почитается весьма здоровымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались,
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводитъ плѣнникъ каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной.
Когда же рогъ луны сребристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ и ульевъ сотъ душистый,
И бѣлоснѣжное пшено;
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
На немъ покоитъ нѣжный взоръ,
Съ неясной рѣчію сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой [7]).
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русскій жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой —
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость

---

[7]) Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни грузинскія пріятны и по большей части заунывны. Онѣ славятъ минутные успѣхи кавказскаго оружія смерть нашихъ героевъ Бакунина и Циціанова, измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденія.

lib.pushkinskijdom.ru

Еще обнимемъ мы не разъ;
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь!

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ.
Тоску неволи, жаръ мятежный.
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ [8]).

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался паръ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ

---

[8]) Въ 1-хъ изданіяхъ, въ примѣчаніи, находились двѣ обширныя выписки стиховъ, относящихся къ Кавказу, изъ Державина и Жуковскаго, съ замѣткою Пушкина: «Державинъ въ превосходной своей одѣ графу Зубову первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа: О юный вождь и пр. [См. Соч. Державина, 2-е акад. изданіе, II, 20—21.]—Жуковскій въ своемъ посланіи къ г. Воейкову также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа: Ты зрѣлъ, какъ Терекъ и пр. [См. Соч. Жук., изд. 1878, I, 322.]

lib.pushkinskijdom.ru

Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы — дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые —
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему — болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь — его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки

lib.pushkinskijdom.ru

Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?.. Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась — и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня —
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь [9]) отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный [10]).

Бывало, въ свѣтлый Баиранъ, [11])
Сберутся юноши толпою;

---

[9]) Чихирь — красное грузинское вино.

[10]) Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать его или незащищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. Кунакъ (т. е. пріятель, знакомецъ) отвѣчаетъ жизнію за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину кабардинскихъ горъ.

[11]) Байранъ или Байрамъ — праздникъ розговѣнья. — Рамазанъ — мусульманскій постъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами
При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ*).

Но скученъ миръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Но русскій равнодушно зрѣлъ
Сіи кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладный,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,

*) Послѣ этого стиха въ рукописи зачеркнуто:

Когда черкесы молодые
Съ ковшами полными въ рукахъ
Пируютъ, сидя на коврахъ,
Онъ внемлетъ гимны боевые.
Они поютъ своихъ князей,
Поютъ измѣну, поединокъ
И смертный сонъ богатырей
На лонѣ мстительныхъ грузинокъ;
Они поютъ ужасный часъ,
Когда съ побѣдою кровавой
На негодующій Кавказъ
Орелъ подъялся двоеглавый,
Когда на Терекѣ родномъ и т. д., см. эпилогъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ...
Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ читалъ —
Таилъ въ молчаньѣ онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его младой,
И шопотомъ между собой
Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный, невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость.
Когда твой другъ во тьмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Сгорая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: «плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынѣ
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто донынѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постели одинокой
Черкесъ младой и черноокій
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.

lib.pushkinskijdom.ru

Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата:
Но умолю отца и брата,
Не то — найду кинжалъ иль ядъ!..
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Душа тобой упоена...»

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ,
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатились.
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья.

«Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другого юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнитъ
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упованья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасный;
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ! *)
Но поздно! умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

«Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжко мыслить о другой!...

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно:
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньѣ предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы —
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;

*) Въ рукописи было прибавлено:

Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Прости!.. дай руку на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука —
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.

«Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньѣ дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда нибудь?
Ужель навѣкъ погибла радость?..
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русскій? ты любимъ?..
Понятны мнѣ твои страданья...
Прости жъ и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ.»

Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.

lib.pushkinskijdom.ru

Уста безъ словъ роптали пени;
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могла дохнуть.
И плѣнникъ тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
«Не плачь! и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали береговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ,
Заржавитъ тягостная цѣпь...»

Свѣтила ночи затмѣвались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродитъ.
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ,
Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель,
Зоветъ... но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся, бушуя,
И человѣка звѣрь почуя
Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ русскій плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
«Въ табунъ, въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланные кони;
Къ набѣгу весь аулъ готовъ,
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственныя дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе,
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
Изъ трубокъ дымъ, віясь, синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ —
И старцевъ сердце молодѣетъ.

Черкесская пѣсня.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти;
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ русскій о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула;
Вершины скалъ омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ — печальна и блѣдна,
Къ нему приближилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги! сказала дѣва горъ:
Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ — твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ.»

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой,

lib.pushkinskijdom.ru

Слеза невольная скатилась —
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ, дѣва говоритъ,
Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ.
«О другъ мой! русскій возопилъ:
Я твой навѣкъ, я твой до гроба!—
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...» — Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость —
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно ль? ты любилъ другую...
Найди ее, люби ее!
О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ унынiе мое?..
Прости! любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости — забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ. —

Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ,
И долгій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу въ тишинѣ —
И русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ...
Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ...
На дикій брегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... брега яснѣли
И опѣненные бѣлѣли,
Но нѣтъ черкешенки младой
Ни у береговъ, ни подъ горой...
Все мертво... на брегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ...

Все понялъ онъ... Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокій,
Ложился день на темный долъ,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шелъ,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали русскіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

20 февраля 1821. Каменка.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ муза, легкій другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье табуновъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Богиня пѣсенъ и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторитъ она
Преданья грознаго Кавказа;
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава древній поединокъ [12]),
Измѣны, гибель россіянъ
На лонѣ мстительныхъ грузинокъ.
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Поднялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспою, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесь покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ... *)
Но се — Востокъ подъемлетъ вой!..
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ — идетъ Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;

---

[12]) Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный Удалымъ, удѣльный князь Тмутаракани (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. — Ист. Гос. Росс., томъ II.

*) Котляревскій, Петръ Степановичъ, всю жизнь провелъ на Кавказѣ, въ бояхъ съ горцами. Подвиги свои довершилъ онъ взятіемъ неприступной крѣпости Ленкорана, куда онъ вошелъ по грудамъ тѣлъ, весь покрытый ранами. (См. Воспоминанія Вигеля, IV, 176.

lib.pushkinskijdom.ru

Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

Одесса 1821, 15 мая.

ПРИПИСКИ КЪ ПОЭМѢ.

1.

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, дѣвицы:
Не веселѣе ль намъ читать
Игривой музы небылицы,
Чѣмъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя страницы,
Иль усыпительный журналъ,
Который, ввѣкъ не зная цѣли,
Усердно такъ тяжелъ и грубъ —
И ровно кажды двѣ недѣли
Быть хочетъ золъ, а только глупъ?

2.

О вы, которыя любили
Парнаса тайныя [мечты]
И вольной младости цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили —
Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невѣжества слѣпого,
Отъ взоровъ зависти косой.
Картины, вымыслы, разсказы

lib.pushkinskijdom.ru

Для васъ я вновь перемѣшалъ,
Смѣшное съ важнымъ сочеталъ
И бѣшеной любви проказы
Въ архивахъ ада отыскалъ.

[Внѣшняя основа поэмы, по словамъ П. И. Бартенева (Р. Арх. 1866. стр. 1139), взята изъ разсказа одного изъ московскихъ знакомцевъ и дальнихъ родственниковъ Пушкина, нѣкоего Нѣмцова, который любилъ выдумывать про себя необыкновенные анекдоты и умѣлъ передавать ихъ съ правдоподобіемъ и увлекательностью. Онъ однажды разсказывалъ при Пушкинѣ, будто, живя на Кавказѣ, попался въ плѣнъ къ горцамъ и былъ освобожденъ черкешенкою, которая въ него влюбилась. О такомъ происхожденіи поэмы самъ Пушкинъ передавалъ Жуковскому.

Первая мысль поэмы выразилась въ небольшомъ отрывкѣ, набросанномъ въ августѣ 1820 года, во время пребыванія Пушкина на Кавказѣ. Въ записной книжкѣ поэта, хранящейся въ И. П. Б-кѣ, этотъ отрывокъ сопровождается нѣсколькими программами:

1. Буря. Бешту. Пѣснь. Игры. Черкесъ. Дѣва. Воспоминанья. Нападенье. Прощанья. Побѣгъ.

2. Черкесъ. Бой. Бѣгъ. Аулъ. Плѣнникъ. Дѣва. (Къ этой программѣ относятся приводимые ниже стихи).

3. Аулъ. Плѣнникъ. Дѣва. Любовь. Бешту. Черкесы. Пиры. Пѣсни. Воспоминанья. Тайна. Набѣгъ. Ночь. Побѣгъ.

Одинъ, въ глуши кавказскихъ горъ,
Покрытый буркой боевою,
Черкесъ надъ шумною рѣкою
Въ кустахъ таился. Жадный взоръ
Онъ устремлялъ на путь далекій,
Булатной шашкою сверкалъ,
И грозно, въ тишинѣ глубокой,
Своей добычи ожидалъ.
Товарищъ вѣрный, терпѣливый,
Питомецъ горныхъ табуновъ
Стоялъ недвижно конь ретивый,
Въ тѣни древесъ у береговъ.

Прохлада вѣетъ надъ водами;
Одѣлся тѣнью небосклонъ...
И вдругъ пустыни мертвый сонъ
Прервался... Пыль взвилась клубами,
Гремятъ колеса. Конь кипитъ —
Черкесъ верхомъ, черкесъ летитъ.

Зачѣмъ, о юноша несчастный,
Зачѣмъ на гибель ты спѣшишь?
Порывомъ смѣлости напрасной
Своей главы не защитишь.
Его настигнулъ врагъ летучій;
Несчастный палъ на чуждый брегъ —
И слабаго питомца нѣгъ
Къ горамъ повлекъ арканъ могучій.

lib.pushkinskijdom.ru

Помчался конь межъ дикихъ горъ
На крыльяхъ огненной отваги;
Все путь ему — болота, боръ,
Кусты, утесы и овраги.
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
И гулъ пустынный раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ, —
Онъ въ глубь кипящую несется.

На темной синевѣ небесъ
Луна вечерняя блеснула;
Вотъ кущи дальняго аула
Бѣлѣютъ межъ густыхъ древесъ.
Съ полей, подъ хладными скалами,
Влекутся съ праздными сохами
Четы медлительныхъ воловъ,
И глухо вторятся горами
И шумъ, и топотъ табуновъ...

[Дальше все исчеркано.]

Конецъ 3-й строфы этого наброска перенесенъ и въ самую поэму, которую Пушкинъ первоначально хотѣлъ назвать, по имени предполагавшагося героя, Владиміромъ, какъ видно изъ помѣты при второй программѣ.

Къ первоначальнымъ наброскамъ поэмы относятся также слѣдующія исчерканныя и неразборчивыя строки, находящіяся въ той же рукописи И. П. Б-ки:

Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы,
Кавказа дальній край . . . . обгорѣлый,
Жилища дикія черкесскихъ табуновъ...
. . . . . .
Я видѣлъ Машука [и Эльбруса] вершины,
Обвитыя вѣнцомъ холодныхъ о лаковъ,
И закубанскія равнины.
Ужасный край чудесъ! тамъ жаркія струи
Кипятъ въ утесахъ раскаленныхъ...
. . . . . .

Самая поэма окончательно написана въ Каменкѣ (имѣніи Раевскихъ), 20 февраля 1821 г., но эпилогъ написанъ уже въ Одессѣ, 15 мая. Изъ одного письма Пушкина къ кн. Вяземскому (т. VII, п. 42) видно, что сначала онъ хотѣлъ взять эпиграфъ изъ посланія Вяземскаго къ «американцу» Ѳ. И. Толстому:

Подъ бурей рока — твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти — легкій листъ;

но, поссорившись съ Толстымъ, откинулъ эти стихи.

Первое изданіе поэмы напечатано Н. И. Гнѣдичемъ въ Петербургѣ, въ августѣ 1822 г., съ приложеніемъ портрета Пушкина въ молодыхъ годахъ, рисованнаго, какъ говорятъ, К. П. Брюловымъ (другими онъ приписывается С. Г. Чирикову) и гравированнаго Гейтманомъ. За это изданіе Пушкинъ получилъ одинъ печатный экземпляръ поэмы и 500 руб. асс. Этимъ скуднымъ вознагражденіемъ онъ былъ очень недоволенъ, и долго съ досадою вспоминалъ объ этомъ. (Мат., 75). Исторію изданія поэмы и мнѣнія о ней самого Пушкина можно найти въ его письмахъ (т. VII, см. по указателю); ср. также т. V, 121.

Въ 1824 г. русскій текстъ поэмы былъ перепечатанъ Ольдекопомъ при нѣмецкомъ переводѣ Вульферта; но собственно второе изданіе сдѣлано Пушкинымъ только въ 1828 г. Въ третій разъ поэма напечатана въ книгѣ: «Поэмы и повѣсти Александра Пушкина», Спб. 1835.

lib.pushkinskijdom.ru

Приписки къ поэмѣ сдѣланы подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ критическихъ статей о «Русланѣ и Людмилѣ», въ особенности же — статей «Вѣстника Европы». О самомъ «Плѣнникѣ» критическія статьи были написаны кн. Вяземскимъ (Сынъ Отеч. 1822, № 49; Соч., I, 73), Плетневымъ (Труды вольн. общ. люб. росс. слов., 1822, XX, 24; Соч., I, 68) и М. П. (Вѣст. Евр. 1823, № 1, стр. 35); рецензіи явились въ Благонамѣренномъ 1822, XIX, гдѣ перепечатанъ и отрывокъ изъ поэмы, подъ названіемъ: «Воинскія упражненія и игры черкесовъ»; С. Отеч., № 35; Рус. Инв., № 213. Изъ отзывовъ современниковъ приведемъ слова Карамзина (Письма къ Дмитріеву, 337): «Въ поэмѣ либерала Пушкина слогъ живописенъ; я недоволенъ только любовнымъ похожденіемъ. Талантъ дѣйствительно прекрасный; жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія».

Въ 1823 г. балетмейстеръ Дидло составилъ изъ поэмы Пушкина «большой древній національно-пантоминный балетъ», подъ названіемъ «Кавказскій Плѣнникъ или тѣнь невѣсты», съ музыкою Кавоса, поставленный сначала въ Петербургѣ (съ Истоминой въ роли черкешенки, см. т. VII, п. 37), а затѣмъ и въ Москвѣ (см. Дамскій Журн. 1827, № 20).

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о вызванныхъ поэмою подражаніяхъ «Киргизскій Плѣнникъ, повѣсть въ стихахъ Н. Муравьева, взятая съ истиннаго происшествія Оренбургской линіи». М. 1828 (рец. въ Моск. Телегр. № 12 и Сѣв. Пч. № 94), и «Московскій Плѣнникъ, повѣсть въ стихахъ, соч. Ѳ. С—ва», М. 1829. Въ 1832 г. Н. В. Станкевичъ, въ сотрудничествѣ съ Н. А. Мельгуновымъ, напечаталъ въ «Молвѣ» (№ 75) пародію на поэмы безталанныхъ подражателей Пушкина и Баратынскаго, подъ заглавіемъ: «Калмыцкій Плѣнникъ».]

lib.pushkinskijdom.ru

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

(1821).

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній! *)
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ —
Живутъ безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглецъ
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, башкирецъ безобразный,
И рыжій финнъ, и съ лѣнью праздной
Вездѣ кочующій цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой

---

*) Ср. въ стихотвореніи Державина «На рожденіе царицы Гремиславы» (1796):

Какіе разные народы,
Языкъ, одежда, лица, станъ!

lib.pushkinskijdom.ru

Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все; теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ,
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ разсказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;
Умолкли всѣ — ихъ занимаетъ
Пришельца новаго разсказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ,
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

«Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда погибель [illegible]рая,

lib.pushkinskijdom.ru

Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ ли позднею дорогой
Богатый жидъ иль попъ убогій —
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ! и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

«И что жъ? попались молодцы;
Недолго братья пировали:
Поймали насъ — и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынесть больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами,
Я уцѣлѣлъ — онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньѣ, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
Воды, воды!..» Но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга:
Ужъ онъ меня не узнавалъ,
И поминутно призывалъ

lib.pushkinskijdom.ru

Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшенъ,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!..»
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья.
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами,
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ! сжалься надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его — онъ не опасенъ;
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!..»
Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ,
Хотѣлъ унять больного слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;
То слышалъ ихъ ужасный шопотъ,
То вдругъ погони близкій топотъ,
И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою

lib.pushkinskijdom.ru

На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

«Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ залетной птицы.

«По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
Бухъ! — поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ.
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою,

lib.pushkinskijdom.ru

Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ —
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо —
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ — мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ —
И на груди моей уснулъ.

«Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался.
Все ждалъ, очнется ли мертвецъ,
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь — ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги
И наши буйные набѣги —
Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокій;

lib.pushkinskijdom.ru

Окаменѣлъ мой духъ жестокій
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика,
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.»

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! полно, брось печали;
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать;
Ну, потчивай сосѣдъ сосѣда!»
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть;
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

[Въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 11 ноября 1823 г. (т. VII, п. 46) Пушкинъ такъ объясняетъ происхожденіе этого отрывка: «Вотъ тебѣ и Разбойники. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 г., въ бытность мою въ Екатеринославлѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей — мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго Узника. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно: отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года.» Въ началѣ того же года Пушкинъ задумывалъ болѣе обширную поэму о разбойникахъ, программы которой остались въ его бумагахъ въ такомъ видѣ:

«I. Разбойники, исторія двухъ братьевъ.
II. Атаманъ и съ нимъ дѣва... Пѣснь на Волгѣ.
III. Купеческое судно, дочь купца.
IV. Сходитъ съ ума.»

«Поэма. Вечеромъ дѣвица плачетъ, приговариваетъ, молодцы готовы отплыть. Есаулъ: гдѣ-то нашъ атаманъ? — они плывутъ и поютъ. Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческій; онъ беретъ себѣ другую — та сходитъ

lib.pushkinskijdom.ru

съ ума. Новая не любитъ его и умираетъ. Онъ пускается на всѣ злодѣйства. Есаулъ предаетъ его.»

Сюда же относятся слѣдующіе два наброска, изъ которыхъ послѣдній представляетъ ранній варіантъ начала поэмы:

I.

На Волгѣ, въ темнотѣ ночной,
Вѣтрило блѣдное бѣлѣетъ,
Въ бразды попутный вѣтеръ вѣетъ,
Недвижны волны, руль заснулъ,
Плывутъ ребята удалые
И стоя пѣсню есаулъ...

[Публ. Б—ка.]

II.

Насъ было два брата, мы вмѣстѣ росли,
И жалкую младость въ нуждѣ мы вели,
И алчная жажда владѣла душой,
И вмѣстѣ мы вышли на первый разбой.

[Рум. Музей.]

«Братья-разбойники» явились въ «Пол. Звѣздѣ» на 1825 г., а въ 1827 г. были напечатаны въ Москвѣ отдѣльною брошюрою. Критическія замѣтки см. въ «Сынѣ Отеч.» 1827, № 16, стр. 399, и «Сѣв. Пч.» 1827, № 101. Ср. т. V, стр. 121. Любопытный примѣръ народной передѣлки «Братьевъ» указанъ въ ст. В. О. Михневича: «Лодка», въ «Ист. Вѣстн.» 1881, № 3, стр. 689.]

lib.pushkinskijdom.ru

ПРОГРАММА КОМЕДІИ.

(1821).

Валберхова—вдова*). Сосницкій—ея братъ, Брянскій—любовникъ Валберховой, Рамазановъ, Боченковъ. Сосницкій даетъ завтракъ, Брянскій принимаетъ гостей, Рамазановъ узнаетъ Брянскаго. Изъясненіе. Пополамъ. Начинается игра. Сосницкій все проигрываетъ, гнетъ на карту Величкина (старый слуга). Отчаяніе его.

I.

Сосницкій и Валберхова. — В. игралъ? С. игралъ. В. Долго ли тебѣ быть Богъ знаетъ гдѣ? добро бы либералъ... да ты-то что? Зачѣмъ не въ свѣтѣ... гдѣ вся молодежь? С. Вы всѣ бранчивы... Скучно... То ли дѣло ночь играть. В. Скоро ли отстанешь? С. Нѣтъ, сестрица милая... Уѣзжай. У меня будетъ завтракъ. В. Игра?.. С. Нѣтъ... В. Прощай.

II.

С. Карты!.. Величкинъ. Проиграетесь... С. Полно врать... Я поспѣю.

III.

Валберхова и Брянскій.

IV.

Брянскій и Рамазановъ — узнаютъ, уговариваются.

V.

Валберхова. Что за шумъ? Величкинъ. Играютъ. Валберхова Поди за Брянскимъ.

VI.

Валберхова. И Брянскій такой же.

VII.

Брянскій и Валберхова. — Брянскій. Я пополамъ! Ему урокъ... проигрывается...

---

*) Пушкинъ означилъ дѣйствующихъ лицъ именами актеровъ, которые должны были бы ихъ играть.

lib.pushkinskijdom.ru

VIII.

Сосницкій въ отчаяніи. Брянскій. Величкинъ уговариваетъ, тотъ ставитъ его на карту, проигрываетъ. Величкинъ плачетъ, Сосницкій тоже. Брянскій и Рамазановъ. — Конецъ.

[4 іюня ночью. 5 іюня поутру.]

Брянскій, Рамазановъ, Сосницкій. Вы здѣсь, а мнѣ ничего не сказали.

—

Мочи нѣтъ, усталъ, проигрался; пора въ театръ; нашъ другъ даетъ послѣдній завтракъ, онъ застрѣлится.

—

Я шелъ къ тебѣ, сестра... благо, даже въ одномъ домѣ... — Мы недѣлю не видались, что ты дѣлалъ? — Занятъ былъ. — Сегодня я дома, пріѣзжай пожалуйста. Тебѣ надо быть у тетки. — Я даю завтракъ. — Богъ знаетъ, какое общество. Зачѣмъ тебя нѣтъ въ свѣтѣ, и проч.

— Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались?
Въ одномъ дому живемъ, и мѣсяцъ не видались.
Откуда и куда?
— Я шелъ къ тебѣ, сестра:
Хотѣлось мнѣ съ тобой увидѣться.
— Пора.
— Ей-Богу, занятъ былъ.... дѣлами... службой...
Я дорожу, сестра, твоею дружбой,
Люблю тебя душой... Приду я иногда
Съ тобою посидѣть, — но, видишь ли, бѣда:
Всегда разъѣдемся, — я дома, ты — въ каретѣ;
Никакъ не съѣдемся...
— Но мы могли бы въ свѣтѣ
Видаться каждый день...
— Конечно, я бы могъ
Пуститься въ свѣтъ... Нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ!
По счастью, модный кругъ теперь совсѣмъ не въ модѣ;
Ты знаешь, мы живемъ... на свободѣ,
Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ модныхъ дамъ,
И васъ оставили на жертву старикамъ,
Любезникамъ осьмнадцатаго вѣка...
А впрочемъ, не найдешь живого человѣка
Въ отборномъ обществѣ.
— Хвалиться есть ли чѣмъ?
Что тутъ хорошаго? Ну, я прощаю тѣмъ,
Которые, пустясь въ пятнадцать лѣтъ на волю,
Привыкли... лишь къ пороху, да къ полю:

lib.pushkinskijdom.ru

Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ;
Но ты, который съ годъ учиться пересталъ,
Который не зналъ походной пыли сроду,—
Зачѣмъ перенимать у нихъ пустую моду?
Какая нужда въ томъ?
— Въ кругу своемъ они
О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини...
— Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился;
Ты шлафрокомъ однимъ да трубкою плѣнился;
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ,
Гдѣ вѣчно не курятъ и долженъ быть одѣтъ...

lib.pushkinskijdom.ru

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ.

Все жалобы, упреки, слезы — мочи нѣтъ!
Откланяюсь пока; она мнѣ надоѣла;
Къ тому жъ, и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла:
Я отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ.
Подъ видомъ, будто бы, невиннаго гулянья.
Ахъ!.. матушка!.. Предвижу увѣщанья!..
А, здравствуйте, maman!
— «Куда же ты? постой!
Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить...»
— Я зналъ.
— «Имѣй терпѣнье,
Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье...»
— А въ чемъ же?
— «Да во всемъ. Во-первыхъ, ты жены
Не видишь никогда — точь въ точь разведены:
Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?..

[Рум. Муз.]

lib.pushkinskijdom.ru

ВАДИМЪ.

(Отрывки изъ неоконченныхъ: драмы и поэмы).

(1822).

I.

(Изъ драмы).

ВАДИМЪ.

Я ждалъ тебя, Рогдай! Скорѣй, какую вѣсть
О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принесть *)?
Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа;
Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода?
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

РОГДАЙ.

Вадимъ! надежда есть. Народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя влачить позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ:
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Встревожены умы — и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ...

---

*) Эти два стиха въ рукописи зачеркнуты.

lib.pushkinskijdom.ru

ВАДИМЪ.

Безумные! давно ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Изгнанью моему давно ль рукоплескали?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь...
Невѣрна ихъ вражда! невѣрна ихъ любовь...
Но я не измѣню...

II.

(Изъ поэмы).

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столпомъ неровнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснулъ, и все кругомъ почило...
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило,
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракѣ напрягла?

Ихъ двое. На весло нагбенный,
Одинъ, смиренный житель волнъ,
Гребетъ и къ югу правитъ челнъ;
Другой, какъ вихремъ пораженный,
Стоитъ недвижимъ; на брега
Глаза вперивъ, не молвитъ слова.
И черезъ челнъ его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывутъ...

«Причаливай, старикъ!
Къ утесу правь!» — и въ волны вмигъ
Прыгнулъ пловецъ нетерпѣливый,
И береговъ уже достигъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Межъ тѣмъ, рукой неторопливой
Другой вѣтрило опустивъ,
Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,
Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
И всходитъ медленной стопой
На берегъ дикій и крутой.
Кремень звучитъ, и пламя вскорѣ
Далеко освѣтило море.
Суровый край! Громады скалъ
На берегу стоятъ угрюмомъ;
Объ нихъ мятежный бьется валъ
И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
Песокъ да мохъ; скалы, стремнины
Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣютъ кости — пиръ волковъ
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
Къ огню заботливый старикъ
Простеръ нѣмѣющія руки.
Примѣты долголѣтней муки:
Согбенны кости, тощій ликъ,
На коемъ время углубляло
Свои послѣдніе слѣды,
Одежда, обувь — все являло
Въ немъ дикость, нужду и труды.
Но кто же тотъ? Блистаетъ младость
Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣтъ
Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость
Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
Въ глазахъ потупленныхъ кручина;
На немъ одежда славянина,
И на бедрѣ славянскій мечъ.
Славянъ вотъ очи голубые,
Вотъ ихъ и волосы златые,
Волнами падшіе до плечъ...

Косматымъ рубищемъ одѣтый,
Огнемъ живительнымъ согрѣтый,

lib.pushkinskijdom.ru

Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложивъ крестомъ,
Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ...

Проходитъ ночь; огонь погасъ,
Остылъ и пепелъ; водъ пучина
Бѣлѣетъ; близокъ утра часъ;
Нисходитъ сонъ на славянина.

Видалъ онъ дальныя страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ скальдовъ изступленныхъ,
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ,
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не переноситъ
Теперь героя въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ коситъ;
Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
Киріаландіи печальной,
Ни Альбіона, гдѣ искалъ
Кровавыхъ сѣчъ и славы дальной;
Ему не снится шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы,
И пламя яркое костровъ,
И трубный звукъ, и лай ловитвы;
Другія грезы и мечты
Волнуютъ сердце славянина:
Предъ нимъ славянская дружина;
Онъ узнаетъ ея щиты,
Онъ снова простираетъ руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Забытыхъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ...

Онъ видитъ Новгородъ великій,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
Но тынъ оросъ крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой,
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ:
Все мертво... нѣтъ гостей веселыхъ,
Застольны чаши не гремятъ...
И вотъ веселая свѣтлица.
Въ немъ сердце бьется: здѣсь иль нѣтъ
Любовь очей, душа-дѣвица?
Цвѣтетъ ли здѣсь мой милый цвѣтъ?
Найду ль ее?.. И съ этимъ словомъ
Онъ входитъ... Что же? Страшный видъ —
Въ постелѣ хладной, подъ покровомъ
Дѣвица мертвая лежитъ!..
Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
Покровъ приподнимаетъ онъ,
Глядитъ, глядитъ — и слабый стонъ
Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
Она, она! ея черты!..
На персяхъ рану обнажаетъ;
Она погибла! восклицаетъ;
Кто могъ?.. И слышитъ голосъ: ты!..

Межъ тѣмъ привычныя заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерка;
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все тихо: море почиваетъ.
Но туча виснетъ; дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вотъ, пучина подъ челномъ

lib.pushkinskijdom.ru

Кипитъ, подъемлется, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ,
Челнокъ трещитъ — и пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское...
И пробудясь, трепещетъ онъ,
Глядитъ окрестъ — брега въ покоѣ,
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
На встрѣчу радостной денницы,
Щебеча, полетѣли птицы,
И разсвѣло...

[Эти наброски поэмы и драмы, отъ дальнѣйшаго развитія которыхъ Пушкинъ отказался, сохранились въ рукописяхъ Рум. Музея вмѣстѣ съ программою слѣдующаго содержанія:

«Вечеръ. Русскій берегъ. Ладья. Рыбакъ. Вадимъ не спитъ. Рыбакъ хочетъ его убить. Утромъ засыпаетъ. Вадимъ видитъ во снѣ Новгородъ, Гостомысла, набѣгъ Рюрика, Рогнѣду. Онъ идетъ къ Новгороду. Могила Гостомысла. Онъ находитъ тамъ друга. Первая сцена трагедіи. Заговорщики собираются, клянутся умереть за свободу Новгорода. Тризна. Обряды. Вадимъ назначаетъ свиданіе Рогнѣдѣ.—Свадебный пиръ. Рюрикъ выдаетъ свою дочь за Стемида—перваго полководца, гости садятся за столы, — скатерти. Вадимъ въ числѣ гостей. Пьютъ здоровье Рюрика, братьевъ жениха и невѣсты, варяговъ. Вадимъ пьетъ здоровье гражданъ и Новгорода — почему?»

Въ другой тетради (рукопись Публ. Б—ки) находимъ еще новыя программы для той же поэмы:

«Вадимъ влюбленъ. Рогнѣда, дочь Гостомысла. Она невѣста Громвала, славянина Рюрика. Вадимъ и его шайка таятся близъ могилы Гостомысла. Вадимъ былъ во дворцѣ и въ городѣ и назначилъ свиданье Рогнѣдѣ.

Рюрикъ и Громвалъ — презрѣніе къ народу самовластія. Громвалъ его защищаетъ. Рогнѣда, различныя ея воспоминанія. Является Вадимъ. Рогнѣда, Рюрикъ и Громвалъ.

Вадимъ въ Новгородѣ на вѣчѣ. Вѣстникъ—толпа—Рюрикъ. Рогнѣда открываетъ заговоръ — бунтъ — бой — Вадимъ передъ Рюрикомъ.

Вадимъ и Громвалъ — свиданье — друзья дѣтства.

Преданія: Славенъ основетъ городъ Славянскъ. Вандалъ, сынъ его. Гардоринъ и Гунигаръ, завоеватели. Изборъ, Столпосвятъ и Влад., женатый на Адвиндѣ. Сыновья его. Буривой, сынъ Влад., отецъ Гостомысла.

Вадимъ въ мрачную ночь, сокрытый у гробницы Гостомысла.»

Непосредственно за этой программой въ рукописи слѣдуетъ черновое стихотвореніе «Узникъ»:

И тихо, и грустно въ темницѣ глухой...
Плѣненъ, обезкрыленъ, орелъ молодой,
Мой вѣрный товарищъ въ изгнаньѣ моемъ, и т. д., см. I, 278.

Въ бумагахъ Пушкина сохранились относящіяся къ этому же времени программы поэмъ и драмъ изъ русской исторіи, оставшихся ненаписанными. Первая относится къ поэмѣ изъ древней русской исторіи; вторая взята изъ временъ правленія царевны Софіи.

lib.pushkinskijdom.ru

I.

Изяславъ, сынъ Рогнѣды, въ Витебской губерніи основываетъ городъ Изяславль. Мстиславъ, Ярославъ (братья его), двѣ дочери. Отъ богемки (чехини) Владиміръ имѣлъ Вышеслава, отъ третьей — Святослава и Мстислава, отъ четвертой (болгарки) — Бориса и Глѣба.

1000 годъ, XI вѣкъ.

Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ — меньшіе.

Умеръ. Вышеславу—Новгородъ, Изяславу—Полоцкъ, Ярославу и Борису—Ростовъ, Глѣбу—Муромъ, Святославу—Древлянскую землю, Всеволоду—Владиміръ Волынскій, Святополку—Туровъ (въ Минской губерніи).

. . . . . *)

Планъ. Владиміръ, раздѣливъ на удѣлы Россію, остается въ Кіевѣ; молодые богатыри со скуки разъѣзжаются; съ нимъ—Илья Муромецъ и Добрыня. Печенѣги нападаютъ на Кіевъ; Владиміръ посылаетъ гонцовъ къ сыновьямъ; дѣти его собираются, кромѣ Мстислава; Илья ѣдетъ за нимъ, встрѣчаетъ своего сына, сражается съ нимъ. Мстиславъ, при немъ молодые богатыри, идутъ на косоговъ. Мстиславъ въ горахъ, влюбляется въ ихъ царевну амазонку Армиду; оставленные богатыри разъѣзжаются; Илья ѣдетъ далѣе; узнавъ о любви Мстислава, находитъ его и везетъ къ отцу; царевна за ними ѣдетъ; она пристаетъ къ печенѣгамъ. Сраженія, de grands combats et des combats encore: a) на Кіевъ нападаютъ соединенные народы; b) боги языческіе, изгнанные крещеніемъ, ихъ одушевляютъ; c) хозарскій князь—колдунъ; мечъ Еруслана объ двухъ ударахъ; колдунъ убитъ Мстиславомъ **).

—

Илья хочетъ представить сына Владиміра, вмѣстѣ ѣдутъ.

—

Царевна косоговъ влюбляется въ Мстислава. Ея мать, волшебница, старается заманить Мстислава; Мстиславъ упорствуетъ ея прелестямъ, она въ сраженіи его увлекаетъ подъ видомъ косога, убившаго его друга; превращается вновь. Мстиславъ на островѣ наслажденія. Гонецъ пріѣзжаетъ къ его дружинѣ, не застаетъ его. Владиміръ въ отчаяніи.

Царевна жалуется своей матери, та обѣщаетъ соединить ее съ Мстиславомъ.

—

Илія въ молодости обрюхатилъ царевну татарскую; она вышла замужъ, объявила сыну; сынъ ѣдетъ отыскивать отца.

—

Илія находитъ пустынника, который пророчествуетъ ему участь Россіи.
Мстиславъ увлеченъ чародѣйствомъ въ горы кавказскія.
На Россію нападаютъ съ разныхъ сторонъ всѣ враги ея.
Мстиславъ по вечерамъ видитъ ладію и дѣву.

II.

Стрѣлецъ, влюбленный въ боярскую дочь,—отказъ—приходитъ къ другу-заговорщику—вступаетъ въ заговоръ...

—

*) Здѣсь нѣсколько листовъ рукописи вырвано.
**) Фраза подъ буквой с зачеркнута.

lib.pushkinskijdom.ru

Софья во дворцѣ. Нищіе, скоморохъ. Скоморохъ и старый раскольникъ. Молодой стрѣлецъ; заговоръ.

Стрѣлецъ влюбляется въ Ржевскую, сватается, получаетъ отказъ; онъ становится унылъ, товарищъ открываетъ ему заговоръ, онъ объявляетъ обо всемъ правительницѣ, Софья принимаетъ его, какъ заговорщика; объясненіе, Софья сваха, комедія у боярина. Ржевская замужемъ.

Стрѣлецъ, сынъ стараго раскольника, видитъ Ржевскую въ окошко, переодѣтую горничной дѣвушкой,—сватается черезъ мамушку-раскольницу,—получаетъ отказъ.

Полковникъ стрѣлецкій имѣетъ большое вліяніе на своихъ; Софья хочетъ его къ себѣ переманить.—Онъ разсказываетъ ей, какимъ образомъ онъ узналъ о заговорѣ.

Софья. О чемъ же ты такъ печаленъ?

— Объ отказѣ.

— Я сваха.

— Но будь же, etc.

Бунтъ стрѣлецкій, боярин спасенъ имъ, обѣщаетъ выдать за него дочь.]

lib.pushkinskijdom.ru

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

(1822).

Многіе, такъ же какъ и я, посѣщали сей фонтанъ; но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече.

Саади.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивый
Махнулъ рукой нетерпѣливой —
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занятъ онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Горитъ ли местію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой;
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала? *)

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ,
И непримѣтно за собой
И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью правитъ лѣнь;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младыя жены, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ

*) Къ этому стиху въ первомъ изданіи поэмы было сдѣлано примѣчаніе «Тѣ ошибаются, которые пишутъ джіуръ».

lib.pushkinskijdom.ru

Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведенъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томный.
Ему извѣстенъ женскій нравъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ, и въ неволѣ;
Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Не властны надъ его душой:
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тьмѣ ночной
Неслышными шагами бродитъ:
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа въ ложу переходитъ;
Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ женъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ;
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ,
Все жадно примѣчаетъ онъ:
И горе той, чей шопотъ сонный

lib.pushkinskijdom.ru

Чужое имя призывалъ,
Или подругѣ благосклонной
Порочны мысли довѣрялъ!

Что жъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ евнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель;
Предъ нимъ дверь настежь. Молча онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы, межъ тѣмъ,
Шербетъ носили ароматный,
И пѣснью звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

Татарская пѣсня.

1.

«Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертью освятитъ:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетитъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница...
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ правитъ,
И тягостнымъ ярмомъ безславитъ
Опустошенную страну.

Увы! дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадитъ:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей:
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленьѣ
Позволено ей жить одной,
И, мнится, въ томъ уединеньѣ
Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ...
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ

lib.pushkinskijdom.ru

Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство . . .
. . . . . .

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, подъ тихой лавровъ сѣнью,
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія, мелькая
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной;
Не прерывается ничѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежный,
Дозоромъ обошелъ евнухъ.
Теперь онъ спитъ; но страхъ прилежный
Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ уму.
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожитъ,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ...
Но все кругомъ его молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ!
. . . . . .

Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
Едва дыша, встаетъ она;
Идетъ; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьмѣ ночной
Ступаетъ легкою ногой...
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ евнухъ сѣдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо;
Обманчивъ сна его покой!..
Какъ духъ, она проходитъ мимо.
. . . . . .

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась вѣрнаго замка...
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ..
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный...
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоилась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна

lib.pushkinskijdom.ru

Ея ланиты оживлялись,
И слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарялись:
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема,
Казалось, ангелъ почивалъ,
И сонный слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема...
Увы, Зарема, что съ тобой?
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольно клонятся колѣни,
И молитъ: «сжалься надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!..»
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зритъ;
Въ смятеньѣ, трепетной рукою
Ее подъемля, говоритъ:
— Кто ты?.. Одна, порой ночною,
Зачѣмъ ты здѣсь? «Я шла къ тебѣ:
Спаси меня, въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась...
Я долго счастьемъ наслаждалась,
Была безпечнѣй день отъ дня...
И тѣнь блаженства миновалась!
Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко... но минувшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донынѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море,
И человѣка въ вышинѣ,
Надъ парусами...

lib.pushkinskijdom.ru

Страхъ и горе
Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ,
Въ тѣни гарема расцвѣтала,
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги,
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданьѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньѣ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ безпрерывномъ упоеньѣ,
Дышали счастьемъ; и ниразъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна,
Я знаю, не твоя вина...
Итакъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горятъ его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Меня убьетъ его измѣна...
Я плачу! видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя:
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея...
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней,
Но вѣра матери моей
Была твоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена!»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей;
Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
Какія слезы и моленья
Ее спасутъ отъ посрамленья?
Что ждетъ ее? Ужели ей
Остатокъ горькихъ, юныхъ дней
Провесть наложницей презрѣнной?
О Боже! если бы Гирей
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную навѣкъ,
Или кончины ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ,
Съ какою бъ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
Ужъ ей пора, Марію ждутъ,

lib.pushkinskijdom.ru

И въ небеса, на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ.
. . . . . .

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почила,
Она давно-желанный свѣтъ
Какъ новый ангелъ озарила.
Но что же въ гробъ ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло,—
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!..
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зритъ его лица;
Тамъ, обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены. Между ними
Давно грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!..

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны

lib.pushkinskijdom.ru

И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда;
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.

lib.pushkinskijdom.ru

Сіи надгробные столбы,
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!.. Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!..
. . . . . .

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня,
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать *)?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу, и любовь,

*) Эти 12 стиховъ были откинуты Пушкинымъ при посылкѣ поэмы въ печать, какъ «любовный бредъ». См. т. VII, п. 41.

lib.pushkinskijdom.ru

О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада —
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежный,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

[Происхожденіе поэмы указано самимъ Пушкинымъ въ письмахъ къ Бестужеву, Дельвигу и брату (См. т. VII, п. 59, 63, 89 и по указателю): темою для нея послужилъ разсказъ Ек. Ник. Раевской. Первоначально Пушкинъ предполагалъ назвать поэму «Гаремомъ», но, какъ самъ онъ говоритъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (VII, п. 42), соблазнился меланхолическимъ эпиграфомъ. Въ рукописяхъ поэта сохранилось нѣсколько подготовительныхъ набросковъ къ «Фонтану», которыми онъ впослѣдствіи отчасти и воспользовался:

1.

Исполню я твое желанье,
Начну обѣщанный разсказъ.
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Повѣдали сіе преданье,
Тогда я грустью омрачился;
Но не надолго юный умъ,
Забывъ веселыхъ оргій шумъ,
Въ унынье, въ думы углубился.
Какою быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья,
Восторги — тихою тоской,
Печаль — порывомъ упоенья...

2.

Блеститъ луна, недвижно море спитъ,
Молчатъ сады роскошные Гассана;
Но кто же тамъ во тьмѣ сидитъ
На мраморѣ печальнаго фонтана?

lib.pushkinskijdom.ru

Арапъ-евнухъ, гарема стражъ сѣдой,
И съ нимъ его товарищъ молодой.
«Недугъ любви, недугъ тоски душевной
Не отъ меня сокроешь ты.
Твой мрачный взоръ, твой ропотъ гнѣвный,
Твои свирѣпыя мечты
Уже давно мнѣ все сказали...»

3.

Девлетъ-Гирей задумчиво сидитъ;
Драгой янтарь въ устахъ его дымится;
Ужасный дворъ кругомъ него молчитъ...

4.

(Съ турецкаго).

Даруетъ небо человѣку
Часы отрадъ въ замѣну бѣдъ.
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости суровыхъ лѣтъ.

Блаженъ, кто на брегу Дуная *)
Собой умножитъ падшихъ рядъ:
Къ нему навстрѣчу дѣвы рая,
Толпою страстной полетятъ.

Но всѣхъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Въ прохладѣ тайнаго гарема
Обниметъ радостно тебя.

Въ самой поэмѣ видно подражаніе Байрону, не только въ общемъ ея тонѣ, но и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ (напр. описаніе гарема ночью, напоминающее такую же картину въ Донъ-Жуанѣ, VI, 64—69). Самъ Пушкинъ указалъ на слабыя стороны поэмы въ своихъ письмахъ и критическихъ замѣткахъ (V, 121). Заключительная строфа представляетъ повтореніе темы стихотворенія «Желаніе» (I, 235), вызваннаго воспоминаніями о Крымѣ.

Первое изданіе поэмы было сдѣлано кн. Вяземскимъ (Спб. 1824), приложившимъ свою статью: «Вмѣсто предисловія — разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова» (Соч. Вяз., I, 167) и выписку изъ «Путешествія по Тавридѣ» И. М. Муравьева-Апостола, для ознакомленія читателей со сценою дѣйствія поэмы. Второе изданіе вышло въ Спб. 1827, съ 4 гравюрами: Гирей, Игры женъ, Приходъ Заремы къ Маріи и Сцена между ними. Въ третьемъ изданіи статья кн. Вяземскаго была откинута, а къ выпискѣ изъ книги Муравьева былъ прибавленъ отрывокъ изъ письма Пушкина къ Дельвигу, напечатаннаго въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1826 г. (т. VII, п. 89). Наконецъ, въ четвертый разъ при жизни Пушкина поэма напечатана въ собраніи его «Поэмъ и повѣстей», Спб. 1835.

«Разговоръ» кн. Вяземскаго вызвалъ нѣсколько полемическихъ статей. М. А. Дмитріевъ напечаталъ въ Вѣстн. Евр. 1824, № 5, «Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ «Бахчис. Фонтана», по своимъ выводамъ противопо-

---

*) Варіантъ: Блаженъ, кто русскихъ поражая.

lib.pushkinskijdom.ru

ложный первому; кн. Вяземскій отвѣчалъ статьею: «О литературныхъ мистификаціяхъ» (Дамск. Журн., № 7, и отдѣльн. брошюрой); Дмитріевъ напечаталъ въ В. Евр., № 7, свой «Отвѣтъ на статью о литературныхъ мистификаціяхъ»; кн. Вяземскій помѣстилъ въ Дамск. Ж., № 8, «Разборъ второго разговора», вызвавшій новыя возраженія Дмитріева (В. Е., № 8), на которыя кн. Вяземскій отвѣчалъ статьею: «Мое послѣднее слово» (Д. Ж., № 9; этихъ трехъ полемическихъ статей нѣтъ въ полномъ собраніи соч. кн. Вяземскаго). Сюда же относятся еще слѣдующія статьи и замѣтки: «О поэмахъ А. С. Пушкина и въ особенности о «Бахч. Фонтанѣ», въ Новостяхъ Литературы 1824, № 11 и 12; «О Бахч. Фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи», тамъ же, № 13; «Еще нѣсколько словъ о Б. Ф. не въ литературномъ отношеніи», Дамск. Журн., № 9, и Благонамѣренный, ч. 26; критическая статья въ Сынѣ Отеч., ч. 92, № 12 и 18, «Критическій взглядъ на Б. Ф.», въ «Литер. Листкахъ» Булгарина, 1825, № 7; отвѣтъ на эту статью В. Олина въ Рус. Инв. 1825, № 52. Вся эта полемика вызвала со стороны Пушкина объясненіе, напечатанное въ Сынѣ Отеч. 1824, № 18, въ видѣ письма къ издателю (см. V, 17). Второе изданіе поэмы вызвало замѣтки въ Моск. Телегр. 1827, ч. 18, и Сѣв. Пчелѣ, № 152; отвѣтъ на послѣднюю («Отвѣтъ на письмо Порфирія Фалелеевича Байскаго»)—въ Сланянинѣ 1828, № 13. О третьемъ изданіи см. Лит. Газ. 1830, № 22.

Пушкинъ самъ считалъ «Б. Фонтанъ» слабѣе другихъ своихъ произведеній. Карамзинъ (Письма къ Дмитріеву, 370—371) находилъ, что въ поэмѣ «слогъ живъ, черты прекрасныя, но въ цѣломъ не довольно силы и связи. О евнухѣ слишкомъ много; рѣчь Заремы слаба, кромѣ пяти или шести стиховъ; окончаніе хорошо.» Мнѣніе А. Раевскаго приведено въ т. V, стр. 121.]

lib.pushkinskijdom.ru

ЦАРЬ НИКИТА.

Сказка.

(1822).

Царь Никита жилъ когда-то
Славно, мирно и богато,
Не творя добра, ни зла,
И земля его цвѣла.
Царь трудился понемногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей,
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Милыхъ видомъ и душой —
Что за глазки — Боже мой!
Ротикъ алый, темный волосъ,
Ножки — чудо! Нѣжный голосъ
Васъ съ ума свести бы могъ!
Словомъ, съ головы до ногъ
Чувство, душу все плѣняло —
Одного недоставало...
Да чего же одного?
Такъ, бездѣлки, ничего,
Ничего иль очень мало,
Все равно — недоставало...

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ бы это изъяснить,
Чтобы намъ не прогнѣвить
Богомольной важной дуры
Или чопорной цензуры?..

[Далѣе нѣсколько листовъ вырвано. Въ заграничныхъ изданіяхъ эта сказка печатается съ окончаніемъ, неизвѣстно кѣмъ сочиненнымъ, можетъ быть — и по памяти о пушкинскихъ стихахъ, которые читалъ наизусть братъ поэта.]

lib.pushkinskijdom.ru

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.

(1823).

1.

Воистину, еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье:
Приди ко мнѣ, прелестный ангелъ мой,
И мирное прими благословенье!
Спасти хочу земную красоту.
Любезныхъ устъ улыбкою довольный,
. . . . . .
Пою стихи на лирѣ богомольной...

2.

Въ тиши полей, — —
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранитъ,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,
Безъ прихоти вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человѣкъ,
Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньѣ былъ единственный работникъ;
И день и ночь имѣя много дѣлъ
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ...

lib.pushkinskijdom.ru

3.

Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ.
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сіяніи и славѣ нестерпимой,
Тамъ ангелы волнуются, кишатъ,
Безчисленны летаютъ серафимы,
Струнами арфъ бряцаютъ херувимы,
Архангелы въ безмолвіи сидятъ,
Главы закрывъ лазурными крылами...

4.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Другого я не смыслю разговора!
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
И всюду насъ преслѣдуетъ, томитъ
Предметъ одинъ и думы, и страданій, —
Не правда ли — въ толпѣ младыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ и находимъ;
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Нарѣчіемъ восторговъ переводимъ.
Когда же мы поймали на-лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать —
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать...

5.

Въ своемъ саду, печальныхъ думъ полна,
Проводитъ часъ невиннаго досуга
И снова ждетъ плѣнительнаго сна.

lib.pushkinskijdom.ru

Съ ея души не сходитъ образъ милый...
. . . . . .
Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ ручья,
Задумалась красавица моя.
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
Не весело прозрачныхъ водъ журчанье...
И видитъ вдругъ: прекрасная змѣя,
Приманчивой блистая чешуею,
Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею...

6.

О милый другъ, кому я посвятилъ
Всѣ первыя надежды и желанья,
Красавица, которой былъ я милъ!
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья,
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы?
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы
Безсонницы, дѣвическую муку...
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
Простишь ли мнѣ, о милая моя?..

7.

...Сплетенные, крутясь, идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой...
Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,

lib.pushkinskijdom.ru

Оставя классъ, мы бѣгали на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?..

8.

Не сѣтуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды прекраснаго грѣха
Невинности набрасывать уборы...

9.

Аминь, аминь! Чѣмъ кончу я разсказы?
Навѣкъ забывъ старинныя проказы,
. . . . . .
Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное, спасительное пѣнье!
Храни меня, внемли мое моленье:
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель...
Раскаянье мое благослови:
Пріемлю я намѣренья благія —
Перемѣнюсь — Елену видѣлъ я...
. . . . . .
Подвластна ей навѣкъ душа моя.
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравиться повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея душѣ зажги любви желанье —
Не то пойду молиться сатанѣ.
Но дни бѣгутъ, и время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребритъ,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединитъ...
. . . . . .

lib.pushkinskijdom.ru

Даруй ты мнѣ безпечность и терпѣнье,
Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь.

[Эта поэма, написанная въ подражаніе Парни, о которой Пушкинъ упоминаетъ въ п. 39 (VII, 50), была впослѣдствіи имъ уничтожена. Отрывокъ относящейся къ ней программы см. въ Рус. Стар. 1884, изд. 2-е, апр., стр. 91. (Рук. № 2365, л. 28). Въ настоящемъ изданіи «Отрывки» являются исправленными и нѣсколько дополненными.]

lib.pushkinskijdom.ru

ЦЫГАНЫ.

(1824)

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальное глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
«Отецъ мой, дѣва говоритъ,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала.
Онъ хочетъ быть какъ мы, цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду.»

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ, и кровъ.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ,
Бродящей бѣдности и волѣ;
А завтра съ утренней зарей
Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй, иль пѣсни пой
И села обходи съ медвѣдемъ.

АЛЕКО.

Я остаюсь.

lib.pushkinskijdom.ru

ЗЕМФИРА.

Онъ будетъ мой:
Кто жъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно. . мѣсяцъ молодой
Зашелъ, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонитъ...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги.»
И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось — и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ вослѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо-непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира.
Теперь онъ вольный житель міра,

lib.pushkinskijdom.ru

И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что жъ сердце юноши трепещетъ,
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его, порой, волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безпечно подъ грозою
И въ ведро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти

lib.pushkinskijdom.ru

Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

ЗЕМФИРА.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

АЛЕКО.

Что жъ бросилъ я?

ЗЕМФИРА.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

АЛЕКО.

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

ЗЕМФИРА.

Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

lib.pushkinskijdom.ru

АЛЕКО.

Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желанье —
Съ тобой дѣлить любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.

СТАРИКЪ.

Ты любишь насъ, хоть и рожденъ
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдный,
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье,

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая,
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью — чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.

АЛЕКО.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Такъ же бродятъ
Цыганы мирною толпой;
Вездѣ, по-прежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ же онъ, семья все та же;
Онъ, прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью цыганскому привыкъ;
Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни,
И упоенье вѣчной лѣни,
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглецъ родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
Близь молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжко пляшетъ, и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ.

lib.pushkinskijdom.ru

На посохъ опершись дорожный,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣньемъ звѣря водитъ,
Земфира поселянъ обходитъ
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь; они всѣ трое
Варятъ нежатое пшено;
Старикъ уснулъ — и все въ покоѣ...
Въ шатрѣ и тихо, и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

ЗЕМФИРА.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

АЛЕКО.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсенъ не люблю.

ЗЕМФИРА.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любитъ меня!

lib.pushkinskijdom.ru

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

АЛЕКО.

Молчи, Земфира, я доволенъ...

ЗЕМФИРА.

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

АЛЕКО.

Земфира!..

ЗЕМФИРА.

Ты сердиться воленъ:
Я пѣсню про тебя пою.
(Уходитъ и поетъ: Старый мужъ и проч.)

СТАРИКЪ.

Такъ, помню, помню; пѣсня эта
Во время наше сложена;
Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее, бывало, въ зимню ночь
Моя пѣвала Маріула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронилась пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо; ночь; луной украшенъ
Лазурный юга небосклонъ.
Старикъ Земфирой пробужденъ:
«О, мой отецъ! Алеко страшенъ;
Послушай: сквозь тяжелый сонъ
И стонетъ, и рыдаетъ онъ.»

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я русское преданье:

lib.pushkinskijdom.ru

Теперь, полуночной порой,
У спящаго тѣснитъ дыханье
Домашній духъ; передъ зарей
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ —
Ты для него дороже міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мнѣ;
Мнѣ скучно, сердце воли проситъ,
Ужъ я... Но тише! слышишь? онъ
Другое имя произноситъ.

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый!.. Какъ ужасно!
Я разбужу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно:
Ночного духа не гони;
Уйдетъ и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся.
Иду къ нему. — Прощай, усни.

АЛЕКО.

Гдѣ ты была?

ЗЕМФИРА.

Съ отцомъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

lib.pushkinskijdom.ru

АЛЕКО.

Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страшныя мечты.

ЗЕМФИРА.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

АЛЕКО.

Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему.

СТАРИКЪ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубитъ.

АЛЕКО.

Отецъ! она меня не любитъ.

СТАРИКЪ.

Утѣшься, другъ; она дитя;
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
И вотъ, ужъ перешла въ другое,
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись!
Утѣшься!..

lib.pushkinskijdom.ru

АЛЕКО.

Какъ она любила!
Какъ нѣжно, преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла!

СТАРИКЪ.

Послушай, разскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще москаль —
(Вотъ, видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль),
Тогда боялись мы султана,
А правилъ Буджакомъ паша
Съ высокихъ башенъ Аккермана —
Я молодъ былъ, моя душа
Въ то время радостно кипѣла
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла.
Между красавицъ молодыхъ
Одна была... и долго ею,
Какъ солнцемъ, любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ
Меня любила Маріула.

Однажды близь кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близь нашихъ, у горы,

lib.pushkinskijdom.ru

Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Маріула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я — подруги нѣтъ!
Ищу, зову — пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!.. Съ этихъ поръ
Постылы мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

АЛЕКО.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ вослѣдъ неблагодарной,
И хищнику и ей, коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

СТАРИКЪ.

Къ чему? Вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

АЛЕКО

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

МОЛОДОЙ ЦЫГАНЪ.

Еще одно, одно лобзанье!

ЗЕМФИРА.

Пора! мой мужъ ревнивъ и золъ.

ЦЫГАНЪ.

Одно... но долѣ — на прощанье!

ЗЕМФИРА.

Прощай, покамѣстъ не пришелъ.

ЦЫГАНЪ.

Скажи — когда жъ опять свиданье?

ЗЕМФИРА.

Сегодня, какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ, надъ могилой...

ЦЫГАНЪ.

Обманетъ! не придетъ она.

ЗЕМФИРА.

Бѣги — вонъ онъ! Приду, мой милый.

Алеко спитъ. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ, съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
Ревниво руку простираетъ;
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ —
Его подруга далека...
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ...
Все тихо! страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ, и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ телѣгъ ужасенъ бродитъ;
Спокойно все; поля молчатъ;
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ;
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальные курганы:
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ;
Туда слабѣющія ноги
Влачитъ, предчувствіемъ томимъ;
Дрожатъ уста, дрожатъ колѣни...
Идетъ... и вдругъ... иль это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пора!..

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Постой!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пора, мой милый.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ужъ поздно.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Какъ ты робко любишь.
Минуту!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ты меня погубишь.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Минуту!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Если безъ меня
Проснется мужъ...

АЛЕКО.

Проснулся я.
Куда вы? Не спѣшите оба—
Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

ЗЕМФИРА.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

lib.pushkinskijdom.ru

АЛЕКО.

Постой!
Куда, красавецъ молодой?
Лежи!

(Вонзаетъ въ него ножъ).

ЗЕМФИРА.

Алеко!

ЦЫГАНЪ.

Умираю!

ЗЕМФИРА.

Алеко, ты убьешь его!
Взгляни, ты весь обрызганъ кровью!
О, что ты сдѣлалъ?

АЛЕКО.

Ничего.
Теперь дыши его любовью...

ЗЕМФИРА.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы проклинаю,
Твое убійство презираю.

АЛЕКО.

Умри жъ и ты! (Поражаетъ ее).

ЗЕМФИРА.

Умру любя!

Востокъ, денницей озаренный,
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный,
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшенъ былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ-отецъ одинъ сидѣлъ,
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;

lib.pushkinskijdom.ru

Подняли трупы, понесли,
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ зарыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
На нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки, и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ — оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою.»

Сказалъ — и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда, передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль, на югъ несется,—
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

10 октября 1824.

lib.pushkinskijdom.ru

ЭПИЛОГЪ.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ *).

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ изодранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

---

*) Г. Анненковъ (Мат., 83) сообщаетъ, что въ 1822 г. Пушкинъ на нѣсколько дней пропалъ изъ Кишинева: онъ отправился въ Измаилъ и на пути пристalъ къ цыганскому табору, ночевалъ въ шатрахъ его и жилъ дикою жизнью кочевого племени.

lib.pushkinskijdom.ru

[Поэма была начата Пушкинымъ еще въ Одессѣ, между 2 и 3 главами «Онѣгина», въ декабрѣ 1823 г.; въ началѣ рукописи поэтъ нарисовалъ медвѣдя, цыганскій шатеръ и подъ нимъ Земфиру. На той же страницѣ набросана и программа: «Старикъ, дѣва, Алеко и Маріанна, утро, медвѣдь, исповѣдь, разговоръ, признаніе, убійство, изгнаніе.» Подчеркнутыя слова въ рукописи зачеркнуты. Окончена поэма въ Михайловскомъ, 10 октября 1824 года; отрывки изъ нея печатались въ «Пол. Звѣздѣ», «Сѣв. Цвѣтахъ» и «Моск. Тел.» 1825 г.; отдѣльное изданіе ея явилось въ 1827 г., въ Москвѣ. Въ рукописи Пушкинъ предназначалъ поэмѣ два эпиграфа: одинъ — изъ посланія кн. Вяземскаго къ Ѳ. П. Толстому: «Подъ бурей рока — твердый камень, въ волненьяхъ страсти — легкій листъ» (предназначавшійся прежде для «Кавказскаго Плѣнника»), и другой — «Мы люди смирные, дѣвы наши любятъ волю — что тебѣ дѣлать у насъ?— Молдавская пѣсня». Въ рукописяхъ находится еще отрывокъ, не вошедшій въ поэму:

Блѣдна, слаба — Земфира дремлетъ;
Алеко, съ радостью въ очахъ,
Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ:

«Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы.

«Останься посреди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья —
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикой люлькою твоей.

«Рости на волѣ, безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ.

«Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ...

«Нѣтъ, не преклонитъ онъ колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будетъ жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайно жаждой мести.

«За то безпеченъ, здравъ и воленъ,
Не будетъ вѣдать ложныхъ нуждъ,
Онъ будетъ жребіемъ доволенъ,
Напрасныхъ угрызеній чуждъ.

«Отъ общества, быть можетъ, я
Отъемлю нынѣ гражданина.
Что нужды?— Я спасаю сына...
И я бъ желалъ, чтобъ мать моя

«Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой остяка,
Въ глухой разсѣлинѣ утеса...»

lib.pushkinskijdom.ru

Въ черновыхъ кишиневскихъ тетрадяхъ сохранился еще слѣдующій набросокъ:

Моей любовью насладись
Въ молчаньѣ ночи безмятежной,
Приди, я таю, другъ мой нѣжный,
Не измѣнись, не измѣнись.

Поэтъ хотѣлъ также приложить къ поэмѣ нѣчто въ родѣ предисловія: «Долго не знали въ Европѣ происхожденія цыгановъ и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донынѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что цыганы принадлежатъ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ паріа. Языкъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни — вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью — вездѣ утомила мѣры, принятыя для преобразованія праздной жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками. Въ Молдавіи цыгане составляютъ большую часть народонаселенія, отличаются дикостію и бѣдностію; но всего замѣчательнѣе то, что въ Бессарабіи и Молдавіи крѣпостное состояніе существуетъ только между ними; тамъ нѣтъ крѣпостныхъ, кромѣ сихъ... приверженцевъ первобытной свободы. Это не мѣшаетъ имъ однако же вести дикую кочевую жизнь, довольно вѣрно описанную въ сей повѣсти. Дань ихъ составляетъ... доходъ супруги Господаря. Они отличаются передъ прочими большей нравственной чистотой; они не промышляютъ ни кражей, ни обманомъ; впрочемъ, они такъ же дики, такъ же бѣдны, такъ же любятъ музыку, занимаются тѣми же грубыми ремеслами».

Пѣсня Земфиры представляетъ переводъ молдавской пѣсни: «Арде-ма, фриде-ма», оригиналъ которой можно найти, между прочимъ, въ книгѣ Гинкулова: Собраніе сочиненій и переводовъ для упражненія въ валахо-молдавскомъ языкѣ, Спб. 1840.

Критическая статья о «Цыганахъ» написана кн. Вяземскимъ (Моск. Тел. 1827, № 10, и Соч., I, 313); рецензіи явились въ Сѣв. Пч. 1827, № 65 и 1832, № 43, и въ Сынѣ Отеч. 1827, № 12. См. замѣтку Пушкина въ т. V, 121.]

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

lib.pushkinskijdom.ru

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

ОТДѢЛЪ I. ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1826 г.

стр.

Въ альбомъ Е. Н. Вульфъ 1
Элегія. (На смерть г-жи Ризничъ) . . . . . —
Пророкъ 2
Екатеринѣ Александровнѣ Тимашевой 3
Зачѣмъ безвременную скуку 4
Зимняя дорога 5
Въ альбомъ кн. П. П. Вяземскому 6
Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому . . . . . —
Ив. Ив. Пущину 7
Стансы . . . . . —
Черновые наброски:
О ты, который сочеталъ 8
Все въ жертву памяти твоей . . . . . —

1827 г.

Ангелъ 9
Талисманъ . . . . . —
Соловей 11
Посланіе въ Сибирь . . . . . —
Есть роза дивная 12
Е. Н. Ушаковой . . . . . —
Кн. З. А. Волконской. (При посылкѣ ей поэмы: «Цыганы») 13
Къ графинѣ Н. В. Кочубей. (При посылкѣ ей оды: «Вольность») . . . . —
Княжнѣ С. А. Урусовой 14
Эпиграммы:
На А. Н. Муравьева . . . . . —
Кн. А. А. Мещерской 15
Черна, какъ галка . . . . . —
Аріонъ . . . . . —
Три ключа 16
Черепъ. Посланіе къ Дельвигу . . . . . —
Поэтъ 21
Къ Языкову . . . . . —

lib.pushkinskijdom.ru

стр.
Близь мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая 22
19 октября 1827 . . . . . —
Золото и булатъ 23
Эпитафія младенцу Волконскому. (Сыну декабриста Сергѣя Григорьевича) —
* Монологъ Изабеллы изъ трагедіи Альфіери: Филиппъ II . . . . . —
Черновые наброски:
Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ 24
(Къ нянѣ) 26
Земли достигнувъ наконецъ . . . . . —
* Толпа холодная поэта окружаетъ 27
Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ . . . . . —
Кормомъ, стойлами, надзоромъ . . . . . —
* Въ рощахъ карійскихъ 28

1828 г.

Друзьямъ 29
И. Е. Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроковъ» 30
(А. А. Олениной) 31
Ея глаза. (Въ отвѣтъ на стихи кн. Вяземскаго) 32
Каковъ я прежде былъ 33
Портретъ . . . . . —
Не пой, красавица, при мнѣ 34
Къ *** . . . . . —
Наперсникъ 35
Цвѣтокъ . . . . . —
To Dawe esqr 36
* Увы, языкъ любви болтливой . . . . . —
Воспоминаніе 37
Ты и вы 38
26 мая 1828 . . . . . —
Предчувствіе 39
Шотландская пѣсня . . . . . —
Н. Д. Киселеву 40
Я думалъ, сердце позабыло . . . . . —
Е. В. Вельяшевой 41
Посланіе П. И. Эгельстрому . . . . . —
А. И. Вульфъ 42
Анчаръ. Древо яда 43
Отвѣтъ Катенину 44
Утопленникъ 45
* Опричникъ. (Отрывокъ) 47
Чернь 49
Конрадъ Валленродъ 51
И. В. Сленину 52
В. С. Филимонову, при полученіи поэмы его «Дурацкій Колпакъ» 53
Подражаніе Анакреону . . . . . —
19 октября 1828 54
Отвѣтъ А. И. Готовцовой 55
П. А. Плетневу. (Посвященіе 4 и 5 гл. Евгенія Онѣгина) 56
Любопытный . . . . . —
Собраніе насѣкомыхъ 57
Невѣдомскій — поэтъ 58
Черновые наброски:
Риема — звучная подруга . . . . . —

lib.pushkinskijdom.ru

стр.
Въ степяхъ зеленыхъ Буджака . . . 60
Волненьемъ жизни утомленный . . . —
Брадатый старичекъ Авдѣй . . . —

1829 г.

Примѣты. (А. А. Олениной) . . . 62
Въ альбомъ . . . 63
Я васъ любилъ . . . —
Къ А. П. Кернъ . . . 64
Екат. Никол. Ушаковой. (Въ альбомъ) . . . —
Изъ ея же альбома . . . 65
Отрывокъ . . . 66
Калмычкѣ . . . —
Изъ Гафиза . . . 67
Донъ . . . 68
Делибашъ . . . —
Монастырь на Казбекѣ . . . 69
Кавказъ . . . —
Дорожныя жалобы . . . 70
Обвалъ . . . 71
Олеговъ щитъ . . . 72
Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ . . . 73
Зимнее утро . . . 74
Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ . . . 75
Элегическій отрывокъ . . . 76
Стансы . . . 77
Загадка. (При посылкѣ Дельвигу бронзоваго сфинкса) . . . 78
Эпиграммы:
На Каченовскаго:
1. Литературное извѣстіе . . . —
2. Обиженный журналами жестоко . . . 79
3. Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій . . . —
4. Какъ сатирой безымянной . . . 80
На Надеждина:
1. Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ . . . —
2. Притча . . . 81
3. * Надѣясь на мое превратное . . . —
(Передъ бюстомъ) . . . 82
Къ N. N. . . . —
Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горадій . . . 83
Черновые наброски:
Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ . . . —
* Былъ и я среди дощовъ . . . —
* Критонъ, роскошный гражданинъ . . . 84
Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо . . . —
Во время оное, былое . . . —
Страшно и скучно . . . 85
** Еще одной высокой, важной пѣсни . . . —

1830 г.

Отвѣтъ. (Ек. Н. Ушаковой) . . . 86
Циклопъ. (Экспромтъ въ костюмѣ Циклопа, на маскарадѣ у вел. кн. Елены Павловны) . . . 88
Стансы. (Митр. моск. Филарету) . . . —

lib.pushkinskijdom.ru

стр.
На переводъ Иліады 89
* На Булгарина: 1. Не то бѣда, что ты полякъ . . . . . —
2. Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь 90
Новоселье. (П. В. Нащокину) 91
Къ вельможѣ. (Кн. Н. Б. Юсупову, въ Архангельское) . . . . . —
Поэту. (Сонетъ) 95
Мадонна. (Сонетъ) 96
Къ ***. (Сонетъ) 97
Цыганы . . . . . —
Отвѣтъ Анониму 98
Бѣсы. (Шалость) 99
Элегія 101
Шалость . . . . . —
* Осень. (Отрывокъ) 102
Разставаніе 105
* Пажъ, или пятнадцатый годъ 106
Изъ записки къ пріятелю 107
Моя родословная, или русскій мѣщанинъ. Вольное подражаніе лорду Байрону . . . . . —
Стамбулъ гяуры нынѣче славятъ 110
Заклинаніе 112
Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы 113
* Начало сказки . . . . . —
Въ началѣ жизни школу помню я 115
Пью за здравіе Мери 117
Я здѣсь, Инезилья . . . . . —
Предъ испанкой благородной 118
Для береговъ отчизны дальной 119
Царскосельская статуя 120
Отрокъ . . . . . —
Рiема . . . . . —
Трудъ 121
Герой . . . . . —
Черновые наброски:
Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ 124
О муза пламенной сатиры . . . . . —
* Мѐдокъ. (Медокъ въ Уаллахъ) 125
* (Дельвигу) 126

1831 г.

Красавица. (Въ альбомъ Н. Н. Гончаровой) 127
Эхо. (Изъ Томаса Мура) 128
Къ тѣни полководца . . . . . —
Клеветникамъ Россіи 129
Бородинская годовщина 131
19 октября 1831 133
Отрывокъ 135

1832 г.

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ 136
Въ альбомъ А. О. Россетти . . . . . —
Начало повѣсти 137
* Юдиѳь. (Отрывокъ) 138
Альфонсъ. (Начало поэмы) . . . . . —

lib.pushkinskijdom.ru

стр.
(Подражаніе Данту) 140
Въ альбомъ 141
Княжнѣ А. Д. Абамелекъ 142
Въ альбомъ . . . . . —
Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я . . . . . —

1833 г.

Подражанія древнимъ:
I. (Изъ Аѳенея) 144
II. (Изъ Ксенофана Колофонскаго) . . . . . —
III. Вино. (Іонъ Хіосскій) 145
(Олениной) . . . . . —
Гусаръ . . . . . —
Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ 149
Воевода. (Изъ Мицкевича) 151
Будрысъ и его сыновья. (Изъ Мицкевича) 153
* Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума 154
Родригъ 155
Экспромптъ 160
Черновые наброски:
* Французскихъ риѳмачей суровый судія . . . . . —
Не лучше ль вамъ съ надеждою смиренной 161
* Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ . . . . . —
Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ 162
* Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ . . . . . —
Другъ мой милый, красно солнышко мое . . . . . —
* Царь увидѣлъ предъ собою 163
Въ полѣ чистомъ серебрится . . . . . —

1834 г.

Странникъ. (Изъ Буньяна) 164
Мицкевичъ 166
Къ Н** 168

1835 г.

Изъ Анакреона 170
Богъ веселый винограда 171
Отъ меня вечоръ Леила . . . . . —
Мальчику. (Изъ Катулла) 172
Изъ Горація. (Книга II, ода VII: ad Pompejum) . . . . . —
Юноша! скромно пируй 173
Юношу, горько рыдая . . . . . —
Не розу паѳосскую 174
Подражаніе арабскому . . . . . —
Полководецъ. (Барклай де Толли) . . . . . —
Туча 178
Пиръ Петра Великаго . . . . . —
На выздоровленіе Лукулла. (Подражаніе латинскому) 180
* Вновь я посѣтилъ 182

1836 г.

Д. В. Давыдову. (При посылкѣ Исторіи Пугачевскаго бунта) 185
Художнику . . . . . —
Когда великое свершалось торжество 186

lib.pushkinskijdom.ru

стр.
Подражаніе итальянскому 187
Изъ VI Пиндемонте . . . . . —
Молитва 188
Когда за городомъ задумчивъ я брожу . . . . . —
* Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный 189
На статуи:
I. Мальчика, играющаго въ бабки 190
II. Мальчика, играющаго въ свайку 191
19 октября 1836 . . . . . —
(Къ женѣ) 193
Куплетъ 194

ОТДѢЛЪ II. ПОЭМЫ, СКАЗКИ И ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ВЪ СТИХАХЪ.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА 197
КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ 276
БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ 302
* ПРОГРАММА КОМЕДІИ 310
ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ 313
* ВАДИМЪ. (Отрывки изъ неоконченныхъ: драмы и поэмы) 314
БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ 322
* ЦАРЬ НИКИТА. Сказка 340
* ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ 342
ЦЫГАНЫ 347

lib.pushkinskijdom.ru

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.		Напечатано.	Слѣдуетъ.
14	7	сверху	[граціямъ]	Троицѣ
—	8	»	[видъ]	Богъ
—	14	»		Jusqu'à présent n'avait pas fait fortune;
18	15	»	Увѣренность	Умѣренность
33	5	»	antrefois	autrefois
94	7	»	благоденствуѐшь	благосклонствуешь
103	10	снизу	играетъ;	играетъ
122	8	сверху	героя	герою
178	4	снизу	честъю	честью
270	1	сверху	редстанетъ	предстанетъ
300	29	»	о лаковъ	облаковъ

lib.pushkinskijdom.ru